

Иван и Елена
Мельниковы

Арагонские хроники

Дневник барона Сореала де Монте

Annotation

В последние годы фэнтези благополучно рассталось с ярлыком «чтива для эскапистов» и вышло в большой мир. Который, в отличие от сказки, не терпит деления на черное и белое. Просочившись в волшебные истории, он сделал их жестокими, а читателя лишил уверенности в счастливом финале. Не стала исключением и эта книга. В ней персонажи попадают в водоворот событий, которые кое-кому из них могут оказаться не по плечу. Но мы постарались, чтобы усилия героев не пропали даром.

- Арагонские хроники
 -
 -
 - Пара строк из прошлого...
 - Сореал де Монте
 - Клодия
 - Айден Фин-Сеал
 - А теперь о настоящем
 - Интерлюдия 1.
 - Интерлюдия 2.
 - Интерлюдия 3.
 - Интерлюдия 4.
 - Интерлюдия 5.
 - Интерлюдия 6.
 - Интерлюдия 7.
 - Интерлюдия 8.
 - Интерлюдия 9. На крыльях бури
 - Интерлюдия 10.
 - Интерлюдия 11.
 - Интерлюдия 12.
 - Эпилог

Арагонские хроники

Дневник барона Сореала де Монте

Иван Мельников

Елена Мельникова

© Иван Мельников, 2015

© Елена Мельникова, 2015

© Елена Сергеевна Мельникова, дизайн обложки, 2015

© Елена Сергеевна Мельникова, иллюстрации, 2015

Редактор Вероника Александровна Тихомирова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Невзирая на свои многочисленные и безусловные достоинства, барон, как вы вскоре заметите, был изрядным сухарем. Его бумаги очень наглядно демонстрируют эту черту его характера — Сореал порой останавливал свой взгляд на самых пустяковых, с точки зрения читателя, бытовых деталях, упуская из виду действительно важные и яркие происшествия. Что удивительно, это не мешало ему местами разбавлять общую скупость повествования неуклюжими, но, безусловно, искренними романтическими нотками. Я не могу осуждать барона за подобный стиль, в конце концов, он не писатель, а воин (и, замечу, превосходный), посему чувствую за собой не только право, но и обязанность внести должный порядок в его записи.

Мне стоило немалых трудов отыскать дневник в одном из замковых чуланов среди ржавых мечей, покрытых паутиной доспехов и прочего бесполезного, по мнению баронессы Джессики, хлама. А ведь было время, когда де Монте ревностно оберегал свои доверенные бумаге мысли от внимания посторонних. Помню, каких трудов мне стоило заглянуть в тетрадь первый раз... но это, друзья мои, совсем другая история.

Посему вы найдете здесь интерлюдии, дополнения и вставки, о содержании которых Сореал, возможно, не ведает и по сей день. Полагаю, так даже лучше, хотя мой милый Гилберт в итоге и изменил свое отношение к де Монте. Бывает тяжело узнавать на склоне лет, где именно на своем Пути ты оступился, что вовремя не заметил или мог предотвратить, уж поверьте старой доброй Розалине Эйнхандер. Происхождение наполняющей эти

интерлюдии информации весьма разнообразно — вы прочтете как выдержки из личных записей королевы Арагонской, так и эпизоды, кропотливо восстановленные по беседам с участниками и свидетелями описываемых приключений.

Тем не менее в ваших руках именно то, о чем говорит заголовок. Невзирая на мою редактуру, это все еще дневник барона, его детище, хоть и (простите мне мое тщеславие) изложенный таким опытным сказителем, как я.

*— Розалина Эйнхандер фон Штейн, писано
в последний день весны года 1892*

от основания великого королевства Арагон.

Почему-то в наш просвещенный век принято считать, будто рыцарь должен не только уметь сражаться, держаться в седле, знать основы тактики, но и владеть искусством письма. А вместе с тем еще несколько поколений назад практически нельзя было встретить воина, освоившего грамоту, — умение читать и писать являлось планидой магов, клириков и чудаковатых ученых. Не уверен в правильности подобного намерения, но, покидая феода своего отца, я все же захватил с собой толстую тетрадь в кожаном переплете, флакон чернил и пучок острых перьев. Если повезет — здесь появятся истории, достойные бардов, если нет — то имя на обложке подскажет священнику, кого помянуть в прощальной молитве.

— Барон Сорел де Монте.

Пара строк из прошлого...

— Дом нужен для того, чтобы вспоминать о нем у походного костерка.

Барон Ларс фон Штейн, путешественник.

Нелегко быть младшим сыном сиятельного барона Арда де Монте. Никакой надежды когда-нибудь стать единовластным владельцем замка Дантор, полудюжины городов и двух сотен деревень. Об этом не задумываешься в пятнадцать лет, когда служишь оруженосцем у графа Ламбрэ, не помышляешь в двадцать один, когда становишься рыцарем и клянешься на своем мече служить родному королевству, но годы идут. Нет, титул и кое-какое наследство всегда останутся при мне, однако отец никогда не разделит феода на части, а значит, ни мне, ни моему среднему брату Харту не светит стать лендлордами. Никогда не стремился обладать нашими родовыми землями, но все равно обидно.

Впрочем, осознав, что участь правителя Дантора мне не грозит, я лишь задумался о тех дорогах, которые простерлись теперь передо мной. Можно найти забвение в вине и женщинах, как Харт, или предложить свой меч и службу одному из светлых герцогов. Это и слава, и деньги, и, вероятнее всего, неплохой надел. Война, странствия, праздноденствие... сложный выбор.

Пока я решал, как мне потратить жизнь, судьба сделала свой ход. Неделю назад отец получил письмо от своего старого друга, барона Ларса фон Штейна. Я знаком с Черным Вепрем, известным путешественником и умелым воином, только по рассказам, но мне было грустно услышать о болезни знаменитого рыцаря. Однако куда большим сюрпризом стало желание фон Штейна завещать мне часть своего достояния! Точнее, не совсем мне. Ларс предпочел бы передать наследство тому из детей де Монте, кто еще не нашел свое место в жизни и, скорее всего, не получит весомого состояния после смерти самого Арда. А уже отец решил, что именно я подхожу под это определение. Но ведь у самого Ларса осталась дочь! Правда, поговаривают, девушка унаследовала взрывной характер матери и умудрилась попасть в какую-то неприятную историю. Неужели это причина лишать ее законных прав? Хотя речь может идти о какой-то диковинке, которую фон Штейн решил оставить на память детям своего друга. Непонятно, но очень любопытно. Чем не причина покинуть дом и рвануться вперед, на встречу с неизвестностью? Тем более,

отец прямо благословляет меня на это путешествие.

Сборы были недолгими: немного денег на дорогу, верный конь, волшебные доспехи, набор оружия — что еще нужно? Пожалуй, спутник! Что за рыцарь без оруженосца? Да и вообще, Гилберт Эйнхандер, страстно мечтающий о славе и подвигах, скорее мой друг, чем просто паренек, который таскает за мной копье и чистит лошадей. Ну и, конечно, возьму с собой Фессаху. Я не мог оставить женщину-кошку дома — еще съест кого-нибудь. Моя рабыня не слишком цивилизована, но я ведь держу ее не за этим.

Итак, в путь, и да помогут нам боги!

— *День 7 марта года 1827 от основания
великого королевства Арагон.*

— Жениться на шлюхе — тайная мечта любого мужчины.
Шлюхи хороши в постели и знают цену истинной любви.

Дорис Линдон, хозяйка борделя

«Три поросенка».

Я появилась на свет в самой заурядной крестьянской семье в баронстве Сантаре. Пять братьев, три сестры и замечательные родители. По крайней мере, я их такими запомнила.

Мама — маленькая, подтянутая, строгая и вечно занятая по дому, в огороде и с детьми; ее руки, не знающие покоя за шитьем, стряпней, стиркой, походили на деловитых непоседливых птичек. Отец — высокий, жилистый, широкоплечий, с гордо посаженной головой, какой-то почти благородно пронзительный и тонкий, несмотря на постоянную работу в поле. Наш дом был самым тихим во всей округе: оттуда никогда не доносились звуки побоев, брани или пьяного разгула. Но что-то не клеилось в семье, мы оказывались должны всем вокруг; я думаю, именно это доконало родителей — обидно, когда труды не вознаграждаются по заслугам.

Впрочем, я так и не испытала настоящей бедности, в которую погрузилось семейство со смертью отца. Лорд Фредерик, владелец Сантаре, проезжая однажды мимо нашей фермы, обратил на меня внимание и вскоре забрал из дома. Все понимали зачем, но противиться не имели ни прав, ни средств. В тринадцать лет я стала наложницей барона.

Несмотря на обширность гарема Фредерика и разнообразие тамошних обитательниц, я в одночасье попала в число баронских любимиц. Он многому меня научил (здесь стоило бы покраснеть, но я уже не считала нашу связь постыдной), а вот потом мне стало недостаточно только его ласк. Правда, мужчин в моем вкусе в замке не было, лишь иногда кто-то проезжал мимо и мне удавалось урвать кусочек новой страсти.

Затем я услышала на улице Фальдорфа ехидное замечание в свой адрес (мол, баронская подстилка едет), увидела стыд и боль в глазах мамы, заглянув домой с подарками. Тогда впервые в разум закралось осознание некоей неправильности моего положения. Следующим «открытием» стало понимание того, что Фредерик не привлекает меня более. Но и это пришлось скрыть и преодолеть: отставная любовница — непривлекательная

«должность». Благо барон был чародеем и предотвращал возможную беременность, поэтому меня с ним ничто крепко не связывало.

Кроме того, передо мной вырисовывалась незавидная перспектива так и остаться никем — то есть просто шлюхой (и чем старше, тем дешевле). Меня могли выкинуть, когда вздумается, вернее, когда я наскучу своему господину. Фредерик ради смеха научил меня писать, читать, даже преподавал основы магии, разглядев во мне талант (и откуда бы ему взяться?). Я же взялась со всем усердием помогать нашей знахарке. Вообще-то Грейс отличная целительница, разносторонне образованная, любопытная, решительная, хоть и не наделенная впечатляющим колдовским даром. Несмотря на закоснелость взглядов в нашей глуши, она активно практиковала хирургию, но и проверенные народные методы не оставляла без внимания. Таким образом, у меня появился шанс освоить ремесло, с которым точно не пропадешь. Решив не останавливаться на достигнутом, я уговорила Фредерика научить меня заживляющим раны заклинаниям. Довольно скоро в Сантаре стало на одного врачевателя больше.

Совершенно неожиданно барон изменил отношение к моей деятельности: закрыл библиотеку, прекратил практические занятия магией, даже отнял хирургические инструменты (набор мне подарила Грейс на шестнадцатилетие) и ввергнул меня в глубины гарема. Почему? Что он заподозрил? В тот момент у меня не было никаких замыслов, но недели, проведенные без дела взаперти, среди шипения завистливых одалисок второго плана, стали хорошей почвой... Конечно, я решила сбежать!

Проведя столько времени в обществе разномастных красоток и охранников-евнухов, постоянно плетущих интриги и строящих козни друг другу, я узнала о существовании такой занятой штуковины, как гаррота. Это мне пригодилось, ведь не могла же я прикончить Фредерика магией, не овладев смертоносными заклинаниями (книги хранились под замком в отдельном шкафу). К тому же мастер его уровня наверняка ощутил бы попытку, да и защитных амулетов у него имелось немало.

Почему я отважилась на убийство? Однажды мне пришлось стать свидетельницей расправы над бежавшей и пойманной наложницей, которую выпороли у позорного столба. Мой хозяин не был зверем, но порой проявлял чрезмерную жестокость. Девчонку мы с Грейс тогда выходили, но место ей после этого было в коровнике. Кто мог знать, не решит ли разъяренный

Фредерик и мне исполосовать спину, если изловит?

Месяц или два ушли на подготовку: сначала я подулась для вида, а потом снова стала паинькой, покладистостью усыпляя бдительность барона и потихоньку собирая вещи.

И вот, где-то в начале весны, я поняла — пора. Весь день я очаровывала Фредерика, строила глазки и трясла сиськами. Вполне ожидаемо вечером мои заигрывания принесли плоды: господин удостоил меня совместным ужином, а потом указал на постель. Я покорно разделась и легла в ожидании, незаметно сунув импровизированную гарроту под подушку. Барон взобрался на меня... Ох, как же он мне опротивел! Чего мы только не вытворяли в ту долгую ночь. Наконец Фредерик захрапел. Подождав немного, я, затаив дыхание, вытащила свое оружие и придушила его. Он вяло пытался сопротивляться, но быстро затих, доставив мне тем самым непередаваемое облегчение. Содеянное так поразило меня, что я не додумалась пощупать пульс или приложить к губам зеркальце...

А дальше все понеслось как в горячечном бреде. Я суетливо оделась, забрала баронский посох, семьдесят золотых, оказавшихся в ящике стола, и свой хирургический набор, обнаружившийся там же. Походную сумку я уложила загодя, послушный ослик ждал меня в стойле, оставалось зайти к Грейс. Странно, но целительница не осудила моего поступка, лишь грустно посмотрела в глаза, обняла на прощание и дала письмо в баронство Штейн, растолковав, что это мой шанс на достойную жизнь. И я покинула Фальд. К моему стыду, навестить родных смелости не хватило.

По землям Сантаре я буквально летела, стремясь поскорее покинуть их (ишак взбунтовался, но в итоге мы договорились), а перейдя границу, начала наслаждаться дорогой, свободой и неспешностью поступи расслабившегося ослика. Не могу надышаться!словно какая-то неведомая часть меня едва не умерла, запертая в золоченой, удобной, но тесной клетке, а теперь медленно оживала.

На первом же привале выяснилось, что походной жизни необходимо долго и кропотливо учиться. Не беда — я любила узнавать новое. С трудом поставив палатку, я плюнула на ужин — перекусила всухомятку — и завалилась на одеяло, решив при свете фонаря ознакомиться с письмом. Я бы вскрыла послание еще днем, если б не была заморожена красотою окружающего мира.

Я перечитывала не раз и не два, но все оставалось по-

прежнему: теперь маленькая Клодия — наследница Ларса фон Штейна. Грейс уступила свой титул мне. Жаль, она не обмолвилась ни словом сразу, я бы кинулась ей в ноги.

Сон долго не шел: непривычные звуки, запахи, впечатления от всего пережитого не давали уснуть до первых петухов — лишь тогда я задремала.

От Сантаре до Штейна около двадцати дней пути и множество деревень, городков и замков. Я не спешила, хотя чувствовала, будто что-то заставляет меня идти в определенном темпе, не позволяя опоздать. Описывать этот переход нет смысла, скажу только — теперь я мастерски ставлю палатку, разжигаю костер с одного взмаха кресала, готовлю на нем съедобную пищу, мои ноги привыкли к продолжительной ходьбе, я чуть-чуть загорела, подружилась со своим «скакуном» и не завела ни одной интрижки по дороге.

Вот и замок Штейн! Потрясающе величественный, гораздо внушительнее Фальда, но сильно запущенный... надо привести его в порядок, отремонтировать, почистить, и он будет прекрасен. У ворот собиралась какая-то публика. Ого, неужели это все наследники?

Сейчас вечер, и я могу написать о дневных событиях. Действительно многие из приехавших одновременно со мной людей являлись наследниками фон Штейна. Нас пятеро: лорд Сореал де Монте (безнаследный сын), маг Айден Фин-Сеал, следопыт Отэк, алхимик Шаод и я, в недавнем прошлом шляха, — вот это компания! Попробую передать свои первые впечатления о новоявленных землевладельцах.

Барон де Монте, поначалу вызвавший у меня неприятные ассоциации с Фредериком, оказался неплохим парнем. Иногда он излишне принципиален, бывает, давит своим титулом и авторитетом, но при этом честен и мужественен. К сожалению, Сореал — истинный представитель младших дворян: скучающий взгляд полуприкрытых глаз не задерживается ни на чем, движения ленивы, даже странно, почему он еще не расплылся и не осел на каком-нибудь диване.

Айден красив, но нелеп: чересчур женственный и subtilный. Юноша абсолютно не от мира сего и полностью погружен в свои иллюзии. Особое мое внимание привлек чудный посох в его руках — с тонкой резьбой по всей длине и наверху в виде ажурной клетки.

«Эти двое не будут управлять баронством, по крайней мере, примут в этом минимальное участие. Им явно неинтересно, они привыкли жить на готовом», — подумалось тогда мне.

Шаод невзрачен, сейчас понимаю, что даже не помню его лица, хотя прекрасно вижу, как наяву, вместительный потертый чемодан с алхимическими принадлежностями, даже формы некоторых баночек и колбочек у него на поясе, но вот физиономию хозяина — нет.

Отэк — сумасброд, непрестанно разговаривающий сам с собой иноземец. Он сухощав, высок, широкоплеч, смугл, длинные волосы зачесаны в хвост, раскосые глаза часто опущены долу, словно в поисках незримых следов и тропинок, одежды его сплошь покрыты узором рун.

А вот эта пара оказалась очень деятельной в устройстве баронских дел. Я тоже стараюсь по мере сил. Но стену недоверия со стороны местных властей мы сможем пробить лишь вместе, соединяя свои мнения, способности и усилия. Не знаю, радоваться этому или печалиться, но как мужчины бароны мне совсем неинтересны...

Теперь об остальных. Да, здесь полно народу. Сорел приехал не один, а со своим оруженосцем Гилбертом Эйнхандером и рабыней. Фессаха — женщина-кошка (просто потрясающе, как многообразны причуды природы!), покрытая короткой шерстью бежевого оттенка, грациозная, гибкая, экзотически красивая и, по моему, опасная. Видимо, де Монте не до конца приручил ее. А Гилберт... ах, этот мальчик восхитителен! Темные выующиеся волосы, нежное, почти девичье лицо, статная фигура, черные ласковые глаза. Он сразу смутился, когда поймал мой взгляд. Но скромность легко преодолеть.

Отэка сопровождали чернокожий Вальдо, воин на твари, напоминающей огромного петуха, и сэр Джон, Белый рыцарь (всегда полагала черную кожу и белые щиты мифом). Я не удержалась и вырвала перышко из хвоста ездовой птички — вот и познакомились. Вальдо и его кобо (таково правильное название пернатого скакуна) оскорбились, но сэр Джон урегулировал конфликт и пленил меня своей улыбкой. Вальдо, право же, очень забавен. Мало того что он черен, как свечная копоть, одет в диковинный доспех из ткани и черепаших панцирей, так у него еще чрезвычайно живая мимика. Джон полностью воплощает мои мечты о Белом рыцаре. Мужественное загорелое лицо, ярко-голубые ясные глаза, сразу окутывающие взглядом, теплая и нежная улыбка, бугры мускулов под одеждой, гордая осанка — такой набор, должно быть, сражал всех женщин на его пути. Помимо прочего, в боях и в жизни он не растерял

чувства юмора. И хотя о возрасте его можно лишь гадать, подозреваю, Джон уже многое повидал и пережил. Он смотрел на меня очень пристально, но без единого намека на похоть. Надеюсь, наше дальнейшее общение не ограничится взглядами.

Отдельное внимание уделю спутнице Айдена — это пикси Сиилин, крохотное торнадо, заноза, шутница и победительница в номинации «Мисс любопытство». По-моему, маг недооценивает ее возможности и чувства к нему, думаю, скоро он на этом погорит.

Весь день мы оформляли бумаги с нотариусом, беседовали с местными представителями власти и влиятельными горожанами, а также чувствовали себя дураками. Только Сореал ярился, сопротивляясь этому новому для себя ощущению, остальные по разным причинам были спокойны. Чтобы утвердиться в звании баронов, придется попотеть, а ведь куда проще отправиться путешествовать и забыть о титуле. Ну уж нет!

— Если женщина хочет помочь, лучше ей не мешать.

Корин Фин-Сеал, отец семейства.

Жизнь Айдена состояла наполовину из нудятины, наполовину из тяготины и наполовину из отчаяния. Пока он не встретил меня, да! Не каждому так везет, точно-точно!

Мне всегда хотелось завести питомчика — маленького, миленького, беззащитного. Мы, феи, вообще очень заботливы от природы. Едва взглянув на Айдена, отравленного унынием, чахнувшего от него, словно росток без полива, я поняла — моя святая обязанность подобрать его и выходить. Это случилось... ну, не знаю, на прошлой неделе или около того. Одним словом — давно. С тех пор я присматриваю за ним.

**

Айден задрал голову — над ним томно покачивалось соцветие подсолнуха. В большом мире за границами Вечнозеленого Поля весна только вступала в свои права, но здесь, в поместье Фин-Сеалов, уже поспел урожай. Золотистый ячмень клонился к земле, тяжелый от зерна, яблоневые рощи источали аромат, от которого становилось легко на душе, на виноградных лозах, пригибая их к земле, как изысканные украшения, висели гроздья, янтарные, нежно-зеленые и почти черные с матовым голубоватым налетом. То тут, то там в море колосьев высились островки подсолнечника. Скоро начнется жатва. Отец, мать и сестры будут готовить сладкий эль, и душистый сидр, и, конечно же, знаменитую «Росу Черного Леса». И он, Айден, будет им помогать. Потом, в конце мая, тетя Лайла исполнит танец встречи лета, прямо под звездным небом накроют столы...

**

Я буквально жертвовала собой, чтобы спасти Айдена от его безрадостного существования. Ни на минуту я не позволяла ему оставаться в одиночестве, да! Ведь чем больше времени проводишь один, тем больше странных идей пролезает в голову. Чего доброго, еще потянет книжку почитать! Как известно, чтение — прямой путь к скучной жизни и одинокой смерти! О нет, вдруг Айден опять беседует с цветочками?! Мог бы и со мной поговорить!

**

Помимо роскошных ярко-рыжих волос, тетушка Лайла славилась своим чародейским мастерством и своей рассеянностью. Однако о племяннике она вспоминала чаще, чем о других Фин-Сеалах, и гораздо чаще, чем того хотелось бы Айдену. Вот и сейчас тетя каким-то немыслимым образом отыскала его тут, в надежном убежище среди подсолнухов, где молодого мага не сумела найти даже Сиилин.

Айден до последнего надеялся, что Лайла пройдет мимо, не нарушая его уединения с томиком «заклинаний-на-каждый-день». С тех пор как появилась Сиилин, он по-настоящему научился ценить мимолетные минуты покоя. Послунявив палец, Айден перевернул страницу — за последнюю неделю удалось осилить едва ли четверть книжицы — и обнаружил тетушку уже заглядывающей ему через плечо.

**

Тетка Лайла сразу невзлюбила меня. Она явно из тех, кто не в состоянии ценить прекрасное. Точно-точно. Ее повадки, ее гардероб, ее прическа прямо-таки кричат: «ЗА-НУ-ДА»! Она даже пыталась отвести меня от Айдена и подменить уродливой жабой или смрадным хором! Не тут-то было! Это Айден мой питомчик, а не наоборот!

Но в одном тетка хороша. Она всегда знает, где дурачок прячется от своего счастья. Ну, то есть, от меня.

**

— Как ты вырос, милый! Взрослеешь на глазах! — Лайла взъерошила Айденовы волосы и пребольно ущипнула за щеку. — Казалось, еще вчера ты часами не мог нащупать нужную нить, а теперь...

Тетушка вздохнула и замерла, с умилением уставившись на возмужавшего племянку.

— ... а теперь сидишь и читаешь серьезные книжки! — она выхватила томик из рук Айдена, окончательно смирившегося с провалом попытки припасть к знаниям. — Ого, даже слишком серьезные!

Лайла хмыкнула, перелистнув несколько страниц. Затем оглушительно захлопнула книгу и сунула ее в бездонный карман юбки.

— Так вот откуда эти странные идеи, — чародейка уселась рядом с Айденом, подсолнухи и прочая растительность услужливо сплелись под ней в удобное кресло. — Милый, пойми, есть много способов вызвать в женщине страсть, помимо

описанных в этой ерундовинке. Они гораздо проще, да и безопаснее к тому же...

Айден густо зарделся, хотя пока не добрался до раздела приворотных чар, и промолчал. Впрочем, промолчал он не из-за того, что ему стало стыдно. Просто коммуницировать с тетей, а тем более возражать ей, было задачей не из легких. А Лайла все не унималась:

— Вот, например, ты призвал в качестве волшебного помощника блудливую фею...

— Она не такая!

— Ах, Айден, конечно такая! Все феи таковы — они блудливы от природы! Намедни твои сестры жаловались, что паршивка блуждает по винодельне, глумится над работниками, и в доме тоже всякое творит... — Лайла, нагнувшись, заглянула племяннику в глаза. — Может, подумаешь о вороне, сове или горностае? Классика не устаревает.

— Тетя, ты ведь прекрасно понимаешь, — Айден выпрямился, — можно призвать помощника заклинанием, но нельзя...

— Верно-верно! — голосок Сиилин раздался сверху. Подняв головы, чародеи увидели помянутую фею, оседлавшую стебель подсолнечника. — Ты не заставишь меня бросить моего питомчика, старая ведьма. Отныне я за ним присматриваю!

— Как хочешь, Айден, — тетушка, по своему обыкновению, не обращала на Сиилин внимания. Во всем поместье Лайла Фин-Сеал единственная могла себе позволить игнорировать пикси, не подвергая опасности свои здоровье и честь. — Если ты предпочитаешь надежности жабы, мудрости совы, интеллекту ворона, ловкости горностаея...

Похоже, Лайла вознамерилась в очередной раз перечислить всяческие достоинства волшебных существ, отмечая их полное отсутствие у айденовской подружки. Айден вздохнул и изобразил на лице интерес — от тетушки легче было избавиться, притворившись внимательным слушателем.

— ...девичьи перси размером с абрикосовую косточку и мозг размером с недозрелую горошину... Хотя, знаешь, то, что ты призвал именно фею, о многом говорит. В частности, о твоей готовности начать разгульную жизнь. Ох, Айден, мне будет тебя не хватать! — Лайла приложила к краешку глаза кружевной платочек, а затем из того же самого кармана, в котором бесследно исчезла книга, она извлекла сложенный вчетверо кусок писчей бумаги и передала племяннику.

Попытка Сиилин выхватить листок провалилась с треском, как и сама неудачница, с размаху грохнувшаяся в заросли ячменя.

— Штейн? Это недалеко... — Айден не успел закончить фразу. Вернувшаяся фея плюхнулась ему на плечо и уставилась в текст, попутно отряхиваясь.

— Да, милый, — ответствовала Лайла. — Если тебе понадобится совет, помни: я всегда рядом. С двух до пяти пополудни.

**

Я еще даже не начинала толком приносить удачу, а Айдену уже повезло! Какой-то дядька подарил ему огромный замок, набитый золотом и прочей ерундой, а потом умер. Кстати, очень умно и своевременно поступил.

Меня порядком утомили Айденовы родственники с их замашками. Народец здесь дрянной, скучный, а тетка хуже всех остальных, вместе взятых. «Мозги из гороха!» Вы только подумайте, какие оскорбления мне приходится сносить ради благополучия моего мага! Понятно, отчего у моего питомчика такой заморенный вид. Из-за этого я не могу плести из его маны или наладить с ним мысленную связь! Ладно, приедем в замок, там я возьмусь за него основательно. Смена обстановки всем идет на пользу, точно-точно!

**

Тетушка давно осаждала Айдена с предложениями покинуть родную усадьбу и посмотреть, как она выражалась, «доступную часть мира». Маг лишь надеялся, что Ларс фон Штейн скончался вследствие естественных причин, а не из-за желания Лайлы приобщить племянника к «разгульной жизни». В конце концов, с чего бы барону оставлять замок именно Айдену?

Ситуация немного прояснилась на месте: Ларс, в прошлом путешественник и сумасброд, мило пошутил, завещав имущество и титул потомству своих многочисленных друзей. Айден испытал несказанное облегчение, встретив еще четверых наследников.

Предполагаемые тяготы управления землями отошли на второй план — среди новоиспеченных баронов должны найтись те, кому это действительно интересно.

А главное, замок поистине огромен. В нем наверняка обнаружится парочка феенепроницаемых комнат...

А теперь о настоящем

— Одна голова хорошо, две многовато, три — шея не выдержит.

Сишлин, фея.

После трех недель пути мы, наконец, добрались до замка Штейн. Нашим взорам предстало величественное сооружение, сравнимое по размерам с королевским дворцом. Однако при ближайшем рассмотрении громадина оказалась невероятно запущенной. Потрескавшиеся камни, деревья, зеленеющие на некогда несокрушимых стенах, распахнутые настежь, давно вросшие в землю центральные ворота, совершенная разруха на месте дворовых служб. Я знал, что Ларс фон Штейн не очень следил за делами своего родового гнезда, но такого все-таки не ожидал.

Пока мы с Гилбертом изучали внутренний двор замка, а Фессаха лениво умывалась, сюда пожаловали новые гости.

Первым явился смазливый юноша в тяжелом походном плаще поверх робы, богато украшенной золотым орнаментом; в руках незнакомец держал длинный резной посох. На плече у колдуна (а кем еще он мог быть?) важно сидела пикси. Описывать ее подробно я не вижу особого резона — на мой взгляд, все эти феечки на одно лицо. Миниатюрные размеры, яркая нечеловеческая красота, пестрые крылья и шкодливый характер. Забегая вперед, скажу — с характером я угадал. Юноша представился как Айден Фин-Сеал, начинающий маг из Вечнозеленого Поля. И его привело сюда почти такое же письмо, как и меня. Дальше — больше.

Сначала к нам присоединился невзрачный тип по имени Шаод, с честным лицом, какое часто бывает у судей, адвокатов и жуликов. Вслед за ним к замку подъехали еще трое всадников. Смуглый северянин, постоянно бормочущий себе под нос, высокий статный рыцарь из Ордена Странствий и чернокожий воин верхом на кобо. К счастью, из этой троицы к числу «наследников» принадлежал лишь северянин, следопыт по имени Отэк.

Последней появилась ослепительно красивая блондинка, чьи выдающиеся формы буквально выпрыгивали из одежды. Только абсолютно невинное ангельское личико помешало мне принять эту особу за обыкновенную продажную девку. Печальный ослик, нагруженный самым разным скарбом, свидетельствовал — она

так же пришла сюда издалека. Разумеется, Клодия держала в руках еще одну копию послания Ларса фон Штейна. Происходящее стало походить на дурной фарс. Но мне уже было слишком любопытно, чем все это кончится, чтобы просто обиженно уехать.

Всей этой пестрою толпою мы позвонили в дверь центрального донжона (там висел один из этих новомодных звонков, работающих на особой магии, которая, вроде, и не магия вовсе). Нас впустил внутрь хмурый воин, представившийся как Кайт Сид. Увы, хозяин замка не дождался ответа на свои письма, мирно почив еще неделю назад, и теперь нам оставалось лишь выслушать волю покойного.

Кайт выпустил из чулана стряпчего, которого держал взаперти со смерти барона, и, надев очки, зачитал завещание. Вот что оно гласило:

«Я, барон Ларс фон Штейн, приветствую всех, кто находится в этой зале, в особенности моих будущих наследников. Если вы слышите эти строки, значит, меня уже нет среди живых, и мой поверенный, Кайт Сид, оглашает мою духовную в присутствии члена королевской Гильдии Адвокатов.

Внимательно оглядитесь. Если вокруг нет никого, кроме стряпчего, Кайта и вашего лакея, — вам несказанно повезло. В противном случае, господа и, возможно, дамы, выслушайте мою волю.

Я завещаю вам этот замок, Штейн, а также прилагающийся к нему диплом барона. Не волнуйтесь, я тщательно изучил законодательство, прежде чем составить послание, — подобные случаи уже имели место в истории Арагона, например: феоде Стрейчи совместно управлялся тремя братьями на протяжении двадцати лет, а герцогство Карлайл находилось во владении двух сыновей герцога (один из которых, кстати, был незаконнорожденным) на протяжении пяти лет. Поэтому я смело оставляю в ваших руках замок и титул, уверенный, что мои хорошие друзья просто не могли воспитать подлецов, способных устроить резню за единоличное обладание Штейном, как только представитель Гильдии Адвокатов выйдет за порог... или чуть погодя».

Стряпчий, явно стремясь поскорее покинуть замок, торопливо совершил все необходимые формальности, разместил на пергаменте, содержащем последнюю волю Ларса, сургучную печать с гербом Арагона и своей Гильдии, а затем, получив увесистый мешок с золотым песком, со всех ног бросился к выходу. Кайт поправил очки, достал из тубуса еще один свиток и продолжил читать:

«Ну а теперь, когда здесь все свои, несколько слов о доставшемся вам наследстве. В моем, то есть уже вашем баронстве живут прекрасные трудолюбивые люди, проблемам которых я уделял гораздо меньше времени, чем стоило бы. Баронство задолжало казне порядка трехсот тысяч стандартов, но, я уверен, вы найдете способ расплатиться. Приглядывайте за моим соседом Гарде д'Арго — говоря начистоту, он порядочный говнюк. Прошу вас, не продавайте замок. Даже если вы последуете моему примеру и решите посмотреть мир, он всегда будет для вас домом, в котором приятно отдохнуть от странствий.

И еще одно. Если вернется Розалина, моя дочь, передайте ей — я ни в чем не виноват ни перед ней, ни перед Миланорой, ее матерью и моей женой. Я всегда любил их».

Кайт снял очки, положил бумагу на стол и указал на старомодный семейный портрет, висящий над грандиозным камином. Барон и его семейство запечатлелись на трехметровом холсте, по-видимому, в краткий миг семейного благополучия. Ларс, облаченный в парадный доспех, неземной красоты высокая эстарийская дева рядом (вернее всего, его жена) с роскошной медной косой до пят и рыжая девчонка лет четырнадцати, одетая слегка фризовольно, на мой вкус, — вне всяких сомнений, сбежавшая дочь. В ее лице причудливо смешались черты родителей, наградив девицу экзотическим очарованием, присущим большинству полукровок. И хотя губы всех троих растянулись в улыбки, взгляд эстарийки словно сковало вековечным льдом, а в глазах Розалины живописец разглядел — и мастерски передал — затаенную тревогу. Только на лице барона сияло вполне искреннее и безмятежное счастье. Должно быть, мысленно он уже отправился в очередное путешествие.

Во внешности Миланоры я ощутил нечто неуловимо знакомое. Как ни удивительно сие прозвучит, она чем-то напомнила мне Клодию. Впрочем, красивые женщины часто во многом походят друг на друга.

Получалось, Ларс решил оставить свои земли, титул, замок и все остальное имущество младшим родственникам своих хороших друзей. Нам пятерым (мне, Айдену, Клодии, Шаоду и Отэку) предстояло совместно править баронством Штейн и, очевидно, вести его к процветанию. Безумная идея, особенно учитывая личности остальных новоиспеченных дворян. И зачем барон разругался со своей родной дочерью и не завещал все ей? Плевать, что она наполовину эльфийка, ведь эта девушка — его прямая наследница!

Ладно, пора успокоиться. Подведем итог. У нас есть огромный, величественный, но грязный и частично разрушенный

замок; нет ни одного слуги, кроме Кайта Сиды; есть казна, в которой осталось несколько мелких монеток; есть земли с деревнями и одним городом, жители которых еще не знают, как им «повезло».

Мы впятером обсудили возникшую ситуацию. Пару раз мне очень хотелось воспользоваться своим мечом, как решающим аргументом, но в результате нам удалось достичь временного соглашения. Будем пытаться совместно управлять Штейном. Начали с визита в Риовейн, единственный город в баронстве, и разговора с мэром. Замечу — уже четыре года горожане практически не платили налогов своему землевладельцу. Но, учитывая, как Ларс относился ко всему, кроме своих путешествий, я не нашел в этом ничего удивительного.

Лотрек Макнейл рассказал ничтожно мало и как-то неохотно. Отсутствие выплат мэра объяснил бесчисленными бедствиями, свалившимися на эти несчастные земли; документы подтверждали его слова, хотя Риовейн выглядел богатым и весьма процветающим. Градоначальник (и как Ларс взял на эту должность простолюдина?) пообещал прислать крестьян для приведения замка в относительный порядок, а также вознамерился устроить прием в честь новых властителей Штейна. Мне Макнейл категорически не понравился, будь моя воля, я бы вздернул мерзавца на ближайшем суку и назначил на освобожденное место одного из его подручных, но остальные «бароны» отговорили меня от крайних мер. И еще меня насторожили телохранители Лотрека: на вид опытные и хорошо оплачиваемые ландскнехты. Зачем в сонном захолустном Штейне тратить столько денег на стражу при наличии городского ополчения? Весьма подозрительно. Оставим пока данный вопрос открытым.

В то время как прочие «бароны» отправились бродить по городу в поисках слухов и неприятностей, я заглянул в трактир «Пьяный бобер», перекусил сам, покормил Фессаху и Гилберта. Заодно познакомился с владелицей сего заведения — Моной де Лонзо. Странная девушка, слишком умная и манерная для трактирщицы. Она, как и положено, хорошо информирована о событиях в городе, а также имеет весьма философский взгляд на вещи.

После обеда я, купив фуража для наших лошадей, вернулся в замок. Немного побродил по запутанным коридорам грандиозного сооружения. Всюду контраст между величественным прошлым и упадком настоящего. Конструкции из сверкающего металла, «вечная» система отопления, сделанная еще гномами, и полуистлевшие гобелены на стенах. Обширная

сокровищница и перемешанная с ржавым оружием разнообразная рухлядь, разбросанная по ней. Обширный красивый сад, который давно не знал ножниц садовника. Печальное зрелище. Надеюсь, у нас выйдет хоть что-нибудь исправить.

Экскурсия помогла решить, где поселиться в этом замке. Самыми чистыми и ухоженными оказались комнаты дочери и покойной жены барона, но там мне было неудобно. Я выбрал апартаменты самого Ларса. Большую часть хлама мы с Гилбертом вынесли собственноручно, а мелкий мусор и неприятные запахи чуть позже устранил своей магией Айден. Даже не смешно: убираясь, мы обнаружили в ночном горшке фон Штейна его баронскую корону. Когда помещения приобрели более-менее жилой вид, я с превеликим удовольствием принял ванну и сменил одежду. Не могу сказать, что тут же почувствовал себя как дома, но под крышей и в кровати ночевать гораздо приятнее, чем в палатке во время ратных поездок.

Загулявшие допоздна «бароны» собрали в городе целый ворох слухов. Тут и разбойники на дороге, и тролли с гоблинами, и гигантский волк, и лисица с тремя хвостами — все привычные побасенки, возникающие рядом с волшебным лесом, который, кстати, занимает большую часть земель баронства. Но вот история о недавно сгоревшем отделении Гильдии Магов вызвала у меня серьезные опасения. Один волшебник погиб, другая — лежит со страшными ожогами в храме Мистралины. Наверное, там бы она и умерла, но в госпиталь заглянули Айден и Шаод, на счастье, оба сведущие во врачевании. Теперь, возможно, девушка выживет, а нам стоит впоследствии с ней побеседовать. Здания Гильдии Магов очень редко горят сами по себе.

Не зря лег пораньше. Ночью меня разбудила печальная музыка, доносящаяся из сада. Кайт, попавшийся мне по дороге, рассказал, что уже две недели на одном из деревьев по ночам играет какая-то эльфийка. Я был крайне рассержен своим неурочным пробуждением, решив натравить на гостью Фессаху, но потом Сид упомянул — Ларс просил не мешать музыкантше, и я оставил эту идею. Но все-таки надо обязательно разобраться, кто она и чем занимается в нашем саду.

Интерлюдия 1.

Рыжая неудачница

— Если вам кажется, что воровать легко, попробуйте сами.

София Стрейчи, любительница острых ощущений.

Отэк поклонился эйрайке, прощаясь, и направился прочь из-под сени деревьев. Почему эта дочь леса так холодно и отчужденно разговаривала с ним? Что нужно ей? Чуть подумав, следопыт обратился к своему эльфийскому духу-советчику с этими загадками.

— Если бы я знал, что нужно эйрайским девам и как их заинтересовать, я б тут с тобой не болтался, — мрачно пошутил дух.

Северянин сформулировал было еще вопрос, но тут его внимание привлекла тень на стене замка. Тень человека с мордой лисы и тремя хвостами. Она молниеносно промелькнула по стене и исчезла где-то в стороне центрального донжона. Следопыт насторожился. Сразу вспомнилось, как Клодия и пикси болтали о какой-то воровке, которая-де собирается ограбить замок. Жаль, но выследить ее так и не удалось. Нужно обязательно предупредить остальных!

**

Вот уже несколько часов они безуспешно искали по всему замку «многохвостую лису». Время давно перевалило за полночь, шуточки про количество конечностей у рыжей гостьи иссякли, а результатов все не было.

Невольно закрадывалась мысль, что Отэку могло просто-напросто померещиться. Большинство «сыщиков» уже сдались, да и сам Айден всерьез подумывал пойти спать. Когда же он направился в свою комнату, произошло...

Навстречу магу из-за темного поворота коридора выскочила та самая лиса. При ближайшем рассмотрении создание это напоминало молодую девушку, но с лисьими мордочкой, ушками и тремя пушистыми хвостами. Маг уже начал мысленно повторять мантру заклинания, парализующего мышцы цели, но тут незнакомка и сама замерла, оценивающе посмотрела на Айдена, а потом, вместо того чтобы убегать, шагнула к нему и обвила рукой за шею. Другая рука лисицы скользнула куда-то вниз.

Айден всегда был падок на экзотическую красоту — тут его, как говорится, совершенно накрыло. Маг начал срывать одежду с девушки-лисы прямо здесь, в коридоре.

— Прекрати сейчас же! — возмущенно прошипела Сиилин, которая сидела на плече Фин-Сеала. — А ты — руки прочь от моего домашнего колдуна, стерва!

«Вот и пригодилось заклинание», — отстраненно подумал Айден, на одном дыхании произнося длинную витиеватую фразу. Пикси застыла, словно маленькая, ярко раскрашенная статуэтка. Не мудрствуя лукаво, маг сунул оцепеневшую фею в кошель на поясе, затем схватил в охапку ничуть не возражавшую лису и буквально бегом потащил ее в свою комнату.

Когда напрочь потерявший от похоти голову колдун взгромоздился на эту дурацкую рыжую потаскуху, чары, удерживавшие пикси, ослабли, и Сиилин немедленно выбралась из душного узилища, сразу же вперившись взглядом в голые икры Айдена (остальное она предпочла упустить из виду). Первым ее побуждением было броситься к магу и остановить происходящее непотребство, но под властью страстей колдун явно сделался опасным, а о способностях коварной соблазнительницы оставалось только догадываться. Пикси отчаянно нуждалась в помощи. Фея полетела к единственному человеку в замке, с которым успела немного сдружиться и который вызывал у нее хоть какое-то доверие, — к Клодии.

Как небольшой, но очень сердитый торнадо, Сиилин ворвалась в комнату девушки.

Пикси повезло — дверь оказалась слегка приоткрыта, не пришлось облетать замок снаружи в поисках нужного окна. Да и то, что Клодия еще не легла спать, тоже было большой удачей.

— Клоди, беда! Лиса-оборотень залезла в комнату Айдена и зачаровала его! Нужно срочно остановить эту дрянь, пока не произошло непоправимое! — пикси описала круг возле головы ошеломленной баронессы и полетела прочь из комнаты. — Скорее за мной!

Клодия, не раздумывая, бросилась вслед за своей новой подругой. Вдвоем с Сиилин они быстро достигли покоев мага и ворвались внутрь. Конечно, Айден и не подумал запереться. Через несколько мгновений ему предстояло очень здорово пожалеть об этом.

— И? — недоуменно переспросила Клодия, воззрившись на постанывающую от наслаждения композицию из чародея и девушки-лисы.

Любовники совершенно не обратили внимания на нарушивших их уединение «гостей».

— Что и?! Останови ее! Мало ли какие последствия может иметь соитие с такой зверюгой... И не дай этой дряни сбежать! — заверещала Сиилин.

Клодия пожала плечами и, нехорошо усмехнувшись, скодовала на ничего не подозревающую лисицу заклинание спазма. Мышцы девушки мгновенно свело, тело ее неестественно резко выгнулось и обмякло. А вот Айден, которому неожиданно защемило мужское достоинство, напротив — напрягся и заорал. По коридорам замка прокатился громкий вопль, полный такой боли и отчаянья, что проигнорировать его было просто невозможно.

Спустя считанные минуты после того, как крик разорвал тишину ночи, в комнату мага уже ворвались следопыт с луком в руках и полуодетый алхимик с парой склянок сильнейшей кислоты. Этого времени как раз хватило лисе, чтобы отчасти прийти в чувство и сбросить с себя тело страдающего Айдена.

Шаод подскочил к существу и пнул его ногой, пытаясь отпихнуть подальше от «жертвы», а Отэк взял едва не замучившую мага тварь на прицел. Лиса вскочила на ноги. Следопыт отпустил тетиву — в бедро девушки вонзилась стрела. Оборотень вскрикнула от боли, однако не растерялась, а метнулась к вороху своей одежды и, выхватив оттуда нагетеппо, попыталась бросить ее в толпу прибывших спасателей. Но предмет выскользнул из вспотевшей ладони и упал незадачливой девице под ноги. Комнату залила яркая вспышка. Лисице в очередной раз не повезло — разумеется, она не успела зажмуриться и совершенно ослепла от взрыва. На этом ее несчастья не закончились: все остальные находящиеся в комнате перенесли диверсию практически без последствий.

Исход противостояния трех людей, поддерживаемых одной разозленной пикси, и полуослепшей лисы сомнений ни у кого уже не вызывал. Злополучную воровку повергли наземь, связали и даже перебинтовали (Клодия постаралась на славу — повязка несильно отличалась от пут). И ведь девушка-то оказалась вполне обыкновенной, а ее экзотичную внешность обеспечивали несколько волшебных предметов: маска лисы, шапка с ушками и пристегнутые к юбке хвостики. По совету одного из духов-хранителей Отэка все вещи у девицы отобрали, а саму ее заперли в чулане. Воспользоваться темницей не удалось по причине совершенной неподготовленности помещения: дверь чулана выглядела куда прочнее проржавевших решеток подземелья. Победители гордо разошлись спать, оставив Сиилин выговаривать магу все, что она думает о его бесстыдном поведении.

Все спешили ко сну, и никто не обратил внимания, как Клодия тихонечко умыкнула отобранные у лисы артефакты. Унеся «приобретения» в свою комнату, девушка некоторое время разглядывала не лишённые изящества и красоты вещи, потом, не раздумывая, стала примерять их на себя.

Она сразу же почуяла запах кайтовского супа, хотя варево бурлило в полуподвальном помещении кухни на противоположной стороне здания. Слух и зрение столь же обострились. Помимо этого, Клодия умудрилась легко и непринужденно взобраться по портьеру, перелезть, цепляясь за лепнину, на камин и без труда спуститься. Ух, поразительно! Но... Девушка недоуменно мотнула головой и внезапно поняла, что сейчас буквально сойдет с ума от нахлынувшего вожделения, да и утащить какую-нибудь ценность будет неплохо. Какое там неплохо — совершенно необходимо сию минуту кого-то соблазнить и обокрасть!

Перебрав в уме обитателей замка в поисках того, с кем можно было бы проделать и то и другое, Клодия остановилась на оруженосце барона де Монте, Гилберте. Симпатичный молодой парень, да еще дворянин, а значит, у него, наверняка, найдется чем поживиться!

Оставим в стороне подробности той бурной ночи. Думается только, Гилберт Эйнхандер, скорее, остался доволен случившимся. А вот пришедшая в себя на утро Клодия ударилась в легкую панику. Ночью она с трудом, но спешно спрятала похищенные у юного оруженосца щит и доспехи, а теперь не помнила точно, где... вроде бы все-таки в замке.

Маску лисы девушка сразу сожгла в камине своей комнаты, определив ее источником проклятия похоти и жадности. Остальные предметы она сохранила в целости. Вещи, украденные у Гилберта, Клодия кое-как нашла и незаметно вернула мирно дремлющему хозяину.

Так кончилась эта ночь...

— *День 30 марта года 1827 от основания
великого королевства Арагон.*

— *Этому лесу нечем меня удивить.*

Рудольф Григ, ксандрийский охотник.

Проснувшись, позавтракав и приведя себя в порядок, я разыскал Кайта Сиды и расспросил его об эльфийке. В процессе беседы выяснилось: ночью в замке поймали какую-то девушку,

которая-де пыталась изнасиловать Айдена и ограбить замок. Весьма странная история, на мой взгляд. Каково же было мое удивление, когда я, решив поговорить с пленницей, обнаружил, что ее не только запихнули в одну из многочисленных замковых кладовок, но еще связали и забрали у несчастной всю одежду! Освободиться от пут ей удалось самой, а вот куртку узнице одолжил я. Девушка оказалась весьма образованной и умной особой. Ее версия событий порядком отличалась от изложенного Кайтом варианта. По слухам, наш замок давно заброшен, и она пришла сюда в поисках сокровищ, о которых шепчутся во всех окрестных тавернах. Найти богатства не удалось, но взамен она повстречала Айдена. Маг зачаровал молоденькую авантюристку с целью воспользоваться девичьим телом и уже приступил к своему черному делу, когда остальные «бароны» внезапно ввалились в комнату, прострелили ей ногу, ограбили и едва не убили. История Софии Стрейчи тоже не вызвала у меня абсолютного доверия, но и без того ясно как день: кое-кто из новоявленных дворян повел себя недостойно. Или, может, это проделки пикси? Думаю, разберемся. А с Саффи мы еще немного, гм, поболтали — теперь она почти не расстроена случившимся и даже не против погостить в нашем замке.

Что-то загадочное творится с Гилбертом. Все утро он какой-то нервный, взволнованный и почему-то, против обыкновения, не надел доспех. Попросил у меня денег, чего раньше не бывало, и отправился в город. К чему бы это? Ладно, заодно я велел ему привезти вещи Софии из гостиницы.

Уже после обеда ко мне заглянул Айден. Он осознал свою вину и решил извиниться перед Саффи за неприличное поведение. Правда, никаких упоминаний о том, что он околдовал девушку, не последовало, а она, в свою очередь, об этом больше не заговаривала. Вернуть Софии одежду чародей тоже отказался, но тут я всецело положился на его заверения — вряд ли он забрал ее себе. Нужно будет осведомиться на этот счет у остальных. Далее я имел удовольствие наблюдать за взаимными препирательствами Сиилин и Саффи. Да, они, несомненно, стоят друг друга. Мне кажется, случившееся ночью навсегда останется для меня тайной. Впрочем, это не слишком важно.

Мэр выполнил свое обещание и прислал без малого шесть десятков крестьян для приведения замка и двора в порядок. Особенного старания за ними замечено не было, но лучше такая уборка, чем никакой. Я наказал Кайту приглядывать, чтобы наши работнички не умыкнули чего-нибудь. В моих покоях их вполне может остановить (или, не дай Мистралина, сожрать) кошка, но замок большой, и лучше проявить в этом вопросе

осторожность.

Когда перевалило далеко за полдень, из своих комнат появились заспанные Клодия и Шаод. Следопыт еще ночью отправился в Гильдию Охотников расспросить местных зверобоев о гигантском волке, Айден со своей ехидной тенью к этому часу тоже покинули замок. Вроде бы маг решил провести свою родню, которая живет неподалеку. Часам к двум дня я опять проголодался, а Клодия с Шаодом жаждали позавтракать, и мы втроем отправились в таверну, собираясь заодно обсудить дела насущные. Фессаха, как, естественно, и Саффи, осталась в замке, предпочтя сон развлечениям и даже еде. Гилберт все еще не появился, и я уже начал волноваться за порывистого юнца.

Уже на подходе к городу мы встретили Айдена с Сиилин и Отэка. Забавно — всех нас потянуло поесть в одно и то же время. В таверне Мону сменил угрюмый бармен. Сама она, будучи владелицей заведения, появлялась за стойкой не так уж часто — как правило, по утрам. Клодия немедленно взяла парня в оборот, желая узнать, где можно найти надежных слуг для замка, закупить еды и многое другое. Но, обомлев от прелестей молоденькой баронессы, бармен — и так не шибко разговорчивый — вовсе язык проглотил, девушке еле-еле удалось выдать из него пару фраз. Тем не менее из этого вышел кое-какой толк: он посоветовал Кло поболтать лично с Моной, что она и сделала вечером.

Мы посоветовались о дальнейших действиях. Неожиданно появились хорошие новости. Клодия раздобыла для баронской казны ни много ни мало — аж тысячу двести золотых арагонских стандартов. Признаться, не ожидал от нее такого бескорыстия; мое уважение к этой даме сильно возросло. Правда, сумма представлена преимущественно медью и серебром, но, так или иначе, теперь у нас есть хоть какие-то деньги на возвращение замка в нормальное состояние.

Когда Клодия заговорила о деньгах, ее слова услышал темнокожий воин, приехавший вместе с Отэком. Он как раз страдал, пытаясь выпросить у своего товарища, рыцаря Джона, денег на посещение местных жриц любви. Поэтому Вальдо тут же подскочил к нам и принялся клянчить деньги теперь уже у Отэка. Следопыт не сильно обрадовался, но спонсировал негра полусотней золотых. Звеня монетами, вмиг повеселевший Вальдо чуть ли не вприпрыжку удалился в номера.

Отэк поделился результатами визита к охотникам. Оказалось, до начала лета эти «бесстрашные» воины не рискуют соваться в лес дальше самого краешка. Попытки следопыта отправить их на большую охоту не увенчались успехом. Появилась мысль

самим «прогуляться» по лесу и немного почистить его от зверья. Мне, например, хотелось размяться и помахать мечом, Фессаха, скорее всего, тоже будет не прочь присоединиться. Все, кроме алхимика, который отправился в храм Мистралины навестить пострадавшую в пожаре волшебницу, тоже загорелись этой идеей. А пару минут пообщавшись с Клодией, нас согласился сопровождать и сэр Джон. Через час решили выступать.

Минувшая прогулка вызывает у меня смешанные чувства. Мы не успели еще особенно углубиться в лес, когда Отэк наткнулся на следы огромного волка, видимо, того самого, запугавшего крестьян. Убийство такого зверя могло стать отличным итогом сегодняшней охоты. Однако пройти к его логову спокойно нам не дали. Отряд подвергся внезапному нападению десятка гоблинов. На что надеялись эти зеленые недомерки? Ведь было очевидно — перед ними не крестьяне. Я лично зарубил троих и, если бы не пущенная совсем некстати стрела Отэка, прикончил бы четвертого. Замечу, этот последний дрался очень неплохо, особенно для гоблина. Мои спутники перебили прочих нападавших, хотя, возможно, кому-то удалось бежать. Никто из нас серьезно не пострадал, а лечебная магия Клодии (количество целителей среди «баронов» определенно радует) вовсе изгладила с тел пострадавших всякие напоминания об этой схватке. Единственное исключение — Фессаха, которая отказалась подпускать к себе девушку, несмотря на рассеченную руку. Кошка еще не очень доверяет нашим новым знакомым, а бой привел ее в чрезмерно возбужденное состояние. Мне даже пришлось остаться с ней на некоторое время неподалеку от места стычки и успокаивать. Одна беда: полосатая нахваталась где-то в лесу блох, и несколько букашек перебралось на меня. Надо обязательно купить у знахарки средство от этих мелких кусачих гадов.

Пока мы с кошкой догоняли остальных, они уже успели добраться до логова волка (хищник облюбовал целую систему пещер в невысоком скальном массиве) и обнаружить опередившего нас прославленного ксандрийского охотника Рудольфа Грига. Теперь прогулка была окончательно испорчена. Только Отэк не расстроился: он забрал оставшихся без матери (да, это оказалась еще и самка!) детенышей, которых обнаружила любопытная Сиилин, не преминувшая проведать нутро волчьего жилища.

На обратном пути из леса Фессаха куда-то запропала. Вот ведь неугомонная! Но она еще вернется, когда нагуляется вдоволь. Тешу себя надеждой, эту самоуверенную хвостатую никто не съел. Не то чтобы я сильно волновался, но будет

неприятно.

Я, как и собирался, съездил к знахарке, родственнице Айдена, довольно приятной девице по имени Джессика. Судя по всему, она опытная ведьма, во всяком случае, ей удалось принять облик премиленькой девушки лет шестнадцати. Думаю, ее настоящий возраст куда больше. Блохи больше не доставляют проблем, надеюсь, и Фессаху тоже помою, когда вернется.

Из новостей от «баронов». Они отправились в город расследовать темную историю с окровавленными предметами в «Железной свинье». Хозяин оружейного магазина, кузнец Леонард, ветеран катрионской войны, считает, будто его преследуют беспокойные души убитых им врагов. Его дочь Алиса, наоборот, полагает происходящее чьей-то злой шуткой. Клодия уредила Леонарда с семьей перебраться в замок, и теперь у нас, похоже, появится собственная кузнечная мастерская.

У баронессы потрясающие дипломатические способности, говорю это не без иронии, памятуя о ее прелестях, веско подкрепляющих любую просьбу Клодии, но и не без доли уважения. Вот и сэр Джон поддался очарованию девушки, впрочем, она, похоже, также равнодушна к рыцарю.

Что еще написать? Поужинал в обществе Саффи. Гилберт среди дня заходил к ней с неутешительной вестью: номер, где остановилась девушка, разгромили — деньги пропали, а все ее платья изрезаны в клочки. И кому такое могло прийти в голову? Мне теперь нужно позаботиться о гардеробе нашей гостьи — нельзя же девице безвылазно сидеть в моей комнате, как в заточении. Завтра займусь.

Кстати, оказалось, именно в руках Клодии осела волшебная одежда Саффи. Она вернула нашей гостье весь набор, кроме маски, на которой, по ее словам, было проклятие, из-за чего маску пришлось сжечь. Тут выяснилось еще одно пренеприятное обстоятельство. Эти магические вещи не принадлежали Софии, она взяла их на время у наставницы, и теперь, когда маска уничтожена, просто-напросто боится возвращаться. Что ж, полагаю, она вовсе не стеснит нас, я разрешил ей пользоваться гостеприимством замка сколь угодно долго.

Отэк устроил в одном из подсобных помещений ясли для волчат. Даже интересно, выйдет ли у него что-нибудь. Шаод сварил нам пару полезных зелий — тоже неплохо.

Интерлюдия 2.

Пиксячьи выдумки

— Любопытство заменяет феям разум.

Лайла Фин-Сеал, чародейка.

Куда это она собралась? Пикси увидела, как Фессаха бесшумно скользнула в лес. Никто, кроме Сиилин, не заметил этого маневра, а вот крылатой фее стало очень интересно, что задумала кошка. Мысли в пиксячьих головах редко расходятся с делом, и Сиилин устремилась вслед за Фессахой.

Кошка безошибочно шла по какому-то следу, лишь пару раз остановившись, чтобы почесаться. Пикси беззвучно хихикнула, опять вспомнив, как замечательно получилось подбросить ей на шерсть блох из заветного мешочка. Фессаха очень удачно отвлеклась, поедая того гоблина, да.

Еще через несколько минут кошка нагнала охотника с его тележкой, груженной тушей волчицы, низко прижалась к земле, чуть слышно зашипела. Мгновение — и ее тело метнулось вперед. Рудольф был действительно великим охотником: даже осторожной Фессахе не удалось застать его врасплох. Он выхватил из-за спины свое знаменитое ружье, молниеносно взвел курок и выпалил в летящую на него хищницу. Оглушительно грохнуло, тяжелая пуля прочертила длинную борозду на бедре кошки, но уже в следующий миг когти Фессахи разорвали горло охотника. И вот тело Рудольфа уже бьется на земле в агонии. Неприятный, конечно, человек, но так потешно дергался, когда ему за шиворот сыпались червяки! Сиилин немного огорчилась. Фессаха тем временем отбросила мертвое тело, принявшись крушить лапами уязвившее ее ружье. Вообще кошка казалась куда более разъяренной и злой, чем час назад, когда охотилась за гоблинами. Она как могла раскурочила оружие, помочилась на него, после чего громко фыркнула, смерила Сиилин выразительным, почти угрожающим взглядом, а потом одним прыжком скрылась меж деревьев.

Сиилин задумалась: как реагировать на происшествие и стоит ли? Впрочем, уже секунду спустя пикси выбросила все эти неинтересные раздумья из головы. Подлетая к самой кромке леса, она заметила в стороне две высокие фигуры, окруженные полудюжиной гоблинов. Один гоблин, самый старый, был одет в пеструю тунику и обвешан всевозможными блестящими

украшениями. «Либо вождь, либо шаман», — решила про себя Сиилин. Неизвестные, активно жестикулируя, выговаривали что-то зеленокожим. Такая толпа гоблинов выглядела опасно, но разве играет роль опасность, когда тебя гложет любопытство? Пикси изменила траекторию полета и приблизилась на расстояние, откуда был слышен диалог.

— Что значит — охотники не справились?! Твое племя не способно прикончить нескольких человек?!

— Но они перебили всех, даже Харага. Один Грыл смог бежать!

— Ты человеческий язык понимаешь?! Мне плевать, сколько твоих погибло! Просто отправь еще и побольше! Выполняй приказ, или всем вам, мелким ублюдкам, сильно не поздоровится! Ясно?

— Да, большой человек, — грустно согласился старый гoblin.

— То-то же. Чтоб к следующей нашей встрече все было сделано, тупой уродец, — процедил сквозь зубы второй неизвестный, щелчком послав догорающий окурок самокрутки старику в лоб. Люди зашагали прочь из леса. Гоблины неторопливо, точно нехотя, направились куда-то в чащу.

Тут пикси поняла — она уже видела этих людей. Это были двое из трех телохранителей мэра. Те же здоровенные фигуры, те же тяжелые походные плащи, те же квадратные злые лица. Точно они! Сиилин покрутила головой туда-сюда, глядя то вслед людям, то в спины уходящих гоблинов. За кем же проследить? Телохранителей можно найти в городе, да и как лететь за ними по открытой местности? В лесу следить куда удобнее, а зеленокожих потом не разыщешь, если сейчас их оставить. Решено! Пикси заработала крылышками, догоняя низкорослых гоблинов, почти растворившихся в полумраке среди зарослей.

Отряд уходил все глубже и глубже в лес, но вот деревья стали редеть, а впереди показалась большая поляна, застроенная легкими переносными домиками. Гоблины, нигде не задерживаясь, направились в самый большой вигвам. Сиилин проскользнула вслед за ними, благо в крыше была проделана внушительная дыра-дымоход. Внутри властвовала тень, но пикси на всякий случай подыскала себе более надежное укрытие — за массивным лошадиным черепом, свисающим со стены.

В доме уже сидело несколько пожилых, пестро одетых гоблинов, но самое почетное место — под флагом, украшенным символами племени, — все еще пустовало. Прибывшие воины рассыпались вдоль стен и выжидательно застыли, а старик с крихтением опустился на трон. Тот, похоже, переделали

из какого-то старого стула, но примотанные веревками черепа и разнообразные амулеты на спинке делали его куда более внушительным. Старый гоблин — Сиилин решила, что перед ней все-таки вождь племени, — тяжело вздохнул.

— Правители этой земли гnevаются. Мы не смогли убить их врагов, теперь нам грозят беды. Как быть? Ответь мне, шаман.

— Я испрошу совета у духов леса, — с места поднялся зеленокожий, чью голову венчал череп волка, — может, они чем-то разгневаны, и именно потому не даровали нашим охотникам победу. Шаман вынул из-за пояса деревянную стрелу, украшенную причудливой резьбой, затем поднял глаза кверху, словно ища совета у неба, видневшегося в дымовом отверстии. Тут взгляд шамана неожиданно упал прямо на выглянувшую из-за своего укрытия пикси.

— Духи услышали нас! — гоблин вытянул вперед руку с зажатой в ней реликвией. — О, дух леса, окажешь ли ты нам милость, благословив эту стрелу? Ждет ли наше племя удача и успех в делах, задуманных нами? — он выжидающе посмотрел на фею.

Влекомая неодолимым любопытством вкупе с предчувствием чего-то интересного, Сиилин вылетела из своего укрытия и невозмутимо уселась на ритуальную стрелу верхом.

— Духи благословляют нас! — шаман поднял стрелу с пикси над головой. Гоблины разразились восторженными криками.

— Стойте, я хочу говорить с вашим вождем! — очень важно произнесла Сиилин на лесном наречии. Фея не могла упустить случая побыть «великим духом».

— Да, о дух, — вождь гоблинов поклонился. — Я внимаю тебе. Приказать остальным удалиться? Хотя никто, кроме меня и шамана, все равно не знает священного языка.

— Пусть остаются. А я хочу понять, зачем твоему племени нужна моя помощь. Вы ведь не из этого леса, что привело вас сюда?

— Духам ведомо все, но я отвечу. Еще пять лет назад наше племя было многочисленным и могучим, мы жили на побережье, в неприступной каменной башне. Все вокруг трепетали при имени Громоклык! Но потом люди, уstraшенные нашей мощью, неспособные справиться сами, призвали великих героев, среди которых явился огромный кентавр. Они убили лучших наших бойцов, ворвались в башню, истребляя всех на своем пути, и засели там. Выжившие, собравшись с силами, пошли на приступ, но потерпели неудачу. У племени не было больше крепкого убежища, воинов почти не осталось. Нам пришлось уйти с побережья в глубины лесов и основать новую деревню здесь.

Удалось даже договориться с правителями этих земель, и племя больше не тревожили. Все шло хорошо, мы выполняли то, о чем нас просили, и жили спокойно. Но пару дней назад к нам вновь пришли посланцы. Мне велели принести головы пятерых человек, прогневавших правителей. Против нас пошлют ратников и прогонят, если этого не сделать, — гоблин несколькими фразами описал пришельцев, которых требовалось убить. Сиилин совсем не удивилась, узнав в этом описании новых баронов. — Посланники предупредили, что четверо из пяти врагов будут сегодня в лесу. Я отправил десятерых охотников во главе с могучим Харагом. Этого оказалось недостаточно, все они погибли. Но теперь, с твоим благословением, дух, победа от нас не уйдет. Наконец все вернется на свои места!

— Чушь! — громко и очень недовольно заявила пикси.

— Что ты имеешь в виду, о великий дух?

— Вы не должны убивать пятерых пришельцев! Хватит слушать этих так называемых правителей. Я дух удачи, и если вы хотите сохранить мое благословение, то делайте по-моему.

— Но как нам тогда поступить? Как не потерять новый дом?

— Пока притворитесь, будто пытаетесь выполнить задание. Но даже не вздумайте на самом деле заниматься им! Вас никто не накажет и не прогонит, я позабочусь об этом.

— Да, о великий дух удачи, — вождь склонил голову в почтительном жесте.

— Вот и замечательно. Ждите моего возвращения, не унывайте, теперь все ваши трудности позади, — фея вспорхнула со стрелы. Сделав круг почета над головами старейшин гоблинов, она полетела прочь из хижины.

У проказницы Сиилин уже начал зреть план, как выручить гоблинов, заодно проучив коварного мэра с подельниками. Осталось только решить, кого из баронов можно поставить в известность о замысле, чтобы поручить кое-какую работу. Но в любом случае получится отличная шутка! Пикси взмыла над макушками деревьев и на максимальной скорости, доступной маленьким крылышкам, устремилась в замок.

Интерлюдия 3.

Подвиги во имя любви

— Как я могу устоять перед мужчиной, перед которым не устоял дракон?

Из свадебной речи девицы Мерседес.

Гилберт с треском пробирался через бурелом. Щит отца, который хоть и помогал проламываться сквозь заросли, с каждым шагом становился все тяжелее. Волосы слиплись от пота, дрянной стеганный дублет, купленный сегодня утром в «Железной свинье» взамен великолепной фамильной кирасы, натирал подмышки, сдавливал грудь, а поясицу, наоборот, открывал потокам ночного холода и клинкам врагов.

Это не умаляло радости юноши. Леди Клодия, прекраснейшая из женщин, подарила ему ночь любви. Что могло означать лишь одно — девушка желает лицезреть Гилберта в качестве своего мужа. Мужа! Слово приятно ласкало самолюбие, воображение рисовало восхитительные сцены. Вот он ввозит стыдливо опустившую глаза, раскрасневшуюся Клодию в ворота старого, но ухоженного Эйнхандера. Вот мама вежливо, церемонно, как подобает леди, приветствует будущую невестку, а Гилберт, пряча улыбку, видит ее радость, умело скрытую под маской чопорных манер. Радость эта вполне уместна — избранница сына не только хороша собой, умна, но и богата. Она баронесса, не чета замухрышкам, готовым на все ради переезда из своих лачуг в настоящий замок. Конечно же, Клодия поладит с мамой и сестрой, конечно же, Гилберт найдет средство выкупить фамильные земли, и вместе они будут жить долго и счастливо... Но все это необходимо заслужить. Роскошное кольцо с изумрудом, купленное в магазинчике «Самое необходимое» (Гилберт даже не пытался представить, как оно туда попало) на вырученные от продажи отцовского доспеха деньги, уже лежало в кармане, заботливо укутанное в шелковый платок. Оставалось совершить подвиг: любой знает, недостойно рыцаря просить руки дамы, не совершив перед этим подвига в ее честь. Юноша вознамерился посвятить Клодии победу над лесными тварями из числа наиболее опасных. В таких случаях рекомендуется сразить дракона, а лучше, для верности, двух, но они, как известно, давно вымерли.

Гилберт насторожился, затем бесшумно — насколько

позволял громоздкий щит — спрятался за древесный ствол. В лунном свете на поляне резвились два гоблина. Не драконы, к сожалению, но лучше, чем ничего. Судя по всему, у мерзких существ как раз начался период брачных игр. Одета в пестрые обноски самка, являя собой гадкую пародию на человека, игриво убегала от более крупного самца, на котором было лишь подобие набедренной повязки и какие-то грязные шкуры и перья. Гилберт удовлетворенно окинул взглядом мощный торс, широкие, даже по людским меркам, плечи зеленокожего — монстр явно мог стать достойным противником. Юноша, не колеблясь ни секунды, обнажил меч, выступив из-под сени деревьев.

Гоблин бросился к висящему на ветке кинжалу в ножнах, самка пронзительно закричала. Крик этот поразительно напоминал женский — так же, как крик горной пумы, в охоте на которую Гилберту довелось однажды принимать участие. Юноша позволил сопернику завладеть оружием, хотя мог легко зарубить его. Но это уже не было бы подвигом.

Чудище, сжимая холодно поблескивающий клинок (наверняка украденный или даже снятый с убитого путника), атаковало первым. Удар оказался настолько яростен и быстр, что Гилберт не успел закрыться щитом — рука изрядно устала, мышцы одеревенели. Лезвие, легко рассекшее стеганку, оставило на груди длинный рваный глубокий след.

«Теперь гадина от меня не уйдет», — отстраненно подумал Гилберт, стараясь не обращать внимания на боль и внезапно навалившуюся слабость.

Вспомнив свои многочисленные упражнения, представляя на месте гоблина тренировочный манекен, он отвел руку с мечом, выполнил простенькое обманное движение и нанес укол в живот. Урод, видимо, обрадовавшийся своему успеху, рассчитывавший смять противника первым же натиском, не смог ничего противопоставить маневру Гилберта и осел, конвульсивно хватаясь лапами за лезвие, глубоко вошедшее в плоть.

Второй гоблин завизжал уже совершенно дурным голосом, то ли пытаясь напугать, то ли от ужаса. Затем чудовище, развернувшись, устремилось в лес. Молниеносным движением Гилберт поднял выпавший из замерших лап противника кинжал и метнул его в удаляющуюся спину самки. Та споткнулась, чуть не упав, но, очевидно, страх придал ей сил — она удержалась на ногах. Тварь скрылась в кустах, но с клинком в спине ей будет сложно уйти далеко и тем более привести сюда остальную стаю. Гилберт пошатнулся и, волоча за собой тяжеленный щит, который в итоге ему не пригодился, отправился в обратный путь. Рана кровоточила, грудь горела огнем, но мысль о ждущей в замке

Клодии придала сил.

— День 1 апреля года 1827 от основания
великого королевства Арагон.

Интерлюдия 4.

Потерянная удача

— А тех, кто плохо себя ведет, люди хватают и утаскивают в поля.

Лесная гоблиница непослушному гоблиненку.

Силы покидали Шауту вместе с кровью, обильно вытекавшей из нанесенной кинжалом раны, но страх гнал ее вперед. Ужасный человек убил Кетха, любимого Кетха, убил его так же стремительно и безжалостно, как убивает лесная кошка. В затуманивающемся сознании Шауты всплывали полузабытые страшные истории о людской жестокости, злобе, кровожадности. Дочка шамана никогда не верила в эти рассказы: ведь духи даровали разум человечьему племени (такой же, как и народу Хоб), а наделенный разумом не отнимает чужую жизнь из пустой прихоти.

Приходилось, однако, согласиться — истории не лгали. Ах, зачем, зачем Шаута послушалась отца, запретившего ей приближаться к границе леса! Она, конечно, прекрасно знала ответ. Если бы Шауту увидели вместе с Кетхом, молодых хобов ждали бы серьезные неприятности. Сначала родители должны были договориться о размере приданого и куче других, маловажных на взгляд влюбленных, вещей. С обычаями не шутят, тем более красавец Кетх был сыном вождя. Был. Был... Слово пульсировало в голове, словно разрывая ее изнутри, во рту ощущался металлический привкус крови. Нога Шауты попала в барсучью нору, девушка сдавленно вскрикнула и упала ничком. Сил подняться у нее уже не нашлось.

Вождь Гетханаар сидел на своем троне в опустевшем вигваме, его рука, морщинистая, покрытая старческими пятнами, сжимала меч. Несмотря на возраст, вождь все еще был лучшим воином племени. В понуром взоре Гетханаара растерянность постепенно сменялась холодной решимостью. Хирхир, шаман, сидел напротив, за тлеющими углями очага, бесстрастно покуривая трубку. Спокойствие шамана вызывало у вождя непонимание и раздражение.

— Так значит, Шаута умерла? — с расстановкой проговорил Гетханаар. — Людям оказалось мало моего сына. Дух удачи солгал нам.

— Я вижу, что ты задумал, — шаман ответил на вызывающий

взгляд вождя и не отвел глаз, — но сейчас нельзя сражаться. Время для мести еще настанет, мы сможем расквитаться с ними за все. Духи открыли мне это. Если теперь хобы поднимут оружие против людей, племя ждет суровые испытания. Лучшие воины погибнут, а тебя, вождь, сразит мечом женщина...

— С меня довольно лживых пророчеств и обещаний! — Гетханаар вскочил с трона, разметав ногами догорающий очаг. Вождь встал перед Хирхиром во весь свой весьма внушительный для хоба рост. — Человек убил наших детей, завтра придут следующие и довершат начатое! Я остановлю их, даже если ты не хочешь помогать, старик! И посчитаюсь с убийцей. Шаута сказала, на его щите был единорог...

Шаман проводил глазами обреченного, он знал это точно, вождя. Снаружи раздался звук большого барабана, созывающего воинов. Печально поворошив концом посоха кострище, Хирхир поплотнее закутался в свои одежды. Вокруг заметно похолодало.

— Я не смог остановить его, о царица духов. Гетханаар жаждет мести. Наше племя не примет участия в твоей войне.

Внезапно налетевший порыв ветра запорошил пеплом лицо шамана. Подумав недолго над смыслом этого, несомненно, посланного духами знака, Хирхир поднялся и, прихрамывая, направился к выходу. У него оставалось не так много времени на подготовку к долгому переходу, который вскоре предстояло в очередной раз совершить племени Громоклык.

Первым, кого я увидел утром, была Фессаха. Кошка безмятежно посапывала у меня в ногах. На ней не осталось и следа от кроваво-грязной корки, покрывавшей вчера ее шерсть, блохи тоже куда-то исчезли. Зато появился странный длинный шрам на левом бедре. Совершенно непонятно, откуда он взялся — память упорно отказывалась намекнуть, какое оружие или зверь могли оставить такой след. Надо обязательно расспросить ее, когда проснется. Хорошо хоть, вернулась. Привык я к ней как-то.

Позавтракать я решил в саду. По моему приглашению к трапезе присоединилась Эвистрайя. Пока она дичится меня, молчалива и задумчива, но, надеюсь, мне еще представится случай растопить лед наших отношений. Все-таки я не чурбан какой-нибудь! Отец потратил весьма солидную сумму на мое воспитание, и на светских раутах (в том числе столичных) мне удавалось не ударять в грязь лицом. Танцы, галантная беседа, правила хорошего тона, требующие от мужчины предложить, а от женщины, пококетничав, согласиться, — все это мне знакомо.

После завтрака я, снедаемый любопытством, растормошил

Фессаху. Кошка якобы просто решила вчера немного погулять в лесу, а шрам на бедре — последствия неудачного прыжка рядом с острой веткой. И что с ней будешь делать? Ладно, наказывать рабыню причин нет.

Гилберт до сих пор не возвратился. И вот где его прикажете искать? Не пойму, весна на них с кошкой так действует, что ли?! Пспрашиваю в Риовейне, может, причина гораздо прозаичнее, например, паренек захотел познать радости плотской любви. Пора уже. Ладно, пускай его.

Поэтому чуть за полдень мне пришлось самому съездить в город за швеей для Саффи. После того как неизвестные бандиты ограбили ее номер, у бедняжки совершенно нет денег, и я сам заплатил мастерице. Признаться, это меня слегка разорило, но отказать девушке я не мог.

Клодия задумчиво шла через замковый двор, залитый прощальными лучами солнца. Она только сейчас закончила ревизию помещений, сада и даже горячих источников под стеной, обустроенных в полноценную купальню. Присланные мэром «уборщики» поработали совсем не плохо, но вместе с пылью исчез лишь верхний пласт проблемы под названием «Старый необжитой Штейн».

Привести в более-менее пристойный вид успели второй этаж, где расселились бароны с гостями, да приемный зал с парадной лестницей. Немало. Но недостаточно.

Подвалы Кайт порекомендовал покуда не трогать, намекнув на какие-то странности, якобы случающиеся там, о чем простым людям знать вовсе не обязательно. Клодия не спорила с мажордомом. После нескольких находок, будто случайно попавших в руки наследников, она готова была предположить присутствие в замке привидений, домовых или любой другой нечисти.

Ну, одна-то пикси точно имелась. С нее все и началось.

Сиилин притащила откуда-то забавный шлем наподобие головы попугая с гребнем из перьев. Бедняжка от натуги покраснелась, напрягая силенки, ее крылышки басовито гудели, волосы растрепались, но бросать ношу она не желала. В итоге фея принялась истошно вопить, требуя подмоги. На крик явились Айден и, собственно, Клодия. Маг безмерно заинтересовался находкой подруги, по его словам, шлем представлял собой склад различных языков. «Не склад, а клад! — поправила колдуна

Сиилин. — Будешь носить его с собой! Но заруби на носу — он мой!» Пикси пригладила перья на шлемовом гребне и запихнула свое приобретение в айденовскую сумку. Тот обреченно вздохнул. Нарочно, скорее всего, ведь его кошель явно был из тех «бездонных», о которых мечтает всякий путешественник.

Фея согласилась показать, где наткнулась на «сокровище». В покои супруги Ларса заглянул каждый, но никто не решился жить там, даже задержаться на экскурсию. Тяжелый воздух, строгие холодные интерьеры комнат, полумрак. Ну откуда бы здесь взяться нелепому попугайскому шлему?! Однако вот у ростового зеркала в причудливой раме стояла метла, испуская еле заметное магическое свечение, а на столике рядом лежало кольцо с эмблемой Штейнов. В тонком ровном слое пыли виднелась дорожка, там, где Сиилин волокла артефакт. Клодия аккуратно прошла по следу, взяла украшение, метлу и вернулась. Комнаты заперли.

— Теперь ты как взаправдашняя ведьма начнешь летать голой при луне и хохотать по ночам, а также участвовать в оргиях, — сообщила Сиилин и устрашающим шепотом добавила: — Только не смей привлекать к этому моего Айдена!

После открытий, сделанных пронырливой феей, кладоискательский азарт в той или иной степени захлестнул всех. В авантюре поучаствовали даже гости.

Саффи, игнорируя протесты пикси, требовавшей выставить «эту дурацкую потаскушку» за ворота, приняла приглашение Сореала. Несмотря на кажущуюся перспективность этого союза, его достижения свелись к двум очень условно примечательным находкам — пачке писем Ларса и старенькой лютне с лопнувшими струнами. Зато, судя по довольной физиономии Сореала и легкому румянцу на щеках Софии, они преуспели на ином поприще. Наверное, предметы валялись в спальне де Монте, в которой парочка задержалась.

Айден удалился в верхние этажи, где мог всласть повздыхать, бросая печальные взгляды на чащу Черного Леса, скрывающую родное поместье. Лелеять тоску по дому, покинутому чуть больше суток назад, магу активно мешала фея. Сиилин вовсе не собиралась прощать постыдный эпизод с участием «рыжей стервы». Она надсаживала свой голосок, укоряя питомчика за распутство, и дергала его за вихры. Впрочем, пикси быстро надоело морализировать. Нравоучения все чаще перемежались с энергичными поисками разнообразных укромных мест, где, по мнению Сиилин, должны были водиться «интересности». Волшебнику приходилось то отворять массивную дверь, то разворачивать чей-нибудь мраморный бюст, то нажимать

на факельное крепление. Вследствие этих манипуляций в ручонки Сиилин попала диадема с рубинами (которую та, как ни примеривалась, не сумела подогнать по фигуре) и статуэтка козлика.

Едва пиксячьи глазки увидели скульптурку, а умишко проник в хитросплетения заклатья, фею уже не волновали никакие сокровища. Отобрав игрушку силой Айден побоялся — Сиилин пригрозила испытать действие артефакта на нем самом. Стоило произнести ключевое слово, и несчастный, коснувшийся витых козлиных рожек или курчавого бока, превращался на несколько часов в обыкновенного скота, вонючего и тупого. Чародей поспешил признать права подружки на истуканчика и спрятал его в сумку. Украшение же Сиилин хотела сломать, чтобы заполучить кусочек, похожий на гребешок, но тут маг воспротивился. Портить диадему — значило уничтожить наложенное на нее заклинание. Хотя серебряный венец тончайшей работы был прекрасен даже без заключенного в нем могущественного волшебства — в холодном блеске металлической вязи, точно осенние листья в заиндевевшей траве, рдели семь рубинов. Изготовленная на острове Фаэрлин, погрузившемся в океанскую бездну тысячу лет назад, диадема отклоняла от хозяина самые ловкие, сильные и неожиданные удары. К сожалению, предмет мог защитить всего семь раз, не делая различия между молниеносным выпадом мастера меча и булыжником, брошенным мальчишкой. Похоже, Ларс фон Штейн воспользовался охранительными чарами четырежды: лишь три камня лучились ярко-алым, прочие напоминали помутневшие глаза дохлой рыбы. Но если потом заменить рубины жемчужинами или хрусталем, украшение превратится в символ ранней весны, юности, невинности, особенно в иссиня-черных волосах... Маг уже раздумывал, как подарит оберег Саффи в знак примирения, но, услышав очередной пассаж феи про «грязную шлюху», решил отдать диадему Клодии. Вроде бы против нее Сиилин пока ничего не имела.

К радости Айдена, больше им ничего не попало. Хватит и козла!

Раздосадованный Отэк, единственный, по его собственным словам, бездарно потративший время, рыскал в подземельях, невзирая на предостережения Кайта. Вылез он оттуда лишь к позднему вечеру, весь в паутине и пыли.

Ну а Шаод предпочел захватывающим исследованиям прогулку в Риовейн. То ли он побоялся ворошить секреты замка, то ли запланировал посетить местные лавки, а может, кто-то из горожанок ему приглянулся.

Клодия хозяйственно совместила приятное с полезным, занявшись осмотром убранных помещений. Но ее внимание к происходящему померкло, едва рыцарь Джон галантно предложил свою помощь: они рассеянно бродили по коридорам, заглядывая изредка в комнаты и забывая про традиционные тайники вроде ниш за коврами, выдвижных кирпичей и фальшпанелей. Их добычей оказался набор красок, случайно обнаруженный на столе в библиотеке. Назначение проявилось сразу же — Клодия макнула палец в один из цветов, на первый взгляд высохший, и изобразила на крышке ящика листок. Каково же было ее удивление, когда рисунок оторвался от поверхности и затрепетал. Ясное дело, продолжить она не рискнула и аккуратно заперла коробку. А Джон заметил, что удивительная шкатулка лежала так, словно неизвестный художник только вчера сидел здесь. Однако, помимо красок, никаких следов пребывания живописца найти не удалось.

Наступил логический момент наконец выяснить у Кайта Сиды, не облюбовало ли замок, к примеру, семейство кобольдов. Когда девушка обратилась к нему, тот даже глаз не поднял от шахматной доски, точно заготовил ответ заранее. Мажордом лишь пожал плечами — мол, комнаты давно стояли нетронутыми, поэтому и предметы лежат, где их когда-то положили хозяева, или, наоборот, вещи откопали уборщики, но присвоить их побоялись — бросили как попало. В общем-то, такая трактовка полностью удовлетворила бы Клодию, если б не нарочитая невозмутимость Кайта.

— В чудесном замке и управитель чудной, — с улыбкой шепнул Джон, подмигнув спутнице.

— Да и владелец — тоже, — кивнула Клодия и тут же поправилась: — Был...

Развить свою мысль или пристрастно расспросить молчаливого дворецкого они не успели: в кухню влетела пикси, а следом вломились остальные.

Крылатая забияка победоносно размахивала диадемой. Похоже, дележ добычи обещал быть весьма занимательным и бурным. Замершая в дверях пунцовая, тяжело дышащая Саффи подтверждала худшие опасения. Девушка запустила в фею пачкой бумаг, которые несла под мышкой. Ничем не скрепленные, письма шуршащим дождем окропили собравшихся, несколько упали в очаг и вспыхнули. На том и завершился акт агрессии.

— Негоже так обращаться с чужими воспоминаниями, — Кайт окинул укоризненным взглядом притихших скандалисток.

То ли он действительно застыдил их, то ли София оказалась достаточно умна для того, чтобы не затягивать спор. Листы

подобрали, и мажордом спрятал их в кухонный шкаф на самый верх. Меж тем пикси, прыгнув с потолочной балки, водрузила диадему на голову Клодии. По словам Сиилин, украшение пришлось отвоевывать — якобы она охраняла интересы благородной дамы, Клодии то есть, от посягательств менее благородной, когда та обманом выманила вещь у Айдена. Весьма темная история, если учесть заверения самого мага, будто он изначально задумал вручить оберег баронессе. Вероятно, фее захотелось поддразнить Саффи, и она легко нашла способ допечь девицу. Чего стоило ущипнуть ту за ухо исподтишка или плюнуть в нее? В арсенале пусть маленькой, но все-таки женщины есть средства и более изощренные...

К чести Софии надо сказать, что она не раздула угольев скандала, удалившись с поля боя с выражением гордого безразличия на лице. В качестве компенсации она утащила с собой де Монте, не очень-то, впрочем, упиравшегося.

Раздел имущества закончился счастливым воплем Сиилин, усмотревшей на столе ящичек с красками. Предвидя грозящие проблемы, Клодия с Джоном и Айденом ринулись к артефакту, но, конечно, опоздали. Предвкушение будущих шалостей придало фее сил, и она выхватила заветную коробку прямо из-под носа «неуклюжих громил».

— Это честный обмен, Клоди! — крикнула напоследок Сиилин.

Кухню огласил громовой раскат кайтовского хохота. Неудачливые пиксильеры со вздохами потирали ушибленные места, ничуть не одобряя веселья мажордома.

— Может, она забудет про козлика, — с надеждой прошептал Айден.

— Я не знаю оружия, погубившего больше мужчин, чем женская улыбка.

Вальдо Ильгерейд, друг и соратник рыцаря Джона.

И вот баронесса, не торопясь, ступала по растрескавшимся гранитным плитам и, покусывая палец, расширяла в уме список неотложных дел в замке, напоминающий ей огромный снежный ком, катящийся с горы.

Вдруг ход ее размышлений прервался: на ступенях перед парадным входом она заметила кровь. Клодия обернулась — красная неровная дорожка тянулась через весь двор от самых ворот. Несчастье! Но с кем? Девушка бросилась внутрь.

У раненого достало сил подняться на второй этаж, там след уводил в первую же никем не занятую комнату. Дверь оказалась приоткрыта. Клодия сначала аккуратно заглянула в щель, памятуя о вчерашней госте (мало ли кому еще пришло в голову навестить заброшенный замок!), а в следующий миг порывисто втянула воздух, прошептав: «Что же ты наделал?!»

На старом скособоленном диване лежал Гилберт. На нем был незнакомый потрепанный доспех, разрубленный на груди, а в кулаке он продолжал сжимать оружие. Едва минутное оцепенение прошло, баронесса решительно направилась к юноше. Долг пересилил страх, дрожь из пальцев ушла. Сноровисто подготовив все необходимое — за водой и лекарской сумкой пришлось бежать к себе, — Клодия высвободила занемевшую руку Гилберта из креплений тяжеленного щита (ох уж эти родовые реликвии, будь они неладны!), забрала меч и принялась за куртку, которую, не жалея, буквально срезала, стараясь не потревожить рану.

Через час Клодия уже мыла инструменты, периодически бросая тревожные взгляды на пациента, который все еще не пришел в себя. Девушка опять и опять благодарила старую Грейс, научившую ее, в первую очередь, не терять самообладания ни при каких обстоятельствах, — пока разум метался в панике, руки делали свое дело. Жаль, рану нанесли давно и юноша потерял много крови — пришлось даже прибегнуть к магии, выпив почти весь ресурс собственных сил. Наконец баронесса присела рядом с Гилбертом. Краски возвращались на его лицо, дыхание стало глубоким и размеренным; казалось, оруженосец просто устал и прилег вздремнуть. Правда, рядом валялась изуродованная стеганка, щит и окровавленный меч.

— С кем тебе пришлось сразиться? — тихонько пробормотала Клодия, убирая волосы с лица юноши. — Не похоже, чтобы на замок напали, но и на забияку ты тоже не тянешь...

Гилберт неожиданно открыл глаза, несколько раз моргнул, заметил Клодию и схватился за грудь, где теперь красовался ровный шрам.

— Леди... — он замялся, не зная, с чего начать.

— Гилберт, что случилось? — спросила баронесса, мягко толкнув попытавшегося подняться оруженосца обратно на подушки.

— Я... позвольте мне соблюсти обычай! — настойчиво потребовал он и медленно, видно, справляясь с головокружением, сел рядом с удивленной девушкой, а потом опустился перед ней на одно колено: — Леди Клодия, мой род достаточно славен, и его история началась вместе с приходом людей в Леодар, когда

в летописях упомянут первый Эйнхандер. Хотя нынче мое имение заложено, я надеюсь в обозримом будущем выкупить его. Осознаю непоследовательность собственных действий — мне нужно было бы сначала решить проблемы с деньгами, а потом уже — с чувствами, но над любовью никто не властен, — Гилберт достал из кармана шелковый платок и развернул его, явив ошарашенной Клодии кольцо с изумрудом, вправленным в изящный венчик золотых лепестков: — Я прошу вас стать моей женой.

Украшение заняло свое место на пальчике изумленной баронессы, она переводила взгляд с чудесной зеленой искры на руке на вдохновенное лицо юноши и не находила слов. Пожалуй, впервые девушка, привыкшая к ветреной скоротечности гаремных симпатий, столкнулась с настоящим чувством. Она запоем слушала и читала легенды об истинной любви, видала не раз страдания гаремных девиц — хотя до конца не доверяла их метаниям, зачастую, по ее мнению, показушным, — но не думала, будто таинственная эмоция возникает так... быстро? Внезапно? При подобных обстоятельствах? Понимая, что нельзя молчать, нельзя оставлять мальчика в неведении относительно собственных, пока довольно легкомысленных, эмоций и нужно открыть ему, кого он на самом деле хочет взять замуж, Клодия смогла лишь пролепетать:

— Но, Гилберт...

— Баронесса, простите мне мою дерзость и столь недостойный обручальный дар, но я постарался искупить сие свершением подвига, — юноша гордо вздернул подбородок и повел раскрытой ладонью в сторону доспеха и оружия: — В вашу честь сражены две нечестивых зеленокожих твари. Впрочем, меня не оставляет надежда почтить ваше имя еще не одним славным деянием!

— Но зачем? Мне не нужна ничья смерть, — девушка растерянно подняла брови, потом нахмурилась, метнула испуганный взор на обагренный кровью меч и уточнила: — Это ритуал? Так принято? Отнимать чужую жизнь, дабы создать семью и подтвердить любовь?

— Леди, это древняя традиция, которой следует придерживаться всякому уважающему себя и свою даму рыцарю. Уж вам ли не знать, Клодия? — юноша отвечал, словно читая по написанному, а в конце неуверенно улыбнулся, не понимая, почему баронесса задает такие странные вопросы.

— Ох, Гилберт! — до девушки, в конце концов, дошло: оруженосец вряд ли посвящен в «тайну» происхождения каждого новоиспеченного барона фон Штейн, а ее секрет пока не разгадал вообще никто.

— Это мне следует извиниться! — Клодия сняла с пальца перстень и вложила его в ладонь юноши (он так и застыл с протянутой рукой и недоумением в глазах). — Нам следует объясниться, — похлопав по дивану рядом с собой, она дождалась, когда он сядет подле, и продолжала: — Гилберт, не заблуждайся, пожалуйста, на мой счет, не льсти мне. Я по чистой случайности получила титул, на самом деле мои происхождение и образование лишены благородных черт вовсе: родители — крестьяне, мои воспитатели — гарем, хозяин-барон и старая лекарка. Перед тобой бывшая одалиска, которой повезло. Полагаю, твои папа и мама не обрадуются такой невестке, — Клодия усмехнулась и приложила палец к губам собеседника, заметив поднимающийся в нем протест: — Сейчас ты скажешь — тебе все равно. Положим. Меня-то совершенно не волнует ничья родословная. Но, увы, это не все и не главное. Важнее, что ты воспламенен чувством после того, как я бесцеремонно вломилась к тебе этой ночью под действием колдовских чар. Вчера я имела неосторожность примерить один магический артефакт, влияние которого и привело меня в твою постель. Ты мне симпатичен, очень, но я пока не готова сказать «люблю» или сковывать себя брачными узами.

Клодия сложила руки на коленях, внимательно воззрившись на Гилберта. Того подобная откровенность поразила как молния: он оторопело смотрел на кольцо, будто не понимая, как эта вещица попала на его ладонь. По крайней мере, баронесса истолковала его молчание именно так. Она закусила нижнюю губу, потупилась, готовясь к неприятной отповеди уязвленной гордости, но юноша, справившись с первым шоком, улыбнулся:

— Тем не менее кольцо ваше, леди, и позвольте мне избрать вас дамой сердца. Возможно, позднее вы примете мое предложение (нет, я не забираю слов обратно), сочтя меня достойным, — он вскочил на ноги и поклонился.

— Милый, — Клодия ощутила комок в горле и прижала похолодевшие враз ладони к пылающим щекам, — повремени. Помнить я буду и без подарка. Тебе сейчас важнее вернуть доспех. Правильно? Ты заложил свою великолепную броню для... — она замолчала, выжидая ответа.

— Но... да, но мне достаточно и этого, — Гилберт неуверенно указал на растерзанный кожаный хлам.

— Нет, рыцарь не может совершать подвиги в обносках. Кираса в «Железной свинье»? — улыбаясь, спросила Клодия и, получив утвердительный кивок, поднялась, закрывая гилбертовский кулак с перстнем: — Завтра мы уладим это дело.

Девушка выбежала из комнаты, боясь жара, залившего щеки

и распирающего грудь. Неужели это любовь? Или просто желание; возможно, маска продолжает толкать ее на необдуманные поступки? Клодия решила немного остыть и поспешно направилась в сад. В дверях она с разбега ткнулась в широкую грудь сэра Джона. Рыцарь, смеясь, подхватил перепуганную, едва не рухнувшую наземь девушку.

— Леди, надо быть аккуратнее! Вы же могли разбить ваш прелестный нос или заработать синяк на лбу, — с напускным укором выговорил он ей. — Дайте я посмотрю...

Джон развернул баронессу, онемевшую от неожиданности, подставив ее лицо лунному свету, и склонился над ней, участливо бормоча уверения, что такой шишки он еще не видел у хорошенькой девушки. Наконец Клодия очнулась и отпрянула из объятий рыцаря, ощупывая лоб.

— Нет у меня никакой шишки! — гневно крикнула она, а в следующую секунду уже хохотала вместе с Джоном, который вновь приблизился к ней. — Не подходите, насмешник! Ну надо же!

— В этом саду можно заблудиться. Будете аукать до утра, но никто не явится на помощь. Станет страшно и зябко, — Джон взял баронессу под локоть. — Предлагаю прогуляться вместе. Я вижу в темноте так же хорошо, как днем! Ох, ты ж! — рыцарь, галантно обводя Клодию мимо пня, чуть не свалился в яму, вызвав очередной приступ смеха у обоих.

— Хорошо, разрешаю вам сопроводить меня, — девушка сделала шутливый реверанс.

Их голоса постепенно удалялись вглубь сада, а угрызения совести в голове баронессы притуплялись с каждым шагом. Белый рыцарь, голубоглазая мечта любой женщины, успешно разгонял их, словно ветер — тучи с неба.

Гилберт же какое-то время сидел на диване, перекатывая в ладонях кольцо, потом взвалил на себя останки доспеха, оружие, бережно взял забытый Клодией набор инструментов и лекарскую сумку и, задумчивый, отправился к себе, лелея в глубине души надежду.

Мой оруженосец явился уже за полночь. С поношенной искромсанной курткой под мышкой, весь всклокоченный, с внушительным шрамом на груди и ужасно расстроенный. Мда, Гилберта поразила самая непредсказуемая и загадочная из болезней — он влюбился. Избранницей моего оруженосца стала Клодия. Он продал свою кирасу, чтобы приобрести обручальное кольцо, даже успел совершить подвиг в ее честь (еще

пара гоблинов в лесу расстались сегодня с жизнью). К сожалению, герой уже объяснился со своей дамой сердца, и вот — вернулся мрачный и подавленный, получив отказ. Хорошо еще, Клодия сделала это достаточно мягко. Я тоже малость побеседовал с Гилбертом, попытался утешить его, но раны душевные, как известно, лечит только время. Доспех юноши баронесса обещала выкупить у Леонарда, благо с переездом кузнеца в замок уладить этот вопрос будет гораздо проще

Еще этим вечером мне удалось-таки пообщаться с нашей незваной эльфийской гостьей. Я, наконец, извинился перед ней за грубую попытку прервать ее песню. Мы вдосталь побеседовали. Эвистрайя мудра, но на нее наложил отпечаток дух смирения и фатализма, так присущий ее народу. Несмотря на то что эйраи были противниками людей, когда мы пришли в эти земли, мне печально видеть такой упадок некогда великой расы.

Кое-что из услышанного достойно хроник — я позволю себе полностью записать его в свой дневник так, как запомнил.

**

В незапамятные времена боги явились нашим предкам. Они пересекли небесный свод на своих остроносых блистательных ладьях и сказали: «Народ эйраи, мы призываем вас встать рядом с нами в грядущей битве». И старейшины ответствовали им: «О боги, вы обладаете безграничной силой, ваши враги под стать вам. Можем ли мы сражаться с ними? Но обещаем — те из нас, кто переживет эту войну, будут петь для вас каждую весну на восходе второй луны». В те времена род богов был многочислен и надменен, эстарийские божества воевали с человеческими, ибо небеса не вмещали их всех. Распри прекратились, когда из-за верхнего края небесного свода явились Дра-Уг-Ла, племя звездных великанов, а из-за нижнего края устремились во владения богов Фин-Да-Йа, ужасные чудовища, порожденные тьмой-за-пределами-всего. И грянула великая битва, изменившая рисунок созвездий, иссушившая моря, расщепившая горы, и наступил закат славного божественного рода; но эйраи держат данное старейшинами обещание.

Те, кто уцелел под огненным градом обломков, падающих с небес, укрылись в Благословенных Землях — их почти не затронули разрушения. Они жили здесь до тех пор, пока могучие вожди людей, братья Арагон, Ксандр и Катрион, не пересекли Эрбек с холодной сталью в руках и своими народами за спиной.

Тогда этими землями правила Царица Бурь, не божество, но тень божества, низвергнутая с небес в обломках своей боевой

колесницы. Ведомые ею кланы эйраи вышли на битву с людьми в Золотые Поля и под звуки элионов сразились с пришельцами. Но Арагону и его братьям пришли на выручку герои — спустившиеся со звезд дети богов, обладавшие безграничной силой. Царица Бурь пала, эйрайские воины были разбиты.

Вот такой рассказ. Интересно, какие из этих событий давнего прошлого моя новая знакомая застала сама? Впрочем, спрашивать подобное совсем невежливо, поэтому если и узнаю ответ, то случайно. А теперь спать.

— *День 2 апреля года 1827 от основания
великого королевства Арагон.*

— *Да, ты можешь пожелать все что угодно. Но учти: если
желание мне не понравится, я отрублю тебе голову.*

Ифрит Джанулбизар своему вызволителю.

Как же неудобно держать перо, когда руки так изменились. Странно, что я вообще способен еще писать. Но обо всем по порядку.

Во время давешнего визита в подземелье замка Отэк обнаружил вычурную медную лампу, но предпочел утаить ее. Как вещьца попала в Штейн? Прибыла ли она в седельной сумке барона Ларса, либо оправдались подозрения Клодии относительно нечисти, якобы облюбовавшей наши подвалы? Теперь уже не важно. Многие в детстве заслушивались солярийскими сказками о джиннах, за доли секунды возводящих дворцы, превращающих камни в золото и исполняющих заветные мечты в благодарность за освобождение. Вероятно, слышал их и северянин. Только вот пленником его лампы оказался зловредный демон, заточенный туда вполне заслуженно, я думаю.

Создание, принявшее облик бесстыдно одетой девки, предложило ему — и чуть позже всем нам — выполнить одно желание, ответить на один вопрос, вытащить сколько угодно карт из некой Колоды Судьбы. Представилась она Камиллой.

Отэк сразу вытянул карту — конечно, роковую, — вызвав агрессивного ожившего мертвеца. Северянин, скорее всего, погиб бы, зарубленный нежитью, но тут подоспели мы. На счастье незадачливого кладоискателя, я завтракал в саду с Айденом (и, разумеется, Сиилин), а Клодия выглянула в окно, перепуганная жутким лязгом оружия. Поэтому заметить странную суматоху на площадке одной из башен, куда Отэк унес свое сокровище,

не стоило большого труда. Я тотчас же «убил» воинственный труп и получил, таким образом, собственного восставшего из могилы противника. Ифритка веселилась, подначивая нас. Эта битва могла продолжаться долго, исход ее был туманен, но Клодия потратила свое желание на правое дело — спасла нас от умертвий.

Как ни прискорбно, но мы охотно поддались на уговоры Камиллы: назагадывали и наспрашивались от души, вытянули довольно много карт. Отэк пожелал некоей женщине победы в какой-то войне на своей родине, пикси зло пошутила, поменяв на пару дней пол едва ли не всех обитателей баронства. Я захотел стать сильнее и способным одолеть любого врага. Лишь Айден мудро воспротивился искушению, однако нас разубедить он не сумел.

Не знаю, как отзовется желание следопыта, меня же мразь превратила в огра. Добрую половину жизни я боролся с подобными монстрами, а теперь стал одним из них. Слава богам, мне удалось сохранить рассудок. Ну и на фоне остальных огров я настоящий красавец, хотя это сомнительное утешение.

Прихоть Сиилин демонице даже не пришлось коверкать: город в панике, на улице полно бородатых женщин — исполнительница подошла к делу с изрядной долей формализма, жители толпами валят к знахарке. Джессика, впрочем, уже разобралась в чарах, прикинула, когда именно колдовство потеряет силу (надо отдать должное нашей ехидне с крыльями — ее затеи трудно назвать безобидными, но непоправимых гадостей она пока не делала), и теперь радостно продает зелье, которое «точно вылечит вас за два-три дня».

О том, что шутка феи сработала как надо, мы поняли не только по своему внешнему виду, но и по страшному реву, донесшемуся со стороны Риовейна. Это злосчастный Вальдо, третий день погрязавший в разврате, обнаружил себя за занятием, недостойным настоящего мужчины: он лобзал подтянутый животик юного красавчика, в которого обратилась служительница любви. Ну а потом негр заметил перемены к худшему в собственном теле...

Давно Вальдо не бегал так резво. Кое-как замотанная в простыню черномазая бабища под оглушительный смех бывших шлюх выскочила из борделя в числе других «клиенток» и устремилась к замку. Во дворе ее ждали две крепкие дамы, получившиеся из сэра Джона и Кайта, — правда, они отнеслись к обращению философски.

Еще оставались вопросы и карты. Я, не скрывая досады, справился, можно ли вернуть мою человеческую внешность, сняв

наложенное проклятье. Камилла посоветовала расслабиться и получать удовольствие, поскольку изменения необратимы. Сиилин выяснила, кто пытается свести с ума городского кузнеца. Виновником оказался его подмастерье Кен. Клодия захотела узнать, каким образом можно снять обет безбрачия с Белого рыцаря-пилигрима. Ответ гласил: «Сэр Джон (неужели девушка действительно имела в виду его?) должен всего-навсего найти себе преемника, готового променять маленькие радости обывательской жизни на путь бескорыстного самопожертвования, полный опасностей и потерь». Ну а Отэк наивно поинтересовался, зачем коварное создание играет с нами, ведь никакой выгоды игра ей не приносит. Камилла, не смущаясь, заявила, что это просто ее любимое хобби. Развлечение! Вот дрянь!

Карты были еще хуже желаний (могли бы догадаться после драки с трупами!), но мы все равно испытали свою удачу в очередной раз.

Например, Отэк, обуреваемый азартом, не нашел в себе сил остановиться, вытягивая картинки одну за другой. К счастью, Клодия вовремя выхватила колоду из рук ифритки, избавив следопыта от соблазна. Он, кстати, потом ходил за ней и канючил: «Ну еще разочек, ну пожалуйста!» Сама баронесса тоже «сыграла» и вынула явно не козырь, о «масти» которого пока молчит.

Едва магический артефакт очутился у Клодии, демоница взмыла над нашими головами, откланялась и растаяла в воздухе.

Не знаю, что досталось собаронам, а я вытянул солнечную карту, которая, похоже, позволила моему разуму сохранить ясность, не уподобившись огриному. Еще одна карта принесла мне волшебный меч, под стать моему новому телу. А вот третья оставила какое-то непостижимо скверное ощущение. Боюсь, она еще проявит себя в будущем. Хотя, казалось бы, куда хуже? Я — уродливая тварь. Как жить дальше? Может, попросту сгинуть в лесу? Нет, это совсем не по-рыцарски. Лучше умереть с мечом в руке, пусть даже в таком отвратительном виде, сражаясь со злом и несправедливостью. Но какой из меня теперь рыцарь?!

Полагаю, Сиилин — единственная, кто извлек из встречи с Камиллой пользу. Говорят, феи могут поделиться с окружающими своей удачей, но вот эта конкретная особь решила приберечь все везение для себя. Посудите сами, имела ли негодница право жадничать, — Клодия ходит мрачнее тучи, я превратился в монстра, Отэк и вовсе тронулся умом. А Сиилин не только повеселилась на славу посредством загаданного желания, но и ухитрилась не вытащить ни одной проклятой карты, хоть тянула, как и я, трижды. Конечно, она не преминула

похвастаться перед нами своими приобретениями, среди которых была — подумайте только! — карта визиря-советника. Ох, мне бы сейчас не помешал совет, как обрести прежний облик, но я особо не рассчитываю на милосердие феи.

Нет, не верится, что исцелиться действительно невозможно! Просто обязан существовать способ вновь стать человеком! Тем не менее сегодня барон Сореал де Монте погиб, убитый чудовищем, которое сам породил.

Я подарил Гилберту свое старое оружие. Конь Стремительный теперь тоже может пригодиться лишь моему оруженосцу. Попытка освободить мальчика от обязанности прислуживать монстру не увенчалась успехом — он гордо отказался бросать меня в беде. Думаю, со временем из Гилберта вырастет по-настоящему великий рыцарь! Может, я отдал бы ему и свой зачарованный доспех, но волшебный перстень теперь врос в мой палец, а лишиться пальца — значит ослабить хват меча.

Чтобы слегка развеять уныние, ну и проверить обстановку в городе, Клодия предложила разобраться с коварным подмастерьем Леонарда, и мы все отправились за ней. Мне, в общем-то, было все равно, куда идти, тем более, огры идеально подходят для устрашения и насилия. По улицам паникующего, «проклятого» Риовейна мы добрались до «Железной свиньи». Кен как раз укладывал вещи для переезда в кузницу замка Штейн. Заданный в лоб вопрос о том, зачем он вредит своему работодателю, совершенно не смутил подозреваемого — если бы не настырность Отэка и Клодии, я бы поверил в невиновность подмастерья и оставил это дело. Пришлось слегка припугнуть Кена. В итоге он рассказал все.

По его словам, пятнадцать лет назад, в пору катрионской войны, Леонард убил всю его семью, за исключением трехмесячной сестры, которую солдат зачем-то забрал с собой, — мальчик, спрятавшись на чердаке, видел кузнеца в щель между досками. Причем Алиса и не подозревает, что Леонард ей не отец! Когда случилась трагедия, Кену было всего пять лет. Мальчик загорелся мстью, потратив годы на поиски убийцы своих родителей, а найдя преступника, посчитал — просто умертвить злодея будет мало. Он задумал помутить Леонардов рассудок, заставив поверить в преследующих его призраков. Жажда мести — чувство, которое сжигает дотла, но в данном случае я готов оправдать Кена, вот только подобные методы мне не по нраву.

Посовещавшись, мы решили свести Кена с Леонардом, предоставив им возможность разрешить свои разногласия лицом к лицу. После эмоционального диалога выяснилось — Леонард ни

в чем не виноват. Родных Кена и Алисы убил знаменосец Билли, единственный, помимо кузнеца, ополченец из Штейна, переживший штурм вражеской столицы. Потрясенный гибелью своих друзей в кровавой резне, он решил отвести душу на мирных катрионцах. Леонард не чувствовал за собой права мешать ему, но и не мог бросить осиротевшего младенца на верную смерть. Бывший знаменосец уже три года как оставил мир живых. Поговорив, недавние противники примирились (мда, ситуация походила на представление в шапито, ведь Леонард сейчас — здоровенная бородатая женщина, а Кен — изящная девушка). Алисе не стали ничего не рассказывать. К счастью, хоть эта история закончилась благополучно.

Вообще этот день был насыщен неожиданными происшествиями. Шаод внезапно оставил нас. Он отрекся от титула и прав на манор, якобы подчиняясь зову дороги. Ближе к вечеру в замок заглянула подозрительная парочка — суровый старик в компании чумазого карлика. Они искали алхимика. Похоже, поспешный отъезд Шаода связан именно с этими людьми.

Мэр отменил сегодняшний праздник в нашу честь, сославшись на простуду. Конечно, простуда, ха! Мне противно даже представить эту мерзкую старушенцию, которая сидит теперь в ратуше.

А ближе к вечеру прискакал королевский глашатай. Оказывается, сам Арагон XIII избрал баронство Штейн местом своей ежегодной весенней охоты. Король заявится сюда уже через три дня. Нужно будет спрятаться на время визита монарха. Боюсь увидеть знакомых, да и гвардейцы меня сразу прикончат, если заметят. Единственное забавное пятно во всей этой мрачной картине — нелепое происшествие с гонцом. Седло этого напыщенного индюка осталось на месте, когда лошадь поскакала вперед. Наверное, подпруга лопнула. Очень надеюсь, что у Сиилин достанет ума не шутить так с государем.

**

Король Арагон XIII, самовлюбленный подросток, кормил множество личностей весьма сомнительной репутации. Двор утопал в возмутительной роскоши. Проблемы же внешней и внутренней политики мало интересовали юного самодержца. Йоргос Билефельд, состоявший в несметной армии вельможных прихлебателей, всецело одобрял подобное положение вещей.

Каждую весну монарх выезжал на королевскую охоту. Эту традицию скучающий юнец завел, когда ему исполнилось двенадцать, и приурочил к своему дню рождения. В этом году он

собрался отпраздновать свое шестнадцатилетие с особым размахом... в небольшом баронстве Штейн на восточной границе королевства. Нахлебники предвкушали грядущее веселье.

Незадолго до того Йоргос на пирушке в очередной раз похвалялся своими амурными похождениями. Большую часть этих историй он, естественно, выдумал, а остальные сильно приукрасил, но рассказывал их ну очень убедительно. Слушатели посмеивались, отпускали непристойные шуточки, одобрительно хлопали ловеласа по плечу. Слово за слово, стакан за стаканом, и молодой человек обнаружил, что держит сумасбродное пари. Будто со стороны он наблюдал за собой, заявляющим во всеуслышание: во время охоты, пиров и оргий, которые обязательно произойдут в этом самом баронстве Штейн, когда туда приедет его величество со свитой, он, Йоргос Билефельд, соблазнит двух королевских провидиц, красавиц Вивиан и Лилиан. Суммы, поставленной на кон, у плута, разумеется, не имелось на руках (никогда), но представлялся отличный шанс ее заполучить и промотать. В конце концов, самоуверенность царедворца была небезосновательна...

Достоверно о своих «жертвах» повеса знал немного. Девушки-близняшки являлись личными магическими телохранителями Арагона XIII. Лилиан и Вивиан являлись, пожалуй, единственными причинами, благодаря которым венценосный забияка до сих пор оставался жив. Что еще? Род провидиц восходил к основанию королевства, они безоговорочно верны царственной фамилии, их жизненный уклад весьма аскетичен (согласно дворцовым легендам, любое излишество отнимало на какое-то время их дар) ... Неутешительно, однако не стоило забывать — это молодые красивые барышни, которым хочется всего того, чего, как правило, хочется девицам в восемнадцать, а значит, шансы неплохи. О сестрах ходила масса слухов: одни приписывали им тайную развратную жизнь в качестве наложниц Арагона XIII, другие утверждали, будто они и впрямь девственницы. Йоргосу предстояло проверить это наверняка.

Именно поэтому спустя пару дней молодой донжуан ехал в одной из раззолоченных карет, направляющихся в Штейн, в окружении изнеженных гончих и любимых королем левреток, полный радужных предчувствий. Помимо прочего, Йоргасу феноменально повезло — его зачислили в ряды королевских псарей, хоть он и не смыслил в этом деле ни бельмеса.

Голова поезда терялась в пыльной дымке далеко впереди, а сзади доносился трубный глас недовольных слонов, перемежающийся рычанием леопардов и тигров и какофонией криков всякой мелюзги вроде макак, попугаев, павлинов.

Конечно, королевский зоопарк сопровождал монарха, хотя бы самые любимые и незаменимые в путешествии зверюги. Откуда-то доносился нестройный хор пьяных голосов: «Мы ворвемся в баронство, точно вихрь с небес! Эй, девчонки и винные бочки, берегитесь столичных повес!»

Следом за королевским герольдом явился запыхавшийся мальчишка из трактира Моны (мэр опять пренебрег своими обязанностями) и объявил: лесные гоблины вышли на тропу войны, сжигая фермы и убивая всех на своем пути. Довольно странно, ведь если верить рассказу Сиилин, зеленокожих натравливал на нас мэр, а так они вроде бы неплохие ребята. Почему трусливые обычно гоблины повели себя столь агрессивно, неважно, но их нужно остановить. Мэр тоже свое получит, если это его очередные козни!

Посоветовавшись, мы решили: нападение надо отразить сегодня же. Слишком много людей может пострадать даже за одну-единственную ночь. Настроение было ужасным, к тому же меня прямо-таки завалило чередой мелких неприятностей. Посему уничтожение нескольких уродливых недомерков казалось отличным способом поднять настроение. Тем не менее тогда я еще рассматривал вполне мирные варианты решения проблемы.

Сиилин помчалась в поселок гоблинов, выяснять, что побудило их пренебречь ее советами. А мы устремились в город, намереваясь исполнить свой баронский долг перед жителями. Напомню, проклятие до сих пор действовало, посему отряд наш выглядел забавно: девушка в кирасе, с тяжелым щитом и мечом, огрычя баба (меня никто не видел под латами, но волшебный нагрудник отлично очерчивал мою «женственную» грудь), мальчишка с русой косой до пят на метле. Только Айден изменился совершенно неуловимо. Рыцарь Джон сразу отправился на городские стены. Суровые воительницы в лице «Кайты» и «Вальды» остались защищать замок, если вдруг гоблинам взбредет в головы осадить его. Многие селяне в ужасе, побросав дома, устремились в баронскую твердыню.

Мы сразу заявили к главному блюстителю порядка в Штейне, где вынуждены были принять два факта. Во-первых, шериф баронства Эрик Горман — совершеннейший трус, который не собирался защищать жителей деревень и ферм. Времени для его повешения у меня не хватало, это спасло мерзавцу жизнь. Да и горожане боюсь, не оценят, если шерифа казнит огр. Во-вторых, ополчение не готово к отражению набега, впрочем, об этом нас предупредил еще Джон, налаживающий, наверное, сейчас

оборону.

После того как Гормана маленько потрясли (да, я отвел-таки душу на воротнике его рубахи), он нехотя согласился выделить чуть больше дюжины ратников. Затем мы, не медля ни минуты, выступили в направлении, где, по словам очевидцев, бесчинствовали гоблины. Изначально планировалось договориться с зеленокожими (перебив при необходимости наиболее ретивых).

Твари добрались уже до ферм, находившихся меньше чем в получасе ходьбы от стен Риовейна. Поначалу все пошло неплохо. Айден призвал несколько десятков иллюзорных воинов, сделав наше войско весьма внушительным с виду. Гоблины явно струхнули, с надеждой поглядывая на белый флаг парламентаря, принесенный Клодией. Но потом они словно с цепи сорвались. Самый хорошо вооруженный из них (наверняка вождь) с криком бросился на Гилберта. Он четко выделил среди нас именно моего оруженосца, интересно почему? Еще с десятка гоблинов увязались за ним, остальные избрали выжидательную тактику. Наши трусливые ратники последовали их примеру, делая вид, будто прикрывают тылы. Бой был не слишком долгим, одного удара моего гигантского меча хватало, чтобы отправить к великому духу одного-двух его почитателей, остальные не отставали. Как только мы перебили самых смелых гоблинов, другие бросились наутек. Гилберт же с моей небольшой помощью победил своего сурового противника. Только тут наша доблестная стража присоединилась к побоищу. По-моему, ополченцы просто спешили осмотреть тела убитых на предмет ценностей.

Клодия улетела на своей метле за беглецами, добравшись, таким образом, до их поселения в глубине леса. Оказалось, шаман с самого начала предрек исход боя, но удержать вождя не смог. Теперь зеленокожие снимались с насиженного места, намереваясь отправиться в места более гостеприимные. Полагаю, это к лучшему. Примириться с ними не вышло, а устраивать зачистку деревни, пусть даже гоблинской, не по мне.

Отэк в наше отсутствие ушел в лес на поиски «чего-нибудь интересного»; следопыт вообще стал сам не свой после столкновения с Камиллой, мыслю, даже слегка тронулся умом, хотя и раньше-то был с причудами. Забегая вперед, с печалью пишу, что он нашел в лесу семью троллей. Эта встреча стала последней в его жизни.

В городе ратники сразу начали хвастаться перед толпой своими подвигами. Их тоже очень захотелось повесить. Надо сдерживаться.

Забрезжил рассвет. Гилберта с трофеями, оставшимися от его

противника, мы отослали в замок, сами же втроем направились к мэру, хотя вряд ли он принимает в такую рань. Пришла пора узнать, зачем его телохранители пытались натравить на нас гоблинов, и не они ли спровоцировали сегодняшнюю атаку.

По пути в особняк Макнейла обнаружилось, что действие желания Сиилин прекратилось. На радостях Клодия с Айденом совсем расслабились, да и я, каюсь, трудностей не ждал. Очень зря.

Одновременно с нами Лотрека решили посетить шестеро неприятных типов, которым зачем-то понадобилась Клодия. Понятия не имею, может, с этими наемниками удалось бы поладить, но когда один из них обозвал меня «тупым огром», я взорвался. Это был чрезмерно долгий, неопишимо поганый день. Снести оскорбление какого-то наемника (пусть даже обращенное в сторону моей новообретенной внешности) я не смог — прикончил гада, потом другого, вставшего на моем пути. Этот второй лишь немного уступал теперешнему мне ростом, удар его молота оставил на моей груди длинный кривой шрам. Когда на ногах осталось всего двое противников (точнее, противниц), а третья убежала, я позволил себе потерять сознание. Плохо или хорошо, но мне довелось выжить. Остальное записываю с чужих слов.

Под самый конец боя во дворе мэрского дома появился Гилберт, направленный к нам Айденом. Произошло это очень кстати: Клодия еле держалась на ногах, наспигованная арбалетными болтами. Мой верный оруженосец сразу внес перелом в сражение — оставшиеся наемницы были убиты. Позже подоспели Джон и Вальдо, которые довели нас, а также доспехи и оружие поверженных врагов до замка. Кроме того, они оказали неоценимую помощь в нашем лечении. Уж не знаю, откуда взялись все эти волшебные снадобья, но большое им спасибо.

Тем временем последняя бандитка сумела добраться до леса, где посредством странного колдовского устройства пыталась связаться со своим нанимателем (это некий барон, которому Клодия успела, видимо, насолить в прошлом), но на свою беду попала на глаза Сиилин с Кайтом, которые искали Отэка. Те, недолго думая, — женщина показалась им подозрительной — оглушили ее и притащили в замок. Клодия побеседовала с ней, убедив работать на нас, и отправила следить за телохранителями мэра.

О, чуть не забыл. Обнаружилось, что Лотрек вовсе не охотился за нашими головами. Охранники работали на секретаря мэра. Этого Сеймура мы мельком видели на первой встрече с городскими властями — иссушенный годами старик,

со взглядом, напоминающим остротой и холодностью бритвенное лезвие. Похоже, именно он строил нам козни. Как раз сегодня все эти милые люди уехали в соседнее баронство, судя по сбивчивым объяснениям Макнейла, за лекарством от поразившей две трети города болезни. Уверен, мы еще о них услышим.

Интерлюдия 5.

Взгляд с другой стороны

— В бою всякое может случиться. Поэтому мы требуем плату вперед.

Донателло Раглин, наемник.

В прихожую особняка спустилась из мэрского кабинета группа наемников. Они уже успели пообщаться с владельцем дома, узнав много нового о своей цели. Оказывается, искомая девица ухитрилась получить дворянский титул, да еще наняла себе где-то телохранителей. Донателло нахмурился и поспешил надеть улыбающуюся маску, которая дала в свое время название его отряду.

— Хватит болтовни. Выдвигаемся, — предводитель отряда первым вышел из роскошного холла на залитый утренним солнцем двор.

Остальные нехотя последовали за командиром. Один за другим они миновали дверной проем и почему-то замешкались на крыльце. В хвосте процессии держался Хуго. Его донимали дурные предчувствия, наемник был откровенно недоволен новыми обстоятельствами задания, непрерывно ворча себе под нос — правда, достаточно громко, чтобы Дон мог расслышать и принять к сведению его мнение.

— Никто не предупредил: «Хуго, зайчик, у девки будет огр, хорошенько подготовься». Про сраного огра уговора не было! Я... — тут он поднял глаза: напротив отряда во дворе стояли вышеупомянутая девка, закованный в броню огр и еще какой-то неизвестный тип в робе.

А в следующий миг монстр атаковал, стремительно сорвавшись с места. Один взмах огромного пылающего меча... Ни стальная кираса, ни верный трезубец не спасли воина, Хуго умер почти мгновенно. Сила удара оказалась столь велика, что тело отшвырнуло обратно в прихожую.

Труп еще не успел упасть на пол, а спутники огра уже начали действовать. Красавица-блондинка сделала несколько эффектных па, устремив взгляд на Абобо. Руки великана вдруг свело сильнейшей судорогой, молот Скалистого Ужаса выпал из разжавшихся ладоней на землю. Человек в робе произнес витиеватую скороговорку и начал делать странные жесты руками.

— Айрин! К Хуго, быстро! — Донателло грязно выругался,

бросаясь на противника. Полуторный меч врезался в бок образине, но лишь бессильно проскрежетал по броне.

Айрин метнулась назад, к телу поверженного товарища. Одного короткого взгляда ей хватило, чтобы понять: ее услуги наемнику уже никогда не понадобятся.

— Хуго спекся! — прокричала она. Начало боя не сулило ничего хорошего.

Милдред, зарывав от ярости, начала вращать рукоятку на боку своего арбалета. Знаменитая Машина Ненависти очень хотела кого-нибудь сегодня убить, огр подходил для этого как нельзя лучше. Смертоносное устройство трижды щелкнуло, выпустив стальные молнии. Наемница злобно усмехнулась под своей маской, предвкушая, как снаряды, пробив броню, вопьются в плоть, но доспех гада снова оказался на высоте. Болты выскли из кирасы сноп искр и бессильно опали на землю. Чересчур крепкий! Милдред раздосадованно сплюнула, затем прицелилась в противную блондинку.

Эльвира, внимательно приглядевшись, смекнула: размахивающий руками мужчина в робе не более чем иллюзия. Настоящий маг прикрылся пологом чар и стоял сейчас неподалеку от огра, читая какое-то заклинание.

— Здесь невидимка! — наемница одним стремительным движением убрала саи за пояс, вытащив пару коротких ножей. Замах — кинжалы полетели вперед. Незримый чародей, совершенно не ожидавший нападения, лишь сдавленно вскрикнул, когда один из клинков пропорол ему бок. Тут Эльвира с ужасом заметила, что кольцо прицела Машины Ненависти смотрит прямоком на заказанную красотку.

— Стой! У нас распоряжение взять ее невредимой! — Эльвира врезала по оружию соратницы, и вскинувшийся арбалет выплюнул следующие три болта в небо.

Огр и Донателло обменялись серией беглых ударов, не принеся, впрочем, особенных результатов. Наемник успешно парировал все выпады, а монстр просто проигнорировал те несколько царапин, которые нанес ему клинок главаря. Правда, сбоку к чудовищу уже заходил поднявший молот Аобо — страшилищу скоро не поздоровится.

Айрин не стала возвращаться на улицу, а прямо с места швырнула в огра сгусток энергии: магическая стрела прошла сквозь доспех, оставив на теле ожог. Тварь даже не обратила внимания на этот комариный укус, но целительница уже сплетала новый снаряд.

Блондинка, заметив направленный на нее арбалет и борьбу двух наемниц, вновь сотворила заклинание спазма. Милдред

зашипела от боли, смертоносный механизм с лязгом упал в пыль.

— Ах ты дрянь! — женщина потянулась за своим оружием.

Эльвира метнула еще пару кинжалов. Колдун, хоть на сей раз он и был готов к такому повороту, вновь не смог увернуться. Оба клинка воткнулись куда-то в живот. На расшитой робе проступили пятна крови, однако чародей все равно не сбился, закончив творить заклинание. С кончиков его пальцев сорвалась яркая серебристая искра, которая втянулась в широкую спину огра.

— Что вам от меня нужно? — любопытствовала блондинка. Она поудобнее перехватила метлу, которую все это время держала в руках, и неожиданно, усевшись на нее верхом, начала подниматься вверх, извлекая из-за спины боевой посох.

— Самая малость, — ответил девушке Донателло, — вам нужно отправиться со мной. Вот только ваш тупой огр зачем-то напал на нас, — наемник опять попытался пронзить своего противника мечом, но его выпад в очередной раз оказался умело отбит.

При словах «тупой огр» девица недовольно поморщилась, сам же монстр еще больше разъярился — его удары как будто усилились. Донателло ошеломленно моргнул: неужели чудище стало двигаться проворнее?! Теперь командир наемников куда чаще защищался, чем атаковал. К сожалению, первый взмах молота Скалистого Ужаса тоже пришелся в пустоту.

Маг, который, как поняла Эльвира, наложил сейчас на огра чары ускорения, поглядел на торчащие в животе ножи, покачал головой и взмыл в воздух. Он явно не собирался дожидаться окончания представления, предпочитая покинуть поле битвы раньше, чем истечет кровью. Засранец мог привести подкрепление, внеся перелом в ход боя. Но помешать ему единственная способная видеть сквозь иллюзии наемница уже не успевала.

— Если вы извинитесь перед лордом де Монте, то я готова пойти с вами, — предложила блондинка, слегка наклонившись и начертав наверху посоха замысловатую фигуру в воздухе.

Еще один мышечный спазм комично повалил Милдред на ее арбалет.

— Этот ваш телохранитель убил моего человека... Давай, Абобо! — Донателло вложил все свои силы в один колющий удар, лезвие едва не по рукоять вошло в бок огра. Монстр чуть замешкался, замахнувшись для контратаки. Тут же в его грудь вонзился заостренный «клюв» молота. Исполинских размеров оружие легко пробило доспех, глубоко пробороздив плоть и окропив все вокруг кровью. А вслед за этими страшными

ударами в него впились две магических стрелы Айрин. Рука твари разжалась, меч полетел на землю.

— Так тебе, сукин сын! — Донателло ликовал, но радость его оказалась преждевременной.

Огр, подхватив свое оружие, стремительно атаковал Абобо. Клинок с хрустом проломил грудную клетку молотобойца и, прорвав легкие, вышел наружу. Силач рухнул на колени, еще мгновение простоял в таком положении, а потом медленно завалился набок. Почти одновременно с этим блондинка, подлетев в упор к дерущимся, заехала своим посохом по голове предводителя наемников. Глаза Донателло закатились, он осел под ноги своего противника.

— Ну нет, на такое я не подписывалась! — Эльвира выхватила нагетеппо и скрылась в клубах дыма. Скорее в лес; с нанимателем еще можно объясниться, а вот запасной жизни у нее в сумке не завалялось.

Огр обвел поле боя мутным от слабости взглядом. Перед ним оставались две противницы, но силы были на исходе, кровь хлестала из страшных ран.

— Простите, леди Клодия, но дальше вам придется справляться без меня, — он покачнулся и опрокинулся наземь.

— Да пошло оно все к Драугу! — Милдред, которая уже поднялась на ноги, несколько раз крутанула рукоять, направив арбалет на блондинку.

Наемница никого больше не желала щадить! Механизм послушно застрекотал, выпуская целую тучу болтов, и хотя жертва попыталась уйти с траектории стрельбы, кинувшись ничком на землю, избежать всех снарядов ей не удалось. Четыре или даже пять из них пробили легкую броню девушки, глубоко уйдя в тело. Девица, истекая кровью, покатилась по земле, а Милдред и Айрин бросились к ней.

— Идиотка! Если она тут подохнет, мои дети останутся без денег! — раздосадованно прошипела лекарша, выдергивая болты и на скорую руку забинтовывая раны блондинки, пока Машина Ненависти связывала той руки-ноги.

В этот момент во дворе появилось новое действующее лицо. Молодой паренек перелез через забор и сразу бросился к наемницам. Воздетый меч не оставлял никакого сомнения в его намерениях.

— Да что ж сегодня за день такой! Откуда вы только беретесь, выблядки?! — Милдред вскочила на ноги, разряжая два оставшихся болта в нападающего.

Айрин откатилась в сторону и прямо из положения лежа запустила в неизвестного магическую стрелу.

Все три снаряда попали в цель, юноша явно получил весьма неприятные раны, но это его не остановило. Милдред в очередной раз ругнулась. Отбросив бесполезный арбалет с опустевшим магазином в сторону, она вытащила из ножен короткий меч.

— Ну, валяй, паскудыш, иди ко мне! — проревела она.

Паренек, не замедляя бега, поднырнул под вытянутый меч Машины Ненависти и вонзил свой клинок ей между ребер. Женщина с яростью поглядела на своего убийцу, затем свалилась замертво. Пузырящаяся на ее губах кровь заставляла сомневаться, что она когда-нибудь поднимется вновь.

А вот дальше началась смертельная чехарда. Юноша преследовал Айрин по всему двору особняка, а чародейка, легко избегая его ударов, раз за разом отвечала магическими снарядами. Казалось, победа колдуньи — лишь вопрос времени, и она позволила себе немного расслабиться. Айрин не заметила, как белобрысая девица потихоньку выбирается из своих пут. А та не просто освободилась от веревок, но и подтянула к себе меч Милдред.

Мальчишка в очередной раз попытался достать клинком свою противницу, но тут ему в ногу вновь попала магическая стрела. Юный воин рухнул на землю.

— Ничего личного, приятель, только работа, — Айрин начала формировать сияющий шар, намереваясь добить врага. — Вот, пожалуй, и все.

В этот самый миг блондинка, лежащая неподалеку (собственно, упавший мальчишка едва не придавил ее), резко вскочила с земли. Она со всей силы всадила лезвие в грудь целительницы.

— Я тоже очень надеюсь, что это все! — навалившись на клинок всем телом, белобрысая фурия опрокинула противницу наземь, скалясь в бледнеющее лицо, освободившееся перед смертью от маски.

Айрин с каким-то детским удивлением посмотрела на пронзившую ее сердце железку и умерла, так и не поняв, где совершила ошибку.

— А вообще — есть еще одно дело, — блондинка, морщась от боли, доковыляла до лежащего без сознания командира наемников. Вынув у него из ножен кинжал, она на мгновение задумалась, потом, решившись, воткнула лезвие в зазор под маской, перерезав ему горло.

— Вот, теперь точно все, — устало пробормотала девица, усаживаясь на землю рядом с трупами. Сейчас она, похоже, могла бы заснуть, уютно приткнувшись прямо между Доном и Абобо.

Где-то за забором особняка послышался стук подков по мостовой. Наверное, маг позвал кого-то еще на выручку своим друзьям. Впрочем, «Весельчакам Донателло» это было уже безразлично. Финальный в своей карьере бой прославленные наемники проиграли с разгромным, смертельным счетом.

— *День 3 апреля года 1827 от основания
великого королевства Арагон.*

— *Соблазнить женщину проще, чем объездить лошадь.*

Йоргос Билефельд, повеса и хвостун.

Очнулся я уже за полдень. Обнаружил несколько новых шрамов, еще чувствуется зуд от заживляющего зелья; новое мерзкое лицо до сих пор на месте. Жаль.

Клодия развернула в замке чудовищную суету по поводу грядущего приезда короля — уборка в бальном зале, обустройство гостевых комнат. Она даже наняла Мону с ее командой поваров, чтобы те готовили во время визита монарха на нашей кухне.

Съездил к ведьме. Рухнула последняя надежда: по словам Джессики, заклинание, превратившее меня в монстра, слишком могущественно, и снять его не во власти заурядной знахарки. Однако она предложила «вернуть» мне человеческий облик при помощи амулета иллюзии. Я согласился. Теперь зачарованный медный обруч двадцать три часа в сутки придает мне вид здорового бугая, а оставшийся час вещицу нужно купать в звездном свете. Казалось бы, отличный результат поездки (точнее, похода пешком, ездить на лошади теперь проблематично), но и тут судьба подкинула мне «подарок». Джессика разглядела страшное проклятие — эффект от той черной карты — в узорах колдовства, которое рано или поздно приведет меня к гибели, а до тех пор принесет немало мелких неприятностей. Джесс искренне сочувствовала мне, но пытаться избавить меня от напасти без совета более опытной колдуньи не отважилась. На поездку к дальней родственнице и обратно понадобится две недели. Остается верить — она подскажет решение. Держись, огр, держись.

Отдохнуть этим вечером нам было не суждено. Сначала Фессаха привела в замок своего цивилизованного сородича (мне и слышать о таких существах не приходилось). Моя рабыня наткнулась на Джека — так представился человек-кот — в лесу во время охоты, собиралась поначалу сожрать его, но в последний момент решила показать мне. Было некогда разбираться, кто он

и откуда, да почему Фесс опять промышленяет людоедством, — ведь баронесса придумала задания всем, отлынивать не дали никому. Одно я знал точно: столь экзотичным созданиям, как люди-коты, не стоит попадаться Арагону XIII на глаза — мало ли какую идею выдаст его извращенная фантазия. Пришлось оставить странника погостить (и не высовываться!) в замке на пару недель, пока не закончится королевская охота. А как-нибудь потом расспросим таинственного визитера. Фессаха присмотрит за ним лучше всякой стражи.

Едва только хвостатая увела Джека, один из слуг углядел с башни выбирающийся из города колоссальный кортеж. Десятки пышно украшенных карет, толпы всадников, даже какие-то огромные животные, кажется, слоны. Так может выглядеть либо цирк, либо королевский выезд нашего юного Арагона XIII. К сожалению, нам определенно придется иметь дело со вторым — не станут ради циркачей разбирать городские ворота, в которые не проходят слишком широкие фургоны. О боги, помилосердствуйте!

Новость о приближении короля в мгновение ока облетела весь замок, а я еще надеялся, что большей суматохи быть не может. Клодия сразу умчалась вместе с Саффи приводить себя в порядок, поэтому «честь» приветствовать государя досталась Айдену, очень кстати появившемуся во дворе. Мы с Кайтом сыграли баронских стражей. Опущу подробности разговора с их величеством, замечу лишь: Арагон XIII даже не слышал о смерти Ларса фон Штейна и отнесся к известию весьма небрежно.

Поскольку мы ожидали появления венценосного охотника завтра, то угощения еще не были готовы, но, по счастью, в фургонах имелось все необходимое. Бальную залу застелили коврами, установили под семейным портретом Штейнов походный трон, и туда немедленно двинулась вся эта блистательная процессия во главе с королем.

Внезапно начались странности. Кто-то крикнул «одежду долой!» — причем крикнул голосом Сиилин. Сразу с нескольких царедворцев буквально свалились платья, остальные радостно последовали их примеру. Многочисленная свита короля под предводительством Арагона XIII весело предалась разврату. Как раз в этот момент в зал спустились Клодия и Саффи. Боюсь, я один имел возможность восхититься их красотой, а вот гости были чересчур заняты. Увидев происходящее, девушки поспешили прочь. В отличие от Вальдо, случившегося поблизости, который сорвал с себя одеяние и отважно бросился в море тел. Ну и той же феи, оседлавшей левретку и лихо скакавшей на ней между людьми. Я тоже удалился, оставив приглядывать за «порядком»

невозмутимого Кайта. Мажордом уселся здесь же с книгой, периодически посматривая поверх очков на бурление рук, бедер, спин... Лишь очень немногие тихо разбрелись по замку. Пир откладывался на неопределенный срок.

Я прошелся по замку, разводя заплутавших придворных по комнатам или поручив их заботам наших слуг, завернул к себе провести Джека с Фессахой (ну, эти оживленно болтали о своем, о кошащем), а потом направился в сад, где наслаждался игрой Эвистрайи. Заодно попросил ее остеречься и не показываться гостям. Девушка же спокойно ответила, что ей незачем бояться людей, кем бы они ни были. Надеюсь, эльфийка прислушается к моим словам.

Все, пора спать! Завтра предстоит первый день безумной королевской охоты. Подозреваю, легким он не будет.

— Дамы позволяют скрасить их одиночество? — Йоргос продемонстрировал свою самую обольстительную и галантную улыбку, слегка поведя подносом с бутылкой вина, тремя бокалами и изящно оформленными в букет фруктами. — Говорят, с западной башни открываются потрясающие виды, в том числе на место завтрашней охоты.

Девушки, коротавшие вечер в королевских покоях под звуки всеобщего разгула, высокомерно окинули взорами молодого наглеца, но Йоргосу явно не померещилось — в глазах юных затворниц затаилось отчаяние пополам с обидой. Еще бы! Арагон опять забыл о своих верных провидицах, неблагодарный мальчишка даже не проводил их в комнаты, не прислал к ним услужливых лакеев с яствами, а в этом полупустом замке невозможно дозваться кого-нибудь. Но не идти же самим за своими вещами?!

Подобное недовольство поднималось в сердцах Лилиан и Вивиан ежедневно, но сегодня было особенно грустно. Ах, и зачем только родители выбрали именно их? Ведь старшие (нагулявшиеся вволю) сестры, Милиан и Тивиан, прозревают будущее не хуже!

— Также, я слышал, в замковом саду по ночам слух местных баронов услаждает эльфийский музыкант, — продолжал Йоргос, пристально наблюдая борьбу желаний и долга на лицах красавиц. — Пикник под звездами — волшебное времяпрепровождение, особенно в обществе столь изысканном!

Молодой кавалер поклонился.

— Лилиан, я не хочу больше сидеть здесь. Потом еще этот припрется, пьяный и похотливый, как мартовский кот! Наверняка

примется высмеивать, назовет снова старыми девами, будет лезть, зная, что мы обязаны отвергнуть его, — горячий шепот Вивиан щекотал розовое ухо сестры. — Арагон все равно никуда завтра не двинется, ты послушай: там к утру вообще не останется никого, способного шевелиться. Дар пропадет на день, может, на два, но не больше! За это время ничего не произойдет! И вообще, мне кажется, государь сегодня ночью затащит к себе в постель одну из местных профурсеток и зависнет в этой комнате на неделю.

— Вивиан, но ты же помнишь, как короля чуть не прирезали в собственной кровати? Убийца запросто проникнет в эту халупу.

— Подлец заслужил такую смерть! — надув губки, Вивиан отвернулась от сестры.

— Барышни, я предлагаю лишь заполнить ночные часы приятной беседой. Мое уважение к вашему долгу не позволяет мне даже помыслить какую-либо непристойность!

Коварный искустель с выражением оскорбленной невинности на физиономии начал отступать к двери, внутренне ликуя и предвкушая победу.

Вивиан вперила пристальный взгляд куда-то в Йоргосову переносицу, но все было тщетно — кутила искренне желал Арагону XIII долгой счастливой жизни.

— Ладно, сестричка, по крайней мере, мы вполне можем насладиться эльфийской музыкой, вином и светской болтовней с этим галантным дворянином, — вздохнув, произнесла Лилиан, также успевшая заглянуть в разум обольстителя, и поднялась из кресла.

— Не волнуйся, — нашептала Вивиан сестре, заставив ту покраснеть, — мы не позволим ему зайти *слишком* далеко.

Йоргос не лгал: были и замечательные виды из окон башни, и дивная мелодия, доносящаяся из сада, и упоительные ароматы ранней весны, и терпкая «Роса Черного Леса», и непринужденный светский треп. Но и пари царедворец выиграл. Все слухи о близняшках оказались правдивыми в той или иной степени.

Интерлюдия 6.

Дочь звездного ветра

*— Людские девы — пресная вода. Я — кубок пьянящего меда.
Пей, пока можешь.*

*Эстариька Миланора одному из своих
любовников.*

На старой, но ничуть не потускневшей голографии Миланора была точь-в-точь как живая. Иногда Сеймуру чудилось — эстариька подмигивает ему, шевелит ухом, растягивает губы в улыбке. Впрочем, последние четверо суток бывший глава Колледжа Прикладной Технической Магии, а ныне секретарь мэра Лотрека Макнейла, готовящий цареубийство и государственный переворот, почти не спал. Он вполне допускал, что голография не сегодня-завтра с ним заговорит.

Сеймур окунулся воспоминаниями в день, когда сделал снимок. О, тогда все было совсем иначе: время утопических надежд, время открытий, время молодости. Время любви. Голографический аппарат обнаружился в одном из бесчисленных чуланов королевского дворца, где Сеймуру приказали отремонтировать лифты. Поразительно — механизм сохранился в полной исправности. Оставалось только изготовить пластины, на которых тончайшие, с волосок толщиной световые лучи выполняли объемный оттиск.

**

Корзина с едой и сладким вином — его, как выяснилось много позже, производили в баронстве Штейн — была громоздкой и неудобной. Сеймур, отдуваясь, поднимался на Гритонийский холм, а Миланора беззаботно скакала вокруг. Ветер трепал медные волосы, заплетенные в косы, длинные уши находились в постоянном движении. В обществе мужчины, который в те далекие годы безумно любил ее, Миланора не скрывала свою истинную внешность.

Сеймур был безумно влюблен в нее и сейчас. Всегда будет. Мудрецы говорят: «Нет хуже проклятья для человека, чем мимолетное внимание эстари». Говорят правду.

Стоило лишь вдохнуть свежий запах нежной, вечно молодой кожи, заглянуть в бездонные глаза, где мудрость прожитых веков перемешалась с сумасбродством пятнадцатилетней, коснуться

губ, словно напоенных сладостью уходящего лета... услышать чарующий голос. Сеймур внезапно осознал, что плачет. Прошлого уже не вернуть. Никогда. Нельзя возвратиться из царства мертвых, даже если ты бессмертная эстарийка. Годханд безразлично взглянул на лежащие перед ним бумаги, вновь погружаясь в воспоминания.

Закат полыхал над безграничным океаном, освещая шпили башен королевского дворца, вычурные здания магических колледжей, Гильдию купцов... Панорама потрясала своей грандиозностью — именно ради этого зрелища Сеймур привел сюда Миланору. Почему-то ему не пришло в голову, что умеющая летать эстарийка видела куда более потрясающие закаты и восходы за свою долгую жизнь.

Стоило немалых усилий заставить уже изрядно приложившуюся к «Росе Черного Леса» девушку посидеть хоть пару минут спокойно.

Сеймур тщательно отладил аппарат: пластинки для голографии стоили баснословно дорого, мастеров, способных выполнить такую тонкую работу, можно было пересчитать по пальцам одной руки. Нажатием кнопки Сеймур активировал механизм, раздался сухой щелчок. Миланора, прихватив с собой частичку этого восхитительного вечера, запечатлелась на пластине — древняя машина в доли секунды превратила тончайший лист драгоценной платины в наполненное жизнью и красками воспоминание.

Эстарийка игриво набросилась на Сеймура, вырывая аппарат из рук. За последующие несколько минут беззаботная девица извела весь запас пластинок, стоимостью превышавший полный доспех дварфийской работы. Зато появились на свет забавные, нелепые изображения Миланоры, корчащей потешные рожицы, удивленного Сеймура на фоне громады дворца, остатков замшелой стены, облаков, первых звезд... В круговерти стремительно бегущих лет удалось сохранить только самую первую голографию, лежащую сейчас перед ним.

Потом они прикончили бутылку «Росы», остатки бутербродов, а когда огонь заката потускнел, уступая небеса холоду лун и созвездий, занялись любовью. Казалось, счастье будет длиться вечно.

Эстари — дети ветра. Того ветра, который наполнял паруса древних кораблей, летящих меж звезд. Ветер бушует в эстарийских сердцах и головах, вмиг раздувая пожар страсти из тлеющего уголька или обращая горящее пламя в холодные угли. Миланора не была исключением, и кто мог ее за это винить? Сеймур не мог, но ревность, раз вспыхнув, уже никогда

не покидала его душу. Эстарийка не отказывала себе в праве любить, как ураган не отказывает себе в праве превращать дома в груды обломков. События, происходящие в жизни Сеймура — сначала молодого дарования, с успехом осваивающего различные школы чародейства, затем главы Колледжа Прикладной Технической Магии, потом изгнанника, в конце — гения, вплотную подошедшего к разгадке древних секретов, были всего лишь ветошью, набивкой, наподобие той, что кладут в ящик с бутылками «Росы Черного Леса». Сеймур жил, действительно жил, а не существовал в томительном ожидании, только в те краткие моменты, которые Миланора наполняла своим присутствием. Их становилось все меньше: эстарийка стремительно теряла интерес к постаревшему, лысеющему, покрывающемуся морщинами человеку. Остановить увядание тела Сеймур не сумел. Магия жизни не подчинялась ему, оставаясь непостижимой загадкой, иллюзорная же молодость Миланору бесила. Однажды она заявила, что любитель иллюзий должен и время проводить с иллюзией, а ее, настоящую, оставить в покое.

Тогда Сеймуру уже приходилось делить эстарийку с Ларсом фон Штейном. Барон был красив, молод, интересен. Миланора родила ему дочь, унаследовавшую от матери лишь роскошную медь волос. В остальном грубая внешность ребенка не оставляла сомнений в том, чья кровь возьмет в ней верх. Но девица все же продолжала приходить к старику до той возмутительной интрижки с Арагоном XII, от которого Миланора, надо полагать, и забеременела во второй раз.

Сеймур опустил голову на стопку лежащих на столе бумаг. Слезы продолжали предательски сочиться по сетке морщин, оплетших щеки подобно паутине. Скосив взгляд на голографию, маг явственно увидел, как Миланора игриво показывает ему язык.

**

С Арагоном XII он поквитался пятнадцать лет назад, направив пулю катрионского стрелка точно в глазницу королевского шлема, сквозь десятки слоев защитных чар. Отказать себе в этом удовольствии Сеймур не мог, хотя гибель монарха чуть не перечеркнула все усилия по сборке Лука Богов. Месть фон Штейну, казавшаяся поначалу такой удачной, закончилась катастрофой.

Смерть царственного любовника подкосила Миланору — взгляд ее подернулся льдом. Ларс пропадал в своих путешествиях, от ребенка короля эстарийка, судя по всему, умудрилась избавиться. Скука и тоска толкали дочь ветра

на самые сумасшедшие, бесстыдные выходки. По окрестностям баронства расползались слухи о ведьмах, лесных дриадах, вампирах, сиренах. Сеймуру не составляло труда понять, кто являлся главным действующим лицом этих рассказов. Чародей чувствовал: скоро Миланора поймет, кто истинно любит и ценит ее, а затем все станет как раньше, на Гритонийском холме. Подкупленные Годхандом слуги лили в длинные эстарийские уши яд сомнений и подозрений, передавая небылицы о любовных похождениях Ларса.

Ровно десять лет назад план Сеймура принес плоды, существенно отличавшиеся от ожиданий.

**

Секретарь мэра стоял за дверью баронской спальни. В руках он держал толстую кипу бумаг, содержащих отчеты о состоянии дел в феоде, на тот случай, если кто-нибудь полюбопытствует, что, собственно, он здесь делает. Но замок, как обычно, был почти пуст. Голоса за дверью перешли на крик, Сеймур с удовлетворением услышал звук бьющейся посуды и шлепки пощечин. Спустя несколько минут Миланора вырвалась из комнаты, щеки ее полыхали. Неслышной тенью старик увязался за ней.

Он плохо помнил, о чем говорил в тот вечер. Угрожал, умолял, упрасивал. Сквозняки разбрасывали бумаги с отчетами по углам. Он обещал бросить к ногам Миланоры весь Леодар, весь мир, всю вселенную. Она отвечала невпопад, взор эстарийки блуждал по комнате, избегая обезумевшего, страшного лица Сеймура. Он покинул ее, только добившись слабых неуверенных «да» на свои эгоистичные требования, более уместные в устах влюбленного мальчишки. На следующий день мажордом барона, Кайт, нашел Миланору лежащей в кресле, там же, где Сеймур оставил ее, уходя. Девушка приняла порошок из толченого огненного камня — единственное средство, гарантированно убивающее даже эстари.

**

Резкий, дребезжащий звук выбросил Сеймура из воспоминаний, точно вышибала, изгоняющий прочь разбуянившегося пьянчужку. Звонил стоящий на столе телефон. Ноющий срывающийся голос барона Фредерика сообщил: тело, подходящее для воскрешения Царицы Бурь, захватить не удалось, наемники, запросившие за свои услуги баснословную цену (и, разумеется, получившие аванс), перебиты. Сеймур, чувствуя себя окруженным идиотами, тяжело вздохнул и положил трубку. Это

уже ничего не меняло. Завтра на охоте Арагон XIII погибнет. Лук Богов подготовлен к испытаниям. Маг в последний раз взглянул на голографию. Миланора сокрушенно, осуждающе качала головой. Годханд, лишь миг помедлив, бросил пластинку в огонь камина. Прекрасные, до сих пор любимые черты начали распадаться, пузыряться и чернеть. Сеймур выпрямился в полный рост — будущий царь Благословенной Земли, да что уж там, всего мира, вселенной! Пути назад не было. Гритонийский холм навсегда остался в невозвратном прошлом. Грядущее наполняло бушующее пламя, в котором, точно на погребальном костре, сгорят сомнения, сожаления, страхи, враги, если понадобится — Леодар... и любовь.

— День 4 апреля года 1827 от основания
великого королевства Арагон.

— Не знаю, от чего мне суждено умереть, лишь бы
не от скуки.

Арагон XIII, король арагонский.

Настал первый день королевской охоты.

После вчерашней бурной ночи большинство придворных намеревалось поспать подольше, но его величество Арагон XIII поднялся уже к семи часам утра. Он, само собой, тут же приказал разбудить всю свиту. Меньше чем через час толпа разряженных светских львов (и львиц) отправилась в лес. Мы присоединились к кортежу, поехал с нами, пренебрегая моим предостережением, и давешний человек-кот. Фессаха же, наоборот, где-то надежно затаилась. Когда процессия выезжала из ворот замка, Клодия тихо сообщила мне, что на короля готовится покушение и нам нужно быть очень осторожными. Эльвира, честно отработав гонорар, проследила за телохранителями мэра, выяснив: государя планируют убить на охоте. Свалить преступление заговорщики якобы собираются на разбойников, которых в наших захолустных местах видели не раз. Не знаю, почему баронесса просто не предупредила Арагона XIII или капитана его личной стражи, думаю, у нее имелись какие-то резоны.

Мы настроились встретить неприятности во всеоружии. Они действительно не заставили себя ждать. Сначала мы столкнулись аж с тремя троллями. Король не придумал ничего лучше, как напасть на тварей и подвергнуть свою драгоценную жизнь опасности размером с монстрячью пасть. Тролльный самец выхватил из-под монарха скакуна и сразу же начал им закусывать, а вот свободной рукой постарался зацепить еще

и сладкого венценосного мяса. Но не тут-то было! Среди визжащих от ужаса мужчин и женщин нашелся смельчак, спасший Арагона XIII от гигантской лапы. Никогда бы не поверил, что смазливый и изнеженный царедворец осмелится на такой поступок, тем не менее Йоргос Билефельд прикрыл монарха собственным телом и очутился в смертоносном захвате папы-тролля.

В это время мы с Клодией гонялись по поляне за тролльчихой, которая одурело носилась сквозь толпу (никто из придворных или егерей и не додумался рассредоточиться), расшвыривая людей, собак, коней, словно кегли. Иногда она прямо на ходу оттяпывала себе зубами или когтями лакомый кусочек. Наконец баронессе каким-то чудом удалось свалить ее заклинанием спазма на сворку нелепых визжащих левреток. Тут я и заколол образину. Пора было приниматься за отца троллиного семейства. Папаша отмахивался от меня живым еще Йоргосом и половиной конской туши. Отрубив ему лапу с придворным молодцом (к сожалению, парня из-за этого хорошенько приложило об дерево), я, в конце концов, дотянулся до уязвимого брюха.

К тролленку мне приступить не довелось: едва я покончил с самым крупным противником, как отовсюду в паникующую толпу полетели арбалетные болты. Это подоспела третья сторона — мятежники, мы переключили свое внимание на них. Лжеразбойники, конечно, целились в Арагона и, надо отметить, безуспешно: их жертва являла собой идеальную мишень, валяясь посреди поляны и неприкрытая ничем. К счастью, арбалет — громоздкий механизм: у стрелков имеется только один шанс, после им приходится или перезаряжать оружие, или спускаться с деревьев. Некоторые из нападавших не успели ни на что решиться, познакомившись с когтями человека-кота. Другие же приняли смерть от собственных снарядов, отраженных магическим щитом Айдена.

Тут-то я и потерял нить происходящего, потому как меня придавило стволom клена, подрубленного моим же мечом. Мне проще было валить деревья, чтобы вопящие «плоды» сами падали к моим ногам. Впрочем, основные силы головорезов рассеялись и без моего вмешательства. Айден ухитрился захватить в плен двоих бандитов, а именно — телохранителей мэра! Эти ребята, видимо, являлись ударной группой: вооруженные пистолями с пулями из метеоритного железа, они единственные имели шанс прикончить государя. Никакое колдовство не может задержать или отразить такие снаряды. Помешал им не очень умелый, но зато своевременный удар посохом, нанесенный Фин-Сеалом

и сместивший траекторию выстрела. Арагон XIII получил всего-навсего тяжелое ранение. Его величество Клодия вызволила из гущи боя на своей летающей метле.

Не знаю, радоваться ли или огорчаться, но заговорщики и тролли изрядно проредили королевскую свиту. Многие, в страхе бежав от чудищ, заблудились в чаще. Когда я очухался и вылез из-под завала, то первым делом добил троллиного сыночка, который увлекся поеданием убитых и раненых. Затем я отвел в замок всех уцелевших, которых только смог найти.

Теперь наше жилище наполнено увечными — Клодии приходится буквально разрываться между ними, оказывая первую помощь, распоряжаясь сиделками и часто прибегая к магии (серьезных ран немало). Лекаря в нашем городе нет, королевский врач пропал в лесу, а Джессика, как назло, уже уехала. Вот такая вышла охота.

Стоит упомянуть и о том, что именно тогда нам стала доподлинно известна причина пропажи Отэка, — его тунику, заляпанную кровью, тролльчиха использовала в качестве головного платка. Я настоял на почетном захоронении одежд несчастного в фамильном склепе фон Штейнов.

Пока я добирался до замка, Клодия попросила Вальдо пошпионить за шерифом, которого заподозрила в сговоре с секретарем мэра. Нельзя винить девушку в мнительности, ведь с того дня, как она получила вместе с остальными титул, произошло уже три покушения. Сначала на наши жизни, затем на ее свободу (если я правильно сделал вывод), теперь — на короля. Баронесса лишь недооценила силы и упорство противника. Хотя кто мог предположить, чем все обернется?

Вскоре стало очевидно — идея относилась к разряду неудачных. Через некоторое время Джон, у которого за много лет сражений бок о бок с напарником, похоже, выработалась с ним некая мысленная связь, заявил, что у Вальдо неприятности. А еще спустя четверть часа Эльвира подтвердила: люди шерифа схватили негра и уволокли его в особняк мэра. Вообще мне не слишком нравится эта наемница, но свои деньги она отрабатывает вполне пристойно. Джон рвался спасти друга, нам было вовсе не по чести бросать рыцаря — пусть даже чернокожего — в беде. Тем более, в эту беду он попал, выполняя просьбу Клодии, которая теперь мучительно переживает из-за своей опрометчивости.

Мы быстро собрались, даже взяли с собой человека-кота Джека, а также пару добровольцев из королевской свиты. Дворянин по имени Йоргос проявил себя достаточно храбрым и удивительно крепким мужчиной (несмотря на объятия тролля

и удар о дерево, он отделался лишь синяками), а чародей Ферджин отрекомендовался сведущим в боевой магии и лечении. Привередничать не приходилось. На самом деле мы предлагали поучаствовать в «веселье» многим, но согласились только эти двое (вообще Арагона окружают трусы и подхалимы, ни одного рыцаря!). Конечно, Гилберт и Фессаха тоже пошли со мной, хотя одному рановато еще, на мой взгляд, покидать «лазарет», а второй — нежелательно показываться вовсе. В результате из замка выступил целый отряд. Все-таки было бы замечательно когда-нибудь обзавестись собственной стражей, а не набирать людей с миру по нитке.

До места мы очень спешили, но не настолько, чтобы очертя голову ломиться внутрь. Нет, сначала в особняк проникли через дымоход шпионы (баронесса и пикси), однако они долго не возвращались, и пришлось поступить, как подобает настоящим героям, — лезть на рожон.

Дом мэра стал — в очередной раз, замечу — ловушкой, но на этот раз не с сюрпризом. В комнате на втором этаже приготовился к бою шериф с группой стражников, а в полумраке приемной залы скрывались превращенные темной магией в послушных убийц слуги. Присутствовал здесь и постановщик этого жутковатого спектакля, секретарь мэра Сеймур.

Я немного побеседовал со злодеем, который даже не отрицал, что стоит за покушением на короля. Он предложил нам присоединиться к перевороту, пытаясь убедить, будто Арагон XIII находится не на своем месте. Видят боги, я согласен с большинством аргументов Сеймура, но становиться предателем не по мне.

Мы атаковали. Зомбированные слуги погибли почти все, перебитые Йоргосом и Гилбертом, ратников, во главе с незадачливым шерифом, удалось пленить. Сеймур, к сожалению, ушел. Ушел, истекая кровью, пущенной моим мечом, но, боюсь, это его не остановит. Ведь что такое какая-то рана для могущественного колдуна? Но и нам не удалось легко отделаться. Мне, например, досталось от Вальдо, которого Годханд ненадолго взял под контроль. Рыцарь Джон принял грудью огненный шар, запущенный чародеем, и я, честно говоря, записал его в мертвецы после того, как он неподвижно лег у основания лестницы. Не повезло и Фессахе. Хищница первой набросилась на мага и, получив сильный удар по голове его посохом (Сеймур неожиданно ловко обращался со своим оружием), надолго лишилась чувств. Думаю, кошке понадобится несколько дней, чтобы прийти в себя.

Потом Фессаха еще вымаливала прощения за свой промах

в бою. Неспособность служить мне в ближайшее время вообще привела ее в полнейшее отчаяние. Пришлось, само собой, простить рабыню.

Пожалуй, стоит чуть подробнее остановиться на пленении блюстителя порядка. Горман искренне полагал нас, новых баронов, изменниками и готовился свершить акт правосудия, засев во втором этаже особняка мэра. Он хотел приписать себе честь сражения с настоящими рыцарями. Вместо этого шериф встретился с насмешливой феей, девкой на метле и вертким человеком-котом, который по моему настоянию отправился проверить, чем занимаются пропавшие лазутчики. Посредством люстры, украшавшей потолок, и набора волшебных красок из сокровищницы замка, оживляющих изображение, а также пары заклинаний наименее боевитая часть отряда расправилась с толпой стражников. Джек участвовал в потехе, прыгая по подоконникам снаружи здания и дразня вояк, не придавленных упавшим светильником и не занятым поклонением новоявленному божеству, намалеванному Сиилин на стене. В общем, всех повязали без особого труда.

По горячим следам, едва доставив новых пленников в Штейн, мы допросили шерифа заодно с захваченными в лесу наемниками. Поскольку Горман был вовсе не предателем, а, наоборот, патриотом Арагона, хоть и очень тупым (но за это, как известно, пока не карают), мы отпустили шерифа с миром. Осознав, впрочем, что пора бы подыскать на его место кого-нибудь помоложе да поумнее. А вот телохранители оказались охотниками за головами, прибывшими аж из Ксандрии. Сеймур заплатил им баснословную сумму, позволяющую избежать лишних вопросов от исполнителей. К тому же отношения нашего королевства с Ксандрийской Империей в данный момент крайне прохладные, поэтому головорезы возомнили себя ни много ни мало народными избавителями. А как же! Отомстить потомку гнусного узурпатора, обидевшего брата Ксандра при разделе Благословенных Земель, — это великая честь! Но если б младшие родственники не возмущались, Леодар остался бы единым.

Почуяв, чем для них закончится участие в этой истории, наемники попытались бежать, накинувшись на нас в тюремной камере. Разумеется, они были перебиты. Не самая плохая смерть для воина: меч куда лучше постыдной веревки. На сем наше расследование завершилось, по крайней мере сегодня.

Пужинал я в обществе Саффи. Она предлагает наведаться в некие руины в Черном Лесу, где, по данным «Альманаха путешественников», вполне могут таиться клады. Скорее всего, не прилагайся к сокровищам дюжина-другая монстров, София

давно сходила бы сама, но, думается, мы поможем ей, когда хоть немного освободимся от более насущных дел. Говоря мы, имеем в виду себя, Клодию и Айдена. Признаюсь, я начал привыкать к остальным баронам, даже привязался к ним.

Уже ночью вновь побеседовал с Эвистрайей. Вообще-то, я наведался в сад с целью развеяться, послушать музыку, если повезет, снова поболтать на сторонние темы. Как же я удивился, когда девушка объявила, что в лесу есть «оракул», способный дать мне совет относительно проклятий, поразивших мое тело и душу (незримую составляющую тела Эвистрайя назвала мана-оболочкой). Эльфийка даже вызвалась проводить меня.

Место, где обитает этот дух, небезопасно, а значит, мне понадобятся надежные спутники. И опять-таки, кроме Айдена и Клодии, я ни в ком не уверен. Вряд ли кто-то еще согласится участвовать в столь сомнительном предприятии. Однако я несправедлив — Гилберт с Фессахой наверняка присоединятся. Правда, за них в бою приходится волноваться, а бароны и сами за себя постоять умеют.

Как же, съездили в лес, поговорили с духом! Около полуночи, переполошив ползамка пьяными песнями, из города вернулся Йоргос с очередными неприятными новостями. В «Пьяном бобре» ему рассказали, что в соседнем баронстве Арго поймали и собираются через три дня сжечь некую чародейку, промышлявшую магией без патента Гильдии. У меня сразу мелькнуло воспоминание о Джессике. Айден, который сам колдует без патента, принялся настаивать на спасении ведьмы, кем бы она ни была. Клодия согласилась с его мнением, а позже даже выпросила у государя грамоту, предписывающую барону д'Арго отдать нам чародейку. В удаленных от столицы феодах власть Арагона XIII не так велика, как он думает, но королевская бумага станет лишним аргументом для мирного решения проблемы.

Собственно, рыцарское звание и умение владеть мечом вовсе не прибавляет желания этим самым мечом махать направо и налево. Мне кажется, настоящие воины — те, кто защищает мир, допуская лишь неизбежный минимум насилия. Хотя мне до такого уровня еще расти и расти. В любом случае завтра отправляемся в путь.

Помимо прочего, исчез ксандриец Рудольф Григ. Да, тот самый, которого мы повстречали во время приснопамятной прогулки в лес. Мона, несмотря на просроченную плату, еще держит апартаменты за ним, но сам факт пропажи может бросить тень на баронство. Конечно, охотники порой бродят в чащобе месяцами, но все же, памятуя о страшной участи Отэка, мы

просто не имеем права оставить происшествие без внимания. Я обязательно присоединюсь к поисковому отряду, если меня не отвлекут более важные дела.

— День 5 апреля года 1827 от основания
великого королевства Арагон.

— Почему магам мы кланяемся, а ведьм сжигаем?

— Кажется, это называется «внутренняя политика».

Из разговора двух крестьян.

Строго говоря, идея обратиться к государю с прошением поспособствовать в освобождении неизвестной колдуньи пришла Клодии случайно. Просто она опять шла навестить коронованного пациента (который, кстати, больше притворялся, чем действительно страдал от ран), когда услышала о несчастной осужденной. Сама баронесса тоже не являлась патентованным магом, посему чувствовала себя обязанной выручить несчастную.

Но это посещение покоев монарха несколько отличалось от предыдущих.

Едва Кайт, занимавший теперь пост у двери в качестве телохранителя, объявил Арагону, что его в приемной ждет Клодия, тот грубо выпроводил Вивиан и Лилиан погулять (надо сказать, сестрички изрядно притихли после случившегося покушения). Затем король пошептался с мажордомом, запер дверь и, обойдя вокруг изумленной баронессы, сел перед ней в кресло.

— Ну, какова цель твоего визита? — напыщенно уточнил венценосный мальчишка.

— Ваше величество, во-первых, я хотела узнать, как вы себя чувствуете? — Клодия чувствовала себя неуютно под взглядом этих бесстыжих глаз, будто раздевающих ее или, скорее, уже зашедших чуть дальше. Это напоминало алчущие взоры дворян, гостивших у Фредерика, которым барон позволял «пасть» в своем гареме.

— Неплохо, но могло быть лучше! — закапризничал король. — Я гнию здесь заживо! От скуки! Вы должны обеспечивать мне развлечения!

— Милорд, вы не далее как вчера оказались почти при смерти, чудесно покуролесив с троллями и разбойниками, — пряча раздражение, холодно заметила Клодия. Ей расхотелось просить заносчивого юнца о чем бы то ни было.

— Да, припоминаю один приятный момент: меня несла на метле полногрудая нимфа Черного Леса, — рассмеялся Арагон, подмигнув смутившейся баронессе. — Ты составишь мне

компанию за ужином, и я прощу всех Штейнов за уныние, царящее у вас в замке!

— Сегодня никак не могу, — резко ответила Клодия и тут же зажала рот ладонью, придя в ужас от собственной дерзости, но быстро опомнилась.

Дальше последовал ее длинный монолог, начавшийся словами «понимаете, милорд» и завершившийся полуобморочным состоянием Арагона, в котором он подписал грамоту для освобождения ведьмы от костра.

Подобный трюк безотказно срабатывал: им пользовались все обитательницы гарема, когда желали получить у Фредерика украшение, наряд, новые апартаменты, чью-нибудь голову... Важен был темп поступления информации в уши мужчины и умильное личико.

В прошлом Клодия редко прибегала к этому методу, но сейчас король просто вынудил ее применить крайние меры. Правда, судя по смешливым искоркам в глубине монарших глаз, устало прикрытых ресницами, Арагон забавлялся, прекрасно осведомленный о всевозможных женских уловках.

И вот, когда баронесса делала на прощание реверанс перед королевским креслом, государь внезапно подался вперед — хотя до сего обвисал на сиденье с выражением полной апатии на лице — вздернул голову Клодии за подбородок и еле слышно произнес:

— Ты явишься ко мне сразу после поездки!

Поздним утром выступили в путь. Сам не пойму до конца, каким образом, но с нами вновь оказались Йоргос, Ферджин и Джек. Подозреваю, троица решила развеяться на увеселительной прогулке, мы ведь не скрывались при сборах. Присутствие членов королевской свиты придавало больший вес нашей миссии, а человек-кот прекрасно вписывался в роль телохранителя.

Уже к вечеру сего дня мы подъезжали к городу Бруг. Мне не слишком хотелось связывать герб своего рода с новообретенным обликом, поэтому еще в Штейне заказал себе коту без опознавательных знаков. Вот сейчас я вновь укрылся под личиной обычного рыцаря, предоставив переговоры Айдену и Клодии. Признаться, на въезде в город очень хотелось огреть мечом обнаглевшего от жадности привратника (давно, а точнее — никогда с меня не пытались содрать столько денег за въезд в городские ворота), но я сдержался. Тем более Клодия неплохо поторговалась, заметив в свитке вымаранные строчки на месте

тарифов. В результате плата не превысила общепринятого серебряного стандарта за конника. Меня пропустили по той же цене.

Мы легко разыскали место предстоящего аутодафе (горожане с удовольствием рассказывали путникам, где, когда и как произойдет знаменательное событие) и выяснили, что злокозненную колдунью содержат в подземельях баронского замка.

По всему выходило, от посещения барона д'Арго не отвертеться. В запасе у нас была королевская грамота, дипломатия и ложь — вполне эффективные средства, когда речь идет о переговорах.

**

Какая же мразь этот д'Арго! Ларс фон Штейн не преувеличивал. Давно я не убивал с чувством такого отвращения! Но по порядку.

Искомой ведьмой действительно являлась Джессика. Причем прозябала она не в замковой тюрьме, а в постели барона, связанная, с кляпом во рту. Гарде собрался немного поразвлечься, прежде чем сжигать девицу. Отвратительный подонок! На мой взгляд, даже то, что Джессика не из благородного сословия, его нисколько не извиняет! Подробности стали известны позже от самой Джессики и Сиилин, которая отыскала пленницу первой и немедленно организовала побег, к сожалению, не известив нас о своей находке.

Мы, не догадываясь об успехах феи, представились посланниками короля. Затем Айден, вручив грамоту, стал уговаривать Гарде отдать ведьму якобы для свершения правосудия на территории Штейна, где она, собственно, преступила закон.

Барон очень удивился, прочитав документ, и осведомился, причем тут колдунья. Логичный вопрос. Ну почему Клодия заранее не ознакомилась с содержанием этого дурацкого клочка бумаги?! Сложно предположить, что имел в виду Арагон XIII, но он вручил ей приказ о выдаче «предъявителю сего» сотни лошадей! Венценосный шутник (позабавиться таким образом вполне в духе государя) поставил нас в весьма щекотливое положение. Однако Клодия, очаровательно улыбаясь как ни в чем не бывало, умудрилась заболтать д'Арго, убедить, будто с грамотой вышла досадная ошибка, после чего Гарде согласился обсудить участь чародейки. Наедине с Клодией. В глазах барона явственно читались его желания; я уже хотел остановить самоуверенную красотку, но она едва заметно покачала головой

и подала руку д'Арго.

Все чуть не испортил Ферджин, который попытался усыпить барона заклинанием. Чары отразил амулет, а Гарде призвал стражу. К счастью, нам и тут удалось выкрутиться. Я ударом кулака оглушил опростоволосившегося мага, Клодия сказала потрясенной, затем мы дружно обвинили Ферджина в предательстве. Слух о покушении на его величество дошел и сюда, поэтому все выглядело достаточно правдоподобно: придворный ренегат избавляет корону от верных подданных, раз не удалось свалить ее саму. Теперь уже предстояло спасти от костра сразу двух несчастных. Хотя меня посетила мысль «колдун сам виноват», все же стоило дать ему шанс (не сжигать же людей за каждую провинность!).

Тем временем д'Арго увел Клодию во внутренние покои, конкретнее — в опочивальню. Тут все и завертелось. Гарде, обнаружив пропажу пленницы с ложа любви, страшно разъярился и обвинил во всем гостью, которая и сама пребывала в абсолютном неведении относительно судьбы колдуньи. Он даже попытался ударить ее!

Ударить леди! Неважно, что Клодия недавно получила титул и обязательно поспособствовала бы побегу, если б успела. Она с той же вероятностью честно «выплатила» бы сейчас виру за смертницу, не торгуясь. Я, конечно, догадываюсь, кем была баронесса раньше, и не одобряю ее методов, но д'Арго это не обеляет.

Девушка бросилась прочь от негодяя обратно в приемную залу, Гарде с воздетым мечом ворвался за ней, изрыгая угрозы и проклятья. Чаша моего терпения переполнилась: мерзавец попрал все возможные правила чести и гостеприимства. Едва выслушав сбивчивые жалобы Клодии, я вызвал подлеца на бой, благо волшебный доспех облек мое тело в один миг. Д'Арго сделал вид, будто не понял, продолжая преследовать баронессу. Однако Гарде уже встречал нас в латах, оружие он обнажил — ничто не препятствовало дуэли. Я предупредил противника об атаке, засим напал. Барон неплохо бился, даже задел меня пару раз, но в итоге ничего не сумел противопоставить праведному гневу. Я зарубил его. Клодия и Гилберт убедили ошарашенную стражу о недопустимости вмешательства в поединок благородных, избавив нас от дальнейшего бессмысленного кровопролития. В результате погиб только барон д'Арго. Своим поведением сей недостойный муж опозорил титул и род. Может, его наследник исправит ситуацию.

А вот то, для чего переговоры послужили ширмой. Пока мы распинались перед Гарде, стараясь вызволить Джессику законным

способом, она успела выбраться из покоев барона через окно.

Пронырливая Сиилин довольно быстро нашла пленницу и, не дожидаясь нас, организовала побег. Пикси распутала ведьму, а та сама додумалась воспользоваться крепежной цепью от люстры, но у самой земли ей не повезло — бедняжка сорвалась и сломала ногу. Фея незаметно проскользнула в приемную и призвала на помощь Айдена в тот момент, когда д'Арго с Клодией скрылись в дверях. Маг разыскал свою родственницу под стеной замка и вывез ее за город. Ему никто не препятствовал — гость завершил свой визит, хозяйского повеления задержать его не последовало, а за дверьми замка он уже был заботой городских властей. Иного объяснения я не вижу. А потом стражи озадачились более насущными проблемами — их нанимателя лишили жизни на дуэли.

Итак, с Айденом и Джессикой мы встретились чуть позже в ближайшем лесу. Оставалось только добраться в Штейн.

Колдунья решила вернуться вместе с нами и отправить своей тетке Ингрид сообщение из дома. Джессика опасалась, что случившаяся с ней неприятность — отголосок моего проклятия, и впредь не хотела искушать судьбу. Будем надеяться, ее опытная наставница найдет время посетить наше баронство. Хотя я больше верю в совет лесного духа.

— День 6 апреля года 1827 от основания
великого королевства Арагон.

Весь день в дороге, вернулись в замок уже под вечер. Авось завтра мы все-таки сможем отправиться в Черный Лес. Эвистрайю я уже предупредил, а теперь спать.

**

Едва сбросив дорожный костюм и приготовившись с наслаждением погрузиться в ванну, баронесса получила приказ срочно явиться в покои короля. Пришлось наскоро ополоснуться (это вместо полноценного отдыха в манящей пене!), надеть парадное платье, даже не обсохнув как следует, но истинным вызовом стала прическа. Попробуйте расчесать волосы длиной почти полтора метра, когда они мокрые! Ровно тридцать секунд спустя баронесса воспользовалась своими привилегиями, сгрузив проблему укладки локонов на плечи одной из служанок (до сих пор Клодия всегда справлялась сама). Наконец коса была заплетена. И вовремя! В дверь уже ломились два дюжих молодца из личной охраны Арагона XIII, дабы доставить наглую девицу, пренебрегшую словами государя, пред светлы очи его величества. Под ледяным взглядом баронессы амбалы растерялись,

расступились и не посмели конвоировать девушку.

— Ваше величество, — Клодия прямо в дверях склонилась в глубоком реверансе.

— Ты заставила меня ждать! — недовольно вскричал монарх, меряя комнату шагами (собственно, он занимался этим уже довольно долго). — Я вынужден был сидеть в этом дрянном кресле лишних десять минут, полагая, что мое распоряжение — «немедленно» — будет исполнено подобающим образом. Но нет! Знаешь, как мой отец карал за неповиновение?

— Милорд, вы велели мне явиться сразу после путешествия, но я не могла показаться вам вся в пыли, в походном костюме, растрепанная и потная, — спокойно объяснила баронесса.

— Ха, — кратко прокомментировал монарх ее тираду. Арагон опять кружил около Клодии, подобный тигру в клетке. — В таком состоянии есть известный шарм. Я бы отправился с тобой к вашим горячим источникам и искупал тебя там, как породистую лошадь.

— Да, кстати о лошадях. Вы могли вовсе остаться без моего общества, — укоризненно произнесла девушка, протягивая самодержцу вскрытый свиток с «освобождением для ведьмы». — Благодаря этой грамоте мы сумели бы получить в Арго сотню скакунов, но никак не приговоренную к костру волшебницу, — пока Арагон читал бумагу, хихикая себе под нос, Клодия продолжила: — Подобное различие между буквами и словами едва не стоило мне чести, даже жизни, подозреваю, д'Арго с удовольствием спалил бы меня (или всех нас) на одном костре с несчастной. Я бы, правда, для начала задержалась в его опочивальне на неопределенный срок. Кстати, колдунью он решил сжечь, потому что она отвергла его домогательства. Это в порядке вещей у дворян?

— Детка, мои мысли тогда занимало другое, вот я и вытащил не ту форму. Неужели ты думаешь, я всякий раз пишу скучные указы с чистого листа? Касательно баронов, на своей земле они полновластные хозяева, даже у меня не всегда находятся рычаги давления на этих мерзавцев, как видишь, — тут король снова прыснул от смеха, глянув в свиток. — И каким же образом вы избежали смерти?

— Гарде погиб от меча моего телохранителя, — с некоторой дрожью в голосе сказала Клодия (титул Сореала, по его просьбе, нужно было сохранить в тайне).

— Здоровьяка? Ты понимаешь, ему грозит казнь, если он не рыцарь, — Арагон угрожающе надвинулся.

— Он дворянин.

— Ну ладно. Он же спасал тебя, значит, заслужил прощение.

Гарде был не самым приятным человеком, — король махнул рукой, а потом, приобняв баронессу, увлек ее во внутренние комнаты. — Продолжим беседу за бокалом «Росы».

Арагон плюхнулся на диван и наполнил бокалы. Похоже, монарх считал само собой разумеющимся, что девушка должна сесть рядом с ним (больше посадочных мест около маленького столика не было), но она, тут же обратив внимание на заранее спланированную хитрость, демонстративно притащила из соседней комнаты пуфик. Расправив юбки, Клодия подняла на короля торжествующий взгляд.

— А ты не сдаешься, да? — удивленно констатировал Арагон.

Некоторое время прошло в молчании: самодержец пожирал гостью глазами, а девушка конфузливо прятала лицо в бокале. Неожиданно для себя она почувствовала, как внутри пробуждается постыдное желание подставить шею под поцелуй венценосного сластолюбца, а расшитое платье становится тесным и жарким.

Баронесса зарделась и поспешила продолжить разговор.

— Ваше величество, а ведь виноделы, снабжающие нас и вас сим благородным напитком, находятся в серьезной беде, угрожающей прекратить производство «Росы» навсегда...

Клодия задумчиво покрутила хрустальный тюльпан, рассматривая с наигранной заинтересованностью рубиновую жидкость на просвет.

— Да неужели?! — воскликнул Арагон, уже давно заметивший признаки своей победы, и поднялся. — Быть не может! — обойдя стол и сидящую баронессу, король остановился вплотную за ее спиной, положив горячие ладони девушке на плечи. — Ты действительно хочешь сейчас рассказывать мне о проблемах «росоделов», а?

Клодия вздрогнула и затравленно оглянулась на монарха, тот самодовольно усмехнулся:

— Ммм, кажется, крепость выбросила белый флаг? То есть падение этой гордой твердыни возможно. Хотя нельзя расценивать как поражение королевскую победу над собой. Иди в постель, красotka, быстро!

Утро застало Клодию нежащейся на пышных подушках рядом с Арагоном. Монарх был настолько благодушен, что, не перебивая, выслушал историю семьи Фин-Сеалов.

— Со своими должниками Гильдия Магов разбирается сама, — государь зевнул, лениво огладил баронессу по спине и закончил: — Поболтать со старыми пердунами я могу, но это лишь поможет отсрочить выплаты. А вот лично для тебя я сделаю чуть больше: ты получишь патент, и, пожалуй, королевская казна

обойдется пока без денег фон Штейнов.

— Благодарю вас, милорд! — девушка выскользнула из-под монаршей ладони и сладко потянулась.

— Да, но ты же обязана чем-то отплатить! — вскинулся Арагон, посмотрел задумчиво в потолок, словно ища в лепнине подсказку, и, довольный собственной идеей, важно изрек: — Думаю, подписав контракт и став моей наложницей, ну, для начала, допустим, на год, ты отблаговаришь меня сполна!

Услышав возмутительное предложение, осознав, что ее опять воспринимают исключительно как красивую игрушку, Клодия покраснела от гнева, резко развернулась (от неги не осталось и следа) и залепила государю тяжелую звонкую оплеуху. Не дожидаясь ответной реакции, девушка вскочила и, как была в ночной сорочке, бросилась к выходу. Но Арагон оказался гораздо проворнее (все-таки он вполне обоснованно гордился и похвалялся, помимо прочего, и своей физической формой). Баронесса еще только огибала кровать, когда король уже поджидал ее у двери. Клодия нервно сглотнула и присела на диван, впрочем, тут же гордо вскинула подбородок, всем своим видом давая понять, что пугаться, просить прощения, сожалеть о своем поступке не собирается. Тем не менее сердце ее билось, будто мотылек в оконное стекло, а пальцы еле заметно подрагивали, пока государь неспешно приближался. Опасалась девушка не зря: Арагон XIII был, по слухам, ненамного уравновешеннее отца, известного своей жестокостью. Да и не знай Клодия этого, она прочитала бы свою участь в его глазах без особого труда. Королевские очи метали молнии.

Схватив девушку за горло, венценосец легко поднял ее с дивана, а потом, сделав усилие, оторвал от пола.

— Ты понимаешь, на кого посмела поднять руку? — процедил Арагон. — Ты...

Неожиданно он разжал пальцы, начинавшая задыхаться Клодия опустилась обратно на сиденье, найдя в себе силы не рухнуть на пол под ноги королю, как он того, скорее всего, желал.

— Если вы еще раз произнесете по отношению ко мне слово «наложница» или подобное ему, я снова влеплю вам пощечину, чего бы мне это ни стоило! — хрипло предупредила девушка, ощупывая ладонью припухшую шею.

— Да любая на твоём месте прыгала б от счастья! — заорал государь.

— Сколько угодно, я же слишком долго была одалиской и не хочу повторять опыт.

— Мой отец забил бы тебя плетью за подобную выходку! —

уже спокойнее заявил король. — Но я тоже в долгу не останусь.

Он недобро усмехнулся, подошел к платяному шкафу и достал оттуда кнут, который стал подчеркнуто медленно собирать петлями.

Баронесса побледнела, дернулась к двери. Вспомнив, что та заперта, метнулась к окну.

Покои государя целиком занимали третий этаж замка, с видом на просторы лугов Штейна. При попытке бегства уцелеть было невозможно — вниз, на глубину добрых пятнадцати метров, уходила отвесная стена. Оттуда, из купален, поднимался пар, скрывающий острые камни.

Но в тот момент Клодия отважилась и на самоубийство, лишь бы не позволить измываться над собой. Готовая уже взобраться на подоконник и искупаться в последний раз, она оглянулась: Арагон стоял на расстоянии вытянутой руки, но ничего не предпринимал, озадаченно смотря в бледное решительное лицо девушки.

— Неужели ты думаешь, я испортил бы твоё роскошное тело шрамами? — четко проговаривая каждое слово, поинтересовался он.

— Я видела ваши глаза, вы могли сделать это. Однажды мне пришлось быть свидетельницей такого наказания. Никому не позволю совершить подобное с собой, — отчеканила баронесса, все еще напряженно сжимающая побелевшие пальцы на оконном затворе.

Правда, сейчас Клодия застыдилась своего испуга, потому что невооруженным взглядом можно было заметить: кнут не предназначался для карательных целей, да и государевы очи горели скорее страстно, нежели гневно. Оба получили урок.

— *День 7 апреля года 1827 от основания
великого королевства Арагон.*

— *К чему знать будущее? Хватает проблем и в настоящем.*

Кайт Сид, мажордом замка Штейн.

Вести дневник возле походного костра в пещере, полной каких-то неприятных гадов, очень неудобно, но записывать лучше сразу. А еще я в который раз порадовался крепости своих доспехов, способных защитить не только от меча, но и от всякой дряни вроде болотных пиявок.

Утром сего дня мы, наконец, отправились в путешествие к руинам, где живет дух, знающий ответы. Вот совпадение — там же, по мнению Саффи, находятся и сокровища. Забавно, что

девица полагает, будто в любых уважающих себя развалинах должны крыться баснословные богатства. Однако куда большим сюрпризом этого утра стало решение Клодии взять с собой короля!

Вот такой своеобразный подарок «подготовила» ему баронесса на день рождения. Сомнительная идея, по-моему, но предложение уже прозвучало, а Арагон XIII радостно согласился. Из свиты поедут лишь провидицы, которые после нападения разбойников, не предсказанного ими, считают своим долгом всюду сопровождать господина. Я еще не описывал их: это холеные придворные красавицы, обритые почти наголо. Дамы выглядят чересчур изнеженными, но, надеюсь, они все-таки переживут это маленькое приключение. Прочим Арагон приказал веселиться, не считая необходимым больше никого ставить в известность о прогулке. Нам также было запрещено распространяться по этому поводу.

Помимо уже упомянутых пятерых в руины отправились я, Гилберт, Айден, Эвистрайя (собственно, без ее услуг проводника мы бы вряд ли куда-то двинулись), Кайт и Джек. Сэр Джон еще не успел оправиться от ожогов, а Вальдо не пожелал оставлять товарища, поэтому я попросил их вместе с Моной присмотреть за замком и гостями. У пикси нашлись какие-то неотложные дела. Не могу не отметить — отсутствие айденовской феечки вызвало скорее облегчение. Вот несколько меня не огорчает то, что никто не засунет мне горсть червей за шиворот, не пририсует лишних деталей к моей одежде. Единственная польза, приносимая Сиилин, — это ее умение везде пролезть и все разведать. Но как-нибудь сами обойдемся.

Мы не очень опытные искатели сокровищ, поэтому набрали с собой кучу потенциально полезных предметов. В итоге у ворот нас ожидали аж три ослика, нагруженных мешками с факелами, веревками, лопатами, спальниками, едой и еще массой самых разных вещей. Вообще-то изначально ишаков было четыре, но Кайт, пытаясь отговорить нас брать животных к оракулу, так жутко заревел одному в ухо, что бедная скотинка свалилась замертво. Этим Сид, очевидно, хотел продемонстрировать их моральную неустойчивость. Я, конечно, подозревал — одинокое существование в замке не способствует развитию чувства юмора, но тут наш мажордом явно переборщил.

И вот мы выступили. Ехать быстро не получалось. Вивиан и Лириан почти сразу утомились. Их пришлось пересадить на ослов, сгрузив выюки на летучую метлу Клодии. Остальные дамы бодро шагали, предпочитая легкую поступь собственных ножек тряской поездке на ишачьей спине.

В самом лесу одно животное упало в старую ловчую яму, предсказуемо сломав себе шею. Поклажу неудачника пришлось нести мне, тушу, предварительно освежевав и разделив, забрал с собой Кайт. Он посулил и — забегая немного вперед, скажу — выполнил обещание очень вкусно запечь ослятину.

Погода через малое время начала портиться, в вышине загремел гром, и небеса разверзлись, исторгнув на землю потоки воды. Клодия хотела подняться над макушками деревьев на метле и посмотреть, где мы находимся, но чуть не поплатилась за это жизнью, насилу разминувшись с молнией.

Лишь под вечер, насквозь промокшие, мы достигли груды камней, меж которыми скрывался проход в подземелье. Похоже, когда-то тут был баронский охотничий дом, потом разбойничье гнездо, теперь — остовы каменных стен, заросшие и бесформенные.

Сначала планировалось разбить лагерь у самого лаза. Но внезапно раздался жуткий вой и треск, а через минуту-другую из леса показался пугающий исполин. По словам Джека, у него на родине подобных существ зовут Серыми Бродягами, но я о таких созданиях никогда не слышал. Высотой добрых шести метров, с маленькими затянутыми бурой пленкой глазками, длинными чуткими мохнатыми ушами и могучим телом, тварь ломилась через чашу прямо к нам. Чего только нет в баронстве Штейн! Гилберт предложил сразить монстра, но я не нашел в этом особенного смысла. Мы решили передвинуть лагерь глубже, чтобы Бродяга не потревожил нас ночью (надо отметить, чудище явно учуяло аппетитный запах «дичи»). Под землю вели широкие стесанные за годы ступени, другого пути не было. Габариты гиганта не давали ему никакой возможности протиснуться за нами.

За поворотом лестницы (по прикидкам, мы спустились на добрых три этажа) поджидал новый сюрприз. Всего в нескольких шагах от нижней ступеньки, скрытое скальным выступом, начиналось болото. Казалось бы, ничего страшного, тем более его пересекала «дорожка» из разделенных мутной водой камней, вероятно, устроенная хитрыми бандитами. Но стоило Клодии зависнуть над поверхностью, как из трясины принялись выпрыгивать большие, величиной с человеческую ладонь, отвратительные пиявки. Кровососы отличались потрясающей меткостью, наверное, чувствуя тепло человеческого тела: укусов баронессе избежать не удалось, как она ни маневрировала, — прожорливая мразь прилипла к ее выглянувшему из-под плаща плечу. Только стремительность полета спасла Клодию от прочих паразитов.

За тучей склизких гадов не стало видно противоположного берега. В результате переправа превратилась в весьма сложное мероприятие.

Ладно воины, целиком защищенные доспехами, но вот Саффи в своей коротенькой юбочке сразу стала бы легкой жертвой пиявок, остальные девушки тоже были в серьезной опасности. Немного подумав, я нашел способ. Мне пришлось перенести через болото Саффи, Эвистрайю, Вивиан и Лилиан, одну за другой, обернув каждую плащом. Для надежности протянули веревку над топью. И все-таки без курьезов не обошлось. Я познакомился с более крупным обитателем глубин — огромным змеем, напавшим на меня у самого берега. От него отбивались вместе с Кайтом. Возвращаясь в очередной раз, я поскользнулся и чуть не утонул в мерзкой жиже (вытягивали меня объединенными усилиями магов), но главное — девушки, за исключением Клодии, совершенно не пострадали.

Мужчины форсировали топь самостоятельно, но отягощенные поклажей, потому что брыкающихся осликов пришлось также переправлять на руках. Не самая приятная ноша после очаровательных барышень. Отойдя от булькающей трясины еще на десяток метров, мы разбили лагерь. Дописываю дневник и заступаю на дежурство. Первая смена за мной и Саффи.

**

Кровать располагалась таким образом, чтобы лежащий на ней мог при желании любоваться очаровательными пасторальными видами через большое окно. Сейчас, правда, насладиться видами мешала пелена дождя, скрывшая обширные луга, редкие поместья фермеров с лоскутами возделанных полей и безбрежное лиственное море Черного Леса, обступившее земли баронства с востока. Риовейн и озерная гладь, расстилающиеся южнее и гораздо ближе к холму, на котором стоял замок, едва-едва проглядывались сквозь кисею серебристых капель.

И все же сэру Джону только и оставалось — смотреть в окно, наблюдая, как темнеет затянутое тучами небо. И размышлять.

А поразмыслить предстояло о многом. Ведь рыцарь явился в Штейн с совершенно определенной целью, от которой в данный момент, волею случая, оказался необычайно далек. Джон усмехнулся, чуть-чуть посмаковав этот довод. «Волею случая» — донельзя удобные слова для человека, стремящегося приуменьшить степень своей вины.

Сеймур Годханд и его сообщники давно привлекли внимание Белого Ордена. В те далекие времена Колледж Прикладной Технической Магии еще не распустили, его глава и ученики

не обратили свои знания во зло, юный Джон еще лишь недавно прошел обряд смены имени и закрасил родовой герб на щите белой краской, а пост Великого Магистра принадлежал сэру Кайлу...

И погода, и необходимость валяться в постели, и, разумеется, парочка бутылок замечательного местного вина, стоящая на резном прикроватном столике, располагали к порции старых добрых воспоминаний.

Путешественник, проживший достаточно долго, всегда может оживить в памяти историю приключений, взглянув на свои шрамы. Давешняя встреча с Сеймуром оставила превосходное напоминание о визите в Штейн. Наверное, когда ожог от попадания огненного шара окончательно заживет, то станет похож на многолучевую звезду. А вот леди Клодия, по-видимому, вознамерилась осчастливить Джона сразу двумя рубцами: на сердце и на совести. Посторонний их не заметит, но выкинуть из головы связанные с ними события будет ох как непросто.

Силы Белого Ордена пришли в движение, только лишь удалось выяснить: Сеймур с приспешниками нашли способ воплотить и подчинить своей воле легендарную Царицу Бурь, правившую Благословенными Землями еще до прихода сюда людей. Обуздав мощь богини, мятежники планировали вновь объединить весь Леодар под дланью Годханда. По информации, имевшейся у Джона до приезда в Штейн, здесь собрались виднейшие адепты, включая главу «культа», Сеймура Годханда и некую женщину по имени Клодия, по своей воле согласившуюся стать вместилищем злобного духа. Да, когда-то уважаемый чародей, напомнивший миру значение древней магии, которой пользовались братья-короли в битве с нелюдьми, превратил науку в религию. Себя он провозгласил чуть ли не наместником забытых людских божеств. А девица якобы специально воспитывалась им для высокой роли.

Бесспорно, самым очевидным выходом в сложившейся ситуации стало бы убийство Клодии. Великий Магистр Гленн послал своего лучшего ученика захватить девушку и представить ее пред Советом Ордена. Из опасений, что мятежники могли подготовить не одну кандидатуру для призрака, рыцари решились провести церемонию самостоятельно и изгнать Царицу, едва она обретет телесную оболочку. Однако теперь у сэра Джона имелись вполне определенные сомнения на этот счет. Воин въезжал в Штейн как персонаж героического эпоса, а угодил прямиком в любовную драму.

Можно ли верить Клодии? Не подпал ли Джон под влияние могущественных чар? Опыт и проницательность твердили

рыцарю, что девушка не только не состоит в заговоре, но и сама не в восторге от событий, невольной участницей которых ей пришлось стать. Попытка «Весельчаков Донателло» захватить баронессу, ее яростное сопротивление им и последовавшее негодование, кажется, были подлинными. Или нет? Или Клодия искусно привлекает всех в сплетенные Годхандом сети? Не было ли и это нападение, и отступление Сеймура искусно разыгранным спектаклем? В самом деле, одержать победу над знаменитым чародеем удалось на удивление легко. Не настолько, чтобы вызвать серьезные подозрения, но достаточно для сомнений...

Так или иначе, очарованию девушки поддалось большинство находящихся в замке мужчин. Впрочем, Гилберту и его величеству Арагону XIII возраст вполне позволял терять голову в присутствии красоток, придворные воздыхатели и простолюдины, всегда готовые ложиться под грациозные ножки, даже не учитывались. А вот ему, Джону, следовало бы поостеречься... Однако любвеобильный (хотя и относящийся к женщине вне постели или кухни с нескрываемым презрением) Вальдо наглядно демонстрировал отсутствие магической составляющей в притягательности Клодии, ежедневно отчитывая друга за чрезмерное внимание к девичьим прелестям, пускай и таким выдающимся. Почему-то черномазого мерзавца эти самые прелести совершенно не понимали. Негр требовал выполнить уже предписание, передать Клодию прочим магистрам и заняться чем-нибудь достойным. И все же, несмотря на его увещевания, Джон медлил.

«Дворянка изящна и ухожена, но горда, коварна и жеманна. Горожанка свежа, непосредственна, но при том алчна и глупа. С путешественницей не соскучишься, если забыть о присущих ей ветрености и своенравии. Чародейка умна и загадочна, но опасней всех остальных, вместе взятых», — размышлял рыцарь, всматриваясь в рубиновую глубину наполненного бокала. За время, которое Джон провел в обществе Клодии, он, сам того не ожидая, обнаружил в ней множество из достоинств вышеназванных типажей. Недостатки же девушки рыцарь, навидавшийся на своем веку всякого, находил несущественными. Ее внимательный взгляд из-под ресниц будоражил кровь, звал совершать подвиги, успокаивал гнев и боль, лучился смехом и грустил одновременно.

Опять-таки ситуация позволяла Джону не спешить как с выводами, так и с действиями, и он собирался воспользоваться открывающимися возможностями в полной мере. Во-первых, ошибка ставила под угрозу жизни ни в чем не повинных людей, а во-вторых... расположение и внимание Клодии стоили того.

Пока есть пара минут, зафиксирую происшествия минувшей ночи. Вчера я наладил систему звуковой сигнализации напротив тоннеля, ведущего дальше вглубь: подвесил на веревке котелки со всякой металлической мелочью внутри. Хитрость оправдала себя, потому как Гилберт едва не проворонил (похоже, он залюбовался спящей Клодией) приползшее в лагерь чудище — белесого червя, способного, кажется, заглотить целиком пару человек. Впрочем, здесь хватило одного удара моего меча — тварь тут же перестала досаждать нам.

Хорошо хоть, нападение случилось под утро: спать после него как-то расхотелось. А тут еще обнаружилось, что наши верные, уже столько пережившие ослики в панике устремились обратно на поверхность. Конечно, оба погибли. Одного из них в середине каменной тропки через болото на наших глазах облепили пиявки, и он с жалобным ревом опрокинулся в трясину. Второй, наверное, утонул раньше. К счастью, основную часть мешков мы с животных сняли на ночь, поэтому возвращаться не стали. Носильщиком, как я понимаю, выступать снова мне, ну, может быть, Кайт с Гилбертом подсобят, а кое-что придется оставить здесь.

Теперь вперед, дальше в подземелье. Эвистрайе известна только дорога до входа в руины, внутри нам придется искать верный путь самим. Выступаем!

Миновал день, мы прошли подземный лабиринт до конца, вернулись и снова разбили лагерь. На сей раз на свежем воздухе. Уж лучше честные волки или давешний Серый Бродяга, чем всякая облюбовавшая темные пещеры мерзость. Может, кто-то обвинит меня в трусости, но после сегодняшнего «маленького приключения» в сознании остаемся я, Эви да Клодия с Айденем. Причем маги вынуждены постоянно колдовать, поддерживая жизнь в наших спутниках, поэтому в конце каждого сеанса лечения у них самих сил остается лишь на то, чтобы вяло лежать, восстанавливая ману.

Началось все довольно бодро. Через узкий коридор мы перешли в огромную каверну, заросшую настоящими грибными джунглями. Спустя всего минуту пребывания здесь выяснилось: грибы агрессивны и плотоядны. Впрочем, стоило мне разрубить пару гигантских поганок, а заодно с ними какую-то дрянь, похожую на летучий колпак, спрыгнувшую на Вивиан, как разум грибницы оценил исходящую от нас опасность — заросли

раступились. Очень, надо сказать, кстати: грибы чуть не сожрали Арагона XIII, бросившегося в лобовую атаку на одно из поганковых деревьев.

Потом произошло еще несколько встреч со всякими монстрами. Мы убивали их, постепенно продвигаясь вглубь. Ни гигантские пауки, ни неведомые, пронзительно визжащие твари не остановили нас. Страшно вспомнить, я ухитрился пройти сквозь кислотного ооза, даже не заметив его! Только кожу начало щипать через некоторое время, а ведь пришлось двигаться через смертоносную слизь метров пятнадцать. На свое счастье, идущие за мной следом заметили неладное и расчистили себе дорогу огнем.

Но вот начались настоящие трудности. Мы очутились в подземном зале, где мана-потoki внезапно оборвались. Исчез мой доспех, погасли волшебные светочи, Клодия с трудом устояла на ногах, когда ее метла потеряла летучесть. Благо пикси не сопровождала нас сюда — пожалуй, ей было бы тяжелее всех, ведь магия составляет саму суть фей.

Воцарившаяся тьма породила новых врагов, вынудивших нас обороняться вслепую. Но клинки вновь не подвели — противники пали или отступили, хотя досталось нам изрядно. Наконец зажегся первый масляный фонарь. Перед нами обнаружился перекресток. Ясное дело, мы вознамерились проверить все три неизведанных дороги. Что тут сказать, избрать путь направо, проигнорировав другие ответвления, стало бы лучшим решением, но знать этого никто из нас не мог.

Отряд направился прямо и, не меньше часа пробираясь по полуразрушенному коридору (естественная часть подземелья сменилась рукотворной), вышел к грандиозному бронзовому portalу. Магия вновь вернулась. Ее течение ощутили все без исключения, а Клодия и Айден смогли творить свои заклинания, совершенно не испытывая утомления. Мы отдохнули и подлечились, готовясь к новым неприятностям.

Они не заставили себя ждать. Массивные покрытые письменами врата, к которым до этого никто из нас не осмелился подойти близко, вдруг распахнулись сами собой. С прискорбием замечу: на створках были начертаны символы, призванные удержать нечто запечатое внутри, которые ни один из магов не удосужился рассмотреть сразу. А потом знание их уже ничего не меняло. Влекомые любопытством, все зашли под своды удивительного чертога. В центре стоял пьедестал с громадным бриллиантом, окруженный узорчатыми колоннами с цветными кристаллами на вершинах. Между камнями изгибались сияющие радуги.

Саффи сразу попыталась схватить изумрудный кристалл с ближайшей колонны, и мы отвлеклись, пытаясь удержать девушку от опрометчивых поступков в этом фантастическом месте. Вот только приглядывать надо было не за Софией, а за королем!

Арагон XIII беспрепятственно прошествовал в середину залы. «Этот камень достоин моей короны», — воскликнул венценосный идиот, взяв в руки драгоценность. Как же!

Алмаз немедленно треснул, осколки рассыпались фонтаном мерцающих искр, и из них вылетел зыбкий полупрозрачный женский силуэт. Раздался пронзительный зловещий хохот, вокруг за клубился золотистый туман, а фантом подлетел к Клодии и, наградив ее поцелуем, певуче промолвил: «Мы скоро встретимся». Дальше неведомый дух, заливаясь смехом, ринулся прочь из комнаты.

Позже Клодия рассказала, что уже слышала этот голос, видела призрачное существо в своих наполненных убийствами и разрушениями кошмарах, которые начались после вытягивания карт из Колоды Судьбы. Да, еще не все беды, насланные коварной ифриткой, проявились в полной мере. Кем бы ни был этот фантом из снов баронессы, чувствую, с ним еще придется встретиться. Впрочем, мы ее выпустили, значит, и расхлебывать придется нам же.

Драгоценные (как надеется Саффи) камни с постаментов перекочевали в рюкзаки. По заверениям наших чародеев, теперь на них нет ни капли магических эманаций.

Мы вернулись к перекрестку — снова иссякли мана-потоки — и свернули направо. В конце извилистого коридора обнаружился грот, пол которого рябил волнами затопившей его воды. Едва вступив под его своды, я услышал в голове голос: «Ты ищешь ответы?» Я воскликнул «да», и меня тотчас перенесло в некую пещеру.

Я очутился в подземном озере. Передо мной на маленьком острове посреди водной глади соткалось из воздуха лицо. Фантом поинтересовался, что я жажду узнать. Конечно, меня интересовало, как избавиться от чар, коснувшихся моей души и изменивших тело. Призрак пообещал исцелить меня от первого проклятия, а избавиться от внешнего уродства, по его словам, я могу только сам: «Отправляйся туда, куда указывает взор Богини Гнева. Найди Упавшую Звезду, лишь тогда обретешь свой прежний облик». Затем во мне завертелся темный вихрь, вырвался наружу и вдруг опал, оставив бледное кольцо на поверхности озера. Из груди словно вынули тяжелый камень. А еще спустя миг я снова очутился в бассейне, где все это время

бродили мои спутники.

После рассказа о случившемся каждый захотел задать свои вопросы, кроме провидиц, Эвистрайи и Кайта. Догадываюсь, почему не захотели спрашивать Лилиан и Вивиан, эльфийка же заявила, что знает о своем будущем, прошлом и настоящем все необходимое.

Клодия осведомилась, как победить выпущенного на свободу призрака. Оракул ответил: «Тот, кто может усмирить Царицу Бурь, — среди вас».

Джек хотел достичь высот мастерства в боевых искусствах и получил рекомендацию «отправиться в страну, где не заходит солнце».

Айден поллюбопытствовал, кто сжег Гильдию Магов в нашем городе. К добру или к худу, мы никогда не слышали о Блейзе Ашенвейле, имя которого было названо.

Понятия не имею, что выясняли Саффи и Гилберт, но, к сожалению, могу предположить, о чем беседовал с духом король. Арагон XIII вернулся счастливый: «Как только возвратимся, прикажу собирать войска. Мне предречено — вторгнувшись в Ксандрию, я разрушу великое царство!» — провозгласил он. О двусмысленности этой фразы его величество даже не подумал. Нужно остановить нашего юного государя!

Получив массу интересных впечатлений, мы решили посетить третье ответвление перекрестка. Очень зря. Длинный полутемный коридор (магия все еще не действовала) вывел отряд в пещеру, заваленную костями. Меж останков валялись нетронутые доспехи и оружие, монеты, предметы нехитрого скарба путешественников. Вот странно: ближайшие к входу скелеты выглядели так, словно давным-давно прилегли отдохнуть, но остались по неизвестной причине здесь навсегда. Кроме того, их словно специально очистили от плоти, не коснувшись при этом одеяний. Самый воздух тут пропитался смертью, мы невольно остановились на пороге. Все, кроме любопытного Джека (хорошо еще, Фессаха не смогла пойти).

Кот, не раздумывая, ступил в пещеру, прошелся, рассматривая богатства под ногами, подобрал и повертел в руках шлем. Вдруг рядом с ним возникли сгустки мертвенно-голубого света. Не знаю, откуда взялась эта гадость, как такие создания могут жить без магии, но уже спустя несколько ударов сердца сверкающих шаров стало гораздо больше, и они напали на нас.

Мы побежали. Нет, не считаю бегство от десятков, а позже сотен таинственных обжигающих, стремительно передвигающихся существ трусостью. Вряд ли нас могут судить те, кто не видел их.

Ноги огра длиннее, сильнее человеческих — эта их особенность очень пригодилась мне в тот день для спасения моей шкуры и тех, кого я успел подобрать. Недолго думая, я подхватил застывшую рядом эльфийку, а по дороге взвалил на себя еще и провидиц. Почитай, наравне со мной неслись легкие Саффи и Клодия. Прочие старались отступать по-рыцарски, прикрыть нас, но скоро присоединились к исходу. «Светлячков» не остановили мечи, от них не защищали доспехи. Лучистые твари преследовали отряд до самой развилки, а потом словно разбились о стену маны.

По счастью, хотя все в этой погоне получили достаточно тяжелые раны (кроме Эви, которая укрылась у меня на груди), никто не погиб. Казалось, мы спасены, большинство моих спутников позволили себе потерять сознание. Ночевать в подземелье мне не хотелось, поэтому я истратил весь свой запас исцеляющего зелья для приведения в чувство магов, и мы вчетвером, погрузив остальных на меня и метлу, побрели обратно. Естественно, о вещах и речи не шло — почти все мешки будут лежать там и ждать тех, кто сумеет до них добраться. Удивительно, что мы не побросали их раньше.

Дальнейшая история о том, как мы перенесли в лес наших раненых друзей, уже не столь интересна, хотя доставить на поверхность закованных в броню короля, Кайта и Гилберта оказалось задачей не из простых. Подземелье выпустило нас. Теперь отдыхаем в ожидании завтрашнего дня, когда маги, набравшись сил, смогут долечить пострадавших. Надеюсь, за ночь ничего плохого не случится.

— День 9 апреля года 1827 от основания
великого королевства Арагон.

Вот, наконец, и замок Штейн. Клодия в задумчивости после случившегося в пещере. Саффи — в унынии от скудности добычи. Мы даже больше потеряли, чем нашли, ведь ценность кристаллов из запечатанного зала пока не установлена. Впрочем, король в полном восторге от дня рождения. Хотя я бы на его месте обратил внимание на полную несостоятельность Вивиан и Лилиан в качестве провидиц. Говорят, силы такого рода на время слабеют после сексуального контакта, и это наводит на определенные мысли.

Я сердечно поблагодарил Эвистрайю за участие. Не удержался и полюбопытствовал, почему она вообще помогает мне. Ответ был в духе певицы богов: возможно, наша история достойна песни. Это льстит. А еще эльфийка рассказала мне, что в Эрбеке (это название горной цепи на востоке) есть скала,

которую гномы, чьи владения простираются там, обходят стороной, почитая проклятым местом. Скалу венчает статуя крылатой женщины, выполненная из неизвестного металла, который не могут повредить кирка и источить ржавчина. Лицо изваяния наполнено невыразимой яростью. Говорят, это носовая фигура ладьи богини Тауры. Когда во время великой битвы богов корабль охватило пламя, Таура недрогнувшей рукой устремила его на царя чудовищного народа Фин-Да-Йа, который был настолько огромен, что закрывал полнебосклона своим могучим телом. Ладья пронзила сердце исполина, сразив его, точно стрела, и рухнула вместе с ним на землю.

Осталось найти статую и отправиться в сторону, куда она «смотрит». Интересно, удастся ли упросить Эвистрайю сопровождать меня снова?

Клодия побывала в Риовейне, откуда принесла интересную новость. Городская стража задержала контрабандистов, пытающихся незаконно провезти на продажу эйлеры, темную эльфийку. Купчую на девушку грубо подделали, следовательно, она не может считаться рабыней. Баронесса попросила меня и Айдена разобраться в ситуации.

Мы с магом отправились в муниципальную тюрьму. Каково же было мое удивление, когда я увидел в камере стражников д'Арго, после смерти барона решивших продать его экзотическую наложницу — справить легких денег. На том и погорели. Кстати, они предложили нам свои услуги. Думаю согласиться. Все равно ведь наемники всюду одинаковые — хранят верность, пока им платят, нельзя требовать от них большего.

Что касается рабыни, то бедняжка озлоблена на весь мир. Застарелая ненависть, присущая многим нелюдям, только усугубилась. Ни мне, ни Айдену не удалось убедить ее в наших благих намерениях. В итоге пришлось отпустить эйлерийку. И от денег в дорогу, и от сопровождения до границы она отказалась. Тем не менее желаю ей благополучно добраться домой.

**

— Для красавиц поклонники — что поленья для камина; одного всегда мало.

Девушка Тайлисс, аэнарская куртизанка.

Арагон поймал баронессу в коридоре замка на следующий день после возвращения из подземелья. Он пребывал в прекрасном настроении (ведь дух напроорочил ему победу

в войне с Ксандрией!) и жаждал поразвлечься. Девушка же опять спешила к раненым, да и потом ее ждала еще уйма дел.

— Клодия, почему ты до сих пор не заглянула в мои покои? — спросил венценосный наглец, увлекая баронессу в нишу и грубо лапая ее за грудь. — Я заждался! А королю не пристало ждать! — с этими словами он притянул руку девушки к своему паху, где штаны внушительно набухли и топорщились.

— Ваше величество, — Клодия попыталась вырваться, — меня привлекает такая напористость, но, право же...

— Что ты несешь? Я хочу тебя сейчас же! — капризным тоном заявил Арагон.

Вообще удивительно было, почему баронесса до сих пор стояла одетая. Терпением и деликатностью юный государь, как заметила уже Клодия, не отличался.

— Но прошу вас! Я бы так хотела, чтобы вы устроили ужин при свечах, были галантным и нежным. Вам это уже наскучило, разумеется, но для меня будет в новинку, — девушка вознамерилась прорвать королевскую броню эгоизма, напомнить Арагону о существовании желаний, отличных от его собственных.

Самодержец задумался, слегка ослабив объятия, оценивающе окинул взглядом баронессу и кивнул:

— Хорошо, только ради тебя. Пожалуй, это милое извращение внесет приятное разнообразие.

Клодия удовлетворенно вздохнула: все-таки приятно победить его величество в споре и не подать виду, что сама с большим удовольствием оказалась бы в его постели, чем по уши в делах.

Некоторое время Клодия посвятила выздоравливающим после схватки с троллями и разбойниками пациентам, потом поболтала с Моной об издержках на прокорм орды королевских придворных, затем наведлась к шерифу по поводу Годханда. И обнаружила арестованных контрабандистов из Арго. «Нет уж, хватит! Этим пусть занимаются Сореал и Айден», — девушка решила немного внимания уделить себе и поваляться в ванне, поручив проблему незаконной торговли «собаронам». Обоих она нашла в саду обедающими.

Когда мужчины ушли, Клодия рассеянно опустилась в одно из кресел, повертела чашку с недопитым кофе, взяла печенье и отложила. Как странно: меньше месяца назад она сидела в парке замка Фальдорф и слушала щебет «подружки» — какую-то белиберду про ее возлюбленного, который пообещался вызволить девицу из гарема. В тот день еще приходилось кутаться в палантин, спасаясь от пронизывающего ветра. Сейчас солнце

уже изрядно припекало.

Разве могла тогда нынешняя баронесса представить себя на месте одной из благородных дам, иногда гостивших у Фредерика с мужьями? Конечно, она мечтала об этом, но не верила. Так же как не поверила бы, будто осмелится дерзить королю или услышит «станьте моей женой» от дворянина. Впрочем, отныне главный вопрос звучал иначе: долго ли у нее получится удерживать занятое положение? Или любой достаточно богатый, влиятельный, да просто сильный и наглый мужчина имел право снова сделать малышку Кло наложницей? Ее титул ничего при таком раскладе не значил. Пустышка! Хотя пока за нее готовы вступиться «собароны», Гилберт и Джон, можно быть спокойной за свою свободу, жизнь и честь. Правда, последнее девушка понимала весьма расплывчато: нельзя же, в самом деле, позволять кому-то кого-то убивать из-за нескольких (возможно, порой неприятных) минут плотской близости. Или можно? Наверное, баронский диплом обязывает...

«Стоп, — прервала себя Клодия, — так ты не успеешь привести себя в порядок к обещанному Арагоном ужину. Если он сам еще не запаматовал о нем», — она усмехнулась, поднялась и пошла к замку.

По пути через двор девушка заметила Гилберта. Оруженосец чистил коней. Кроме него обиходом скакунов, кажется, никто не занимался: королевские слуги вели в Штейне весьма праздный образ жизни, предоставляя местным делать всю работу за себя. Вот и в конюшнях ни один из них не появлялся с тех пор, как тролли извели большую часть ездовых животных. «Ох, неужели и об этом придется препираться с его величеством?! Лентяи привыкли слышать и слушать только приказы своего венценосного хозяина», — девушка досадливо сморщила носик. Однако сию минуту она была рада, что наблюдает не какого-то оболтуса-конюшего, который даже грязную работу из тщеславия делал бы в расшитом камзоле.

Гилберт стоял к Клодии спиной, и та могла незаметно любоваться отлаженными движениями его мускулистого, гибкого, блестящего от пота тела, когда он проводил щеткой по боку скакуна или отбрасывал налипшие на лоб и щеки волосы. Возбуждение, в которое баронесса пришла еще при встрече с королем, опять накатило на нее. В голове помутилось, она оперлась ладонью о дверь. Юноша словно почувствовал ее взгляд и обернулся.

— Леди Клодия, — поклонился оруженосец.

— Гилберт, ты так и не рассказал никому, что тебе поведал

оракул? — торопливо произнесла девушка, смутившись. — Почему...

В следующий миг юноша уже стоял рядом, притянул Клодию к себе и закрыл ей рот поцелуем. У той перехватило дыхание, а потом она почувствовала горячую волну, охватывающую ее от прикосновений Гилберта, и прильнула к нему.

— Почему ты выполняешь за королевских болванов их обязанности? — пролепетала девушка.

— Раз это увеличивает мои шансы встретиться с вами, я не зря заменяю их, — улыбнулся оруженосец.

— Нас могут увидеть здесь... — прошептала баронесса в слабой попытке предотвратить неизбежное, ведь она обещала себе не искушать более юношу после его объяснения в любви и своего отказа выйти за него замуж.

— Не волнуйтесь, Клодия, ваша честь не пострадает.

Гилберт увел ее вглубь конюшни к горе свежего сена, золотящегося в первых закатных лучах, проникших сквозь крохотные оконца под потолком, уложил на брошенную поверх попону, и девушка более не смогла сопротивляться...

Уже в сумерках баронесса, слегка пошатываясь, поправляя на ходу одежду и прическу, вошла в главные двери донжона и остолбенела от изумления: в коридоре царил полумрак, на фоне которого ярко светился дверной проем приемного зала, было тихо — вездесущие придворные куда-то испарились, все и сразу.

— Неужели Арагон не забыл своего обещания? А я в таком виде?! — пробормотала Клодия.

Оставался еще крошечный шанс проскочить в свои покои незамеченной по боковой лестнице для слуг, чтобы переодеться. Девушка уже шагнула на нижнюю ступеньку, когда в дверях появился король собственной персоной.

— Леди, вы опять заставили меня ждать! — укоризненно заметил он, и баронесса настроилась на очередную словесную перепалку, однако ее не последовало.

— Я рад вас видеть, — промолвил Арагон мягко, но слегка иронично, и взял девушку под руку.

— Я не успела привести себя в порядок: баронские дела отнимают уйму времени... — начала оправдываться Клодия, — вы потерпите еще чуть-чуть?

— Но ты и так восхитительна, моя селяночка, — ухмыльнулся государь и вынул из волос девушки соломинку.

Клодия густо покраснела, вспомнив обстоятельства, при которых были помяты прическа и платье.

— Прошу! — Арагон уже подвел баронессу к накрытому

столу, галантно отодвинул стул и жестом пригласил садиться.

Клодия немного неуклюже плюхнулась на сиденье, осматриваясь из-под полуопущенных ресниц.

Зал был освещен очень скромно: хрустальная люстра, спущенная ранее к приезду государя, покоилась высоко под потолком. На стенах горело лишь несколько канделябров, зато на столе ветвился многоярусный украшенный цветами подсвечник. Парадная громадина на сотню персон вместе с тяжелыми креслами исчезла, а их место занимал изящный столовый гарнитур (чего только нет в королевском поезде!). По залу разносилось благоухание от многочисленных ваз с букетами из лилий и ландышей, плыла ненавязчивая лирическая мелодия — похоже, среди теней притаился оркестр.

Монарх обошел стол и сел на заранее отодвинутый слугой стул. Тут Клодия чуть не подпрыгнула от ужаса, потому что прислуживал не кто иной, как Вальдо! О, нет! Теперь-то рыцарь Джон точно узнает о ее связи с королем, ведь негр с большим подозрением относился ко всему женскому роду и с большим вниманием — к личной жизни своего друга. Девушка судорожно вздохнула, совладала с собой и улыбнулась Арагону.

— Я решил, будет экзотично, если в качестве лакея выступит этот черномазый остолоп, и нанял его, — пояснил король, перехватив взгляд Клодии, обращенный на Вальдо. — Впрочем, главное его достоинство в другом: он меньше бросается в глаза в интимном освещении романтического ужина.

Вальдо молча и с достоинством, не слушая вроде бы беседы, расставил блюда, разлил вино. Когда он наклонился, наполняя ее бокал, девушка прошептала: «Не говори Джону, пожалуйста! Я все объясню потом», — и умоляюще посмотрела в его безжалостные глаза. Вальдо поджал губы, не удостоив ее ответом, и удалился с поклоном по мановению руки Арагона.

Некоторое время король вел оживленный монолог о грядущей победе над Ксандрией, а баронесса лишь кивала и ковыряла вилкой салат. Благо юный самодержец привык к молчаливому обожанию слушателей, не смеющих порой и слова вставить. Но замешательство Клодии длилось недолго, она тряхнула головой и сказала себе: «Завтра я найду минутку подумать об этом».

— Милорд, вы подготовили чудесный сюрприз. Спасибо, — произнесла девушка вслух, дождавшись завершения словесной тирады (Арагон как раз описал в красках всевозможные унижения ксандрийской императрицы и ее сына).

— Ха, конечно, я все великолепно организовал, но иначе и быть не могло! — монарх расплылся в самодовольной

улыбке. — Самые утонченные блюда и напитки, самые роскошные цветы, самые талантливые музыканты и самые незаметные лакеи... Что уж там, красивейшая из женщин от меня без ума! Я всегда получаю только лучшее, детка!

О своей исключительности венценосный гордец мог бы, наверное, ораторствовать часами. Клодия, усмехнувшись, аккуратно перевела беседу в другое русло, вернее даже, сместила акцент, желая побольше узнать о столице. Она действительно наслаждалась происходящим и не единожды сказала об этом государю. Арагон, в свою очередь, не обошел вниманием ни одного шага в ритуале романтического вечера. После ухода Вальдо король лично ухаживал за баронессой, подавая ей блюда и наполняя бокал, даже умудрялся не зевать и не перебивать собеседницу во время ее речей, поразительно мало переводил разговор на себя, а завершил вечер неожиданным приглашением Клодии на танец.

— Леди, — с легким поклоном монарх внезапно отступил и протянул ей руку, когда они уже вышли из-за стола и двинулись к лестнице на второй этаж.

Заиграла новая мелодия, в которой Клодия угадала один из сложнейших вальсов, популярных при дворе. Девушка немного испугалась, ведь исполнение его требовало или таланта, или нескольких месяцев тренировок, а она лишь трижды репетировала его для Фредерика. Но отступить было некуда.

— Ваше величество, — баронесса опустилаcь в изысканном реверансе.

Арагон закружил девушку в вихре замысловатых фигур, иногда делая совершенно неожиданные па (в эти моменты в глазах короля плясали в такт озорные огоньки), но Клодии удалось не сбиться с ритма, не оттоптать партнеру ноги, а судя по удивленному выражению лица государя, даже весьма неплохо исполнить вальс.

Музыка смолкла. Танцоры стояли в центре зала, сбивчиво дыша. Арагон обнимал баронессу за талию, а она чуть упиралась в его плечи руками, отстраняясь, чтобы дать свободу своей часто вздымающейся груди.

— Признаюсь, я не ожидал. Ты была великолепна, — прошептал король и запечатлел на шее Клодии страстный поцелуй.

— Я старалась не отстать от вас, ваше величество, — в тон ему ответила баронесса.

— Идем, у нас впереди долгая ночь, — и Арагон увлек девушку наверх, в свои покои.

Апрельские грозы, гонимые ветрами от океана, добрались, наконец, до северных областей страны. Небо, еще с вечера затянутое свинцовыми тучами, в глухой предрассветный час раскололось ветвистыми зигзагами молний. Тяжелые градины застучали по каменному полу, шторы взметнулись и заколыхались от налетевшего порыва, словно привидения. Вплетаясь в стенания бури, раскаты грома и шум дождя, сквозь открытое окно доносилась плачущая музыка элиона. Клодия поежилась и открыла глаза.

Король спал, почти сбросив одеяло, прижав девушку к висящему на стене ковру. Пушистому, слегка траченному молью, должно быть, в стародавние времена привезенному из-за раскинувшейся на востоке Великой Пустыни. Несколько минут Клодия разглядывала таинственные переплетения узоров, едва видимые в ровном, но слабом свете волшебного ночника. Ей хотелось, чтобы Арагон встал и закрыл окно, но тот лишь натянул одеяло на голову, поджал длинные ноги и засопел громче. Поворочавшись еще, Клодия решила: в конце концов, глупо и бестактно будить монарха ради такой ерунды.

Баронесса выскользнула из кровати и, стараясь ступать по пыльным звериным шкурам, в беспорядке укрывающим холодный пол, добежала до окна. Громоздкая рама поддавалась с трудом — стихия нещадно билась снаружи. Лицо, живот и грудь девушки обильно залило дождем. Украдкой оглянувшись на спящего любовника, Клодия наскоро вытерлась занавесью и поспешила обратно в уютную постель.

Неожиданно ее внимание привлек небольшой клочок бумаги, запутавшийся в косматой медвежьей шерсти под ногами. Как замороженная, Клодия подняла карту, которую неделю назад вытянула из Колоды Судьбы. Откуда здесь проклятая картинка? Баронесса точно помнила, что сожгла ее в камине.

В следующий момент оконная рама снова распахнулась, вокруг каскадом разлетелись осколки. Треск ломающегося дерева перекрыл оглушительный громовой раскат. Девушка взвизгнула и, отшатнувшись, опрокинулась на кровать. Ночник завалился на бок, мигнул и потух.

Король пошевелился. Клодия внутренне возликовала: сейчас Арагон проснется, кликнет слуг, а время до их появления она проведет в его объятиях, свободная от нелепых ночных кошмаров. Но рука, показавшаяся из-под одеяла, не была рукой короля. Не в силах закричать или пошевелиться, Клодия наблюдала за поднимающейся фигурой. Заостренные эстарийские уши, торчащие из буйной гривы иссиня-черных волос. Крепкие,

но изящные плечи и руки. Тонкие длинные пальцы. Тяжелая, не меньше, чем у Клодии, грудь. Обольстительный изгиб талии, округлые широкие бедра. Сверкнувшая за окном зарница осветила лицо незнакомки. Лицо, которое баронесса видела на карте и в заколдованном подземном зале. Неизвестная тем временем томно потянулась, скользнула к девушке, словно волна или прядь тумана, и нависла над ней.

— Кто ты... — выдавила Клодия, тут же добавив вторую часть старого как мир вопроса: — и что тебе нужно?

— Когда-то здесь меня называли Царицей Бурь. Впрочем, мое имя тебе ничего не даст, — страстно прошептала пришелица, наклонившись к розовому ушку баронессы. Вторую часть вопроса женщина (или призрак женщины?) оставила без ответа.

— Это все... из-за карты? — в голосе Клодии прозвучало отчаяние.

— Карты? О нет, дитя, — произнесла Царица Бурь, усмехнувшись. — Разве может резаный картон предсказывать, а тем более творить будущее? К добру ли, к худу ли, силы, столкнувшие нас, несоизмеримо могущественнее.

Она звонко расхохоталась, откинувшись назад, подставляя грудь и лицо порывам ветра. За окном было светло как днем от пляшущих в небесной черноте сполохов, однако раскаты грома доносились словно издалека.

— До меня дошли слухи, будто твоя оболочка способна вместить мой растревоженный дух, который ты и твои друзья так кстати освободили... — Клодия буквально ощутила, как взгляд Царицы скользит по телу, ее бросило в жар. — Но я бы предпочла встретиться с тобой при других обстоятельствах, во плоти. Как сейчас!

Оказавшиеся неожиданно сильными пальцы эстарийки жадно впились в плечи баронессы, в точности как пальцы Арагона сегодняшним вечером. Девушка попыталась вырваться. Тогда Царица Бурь поцеловала ее, страстно, по-мужски, и Клодия, сгорая от стыда, поняла, что отвечает ей с такой же, если не с большей, страстью, зажмурившись от охватившей ее истомы. Прикосновения эстарийской ведьмы распаляли. Баронесса полоснула ногтями по спине женщины, то ли отвечая на ласки, то ли защищаясь. Сознание покидало ее, реальность завивалась вокруг вихрями...

Клодия распахнула глаза и увидела склонившегося над собой короля, сосредоточенно водящего по изгибам ее фигуры мягким павлиньим перышком. Наверное, выдернутым из стоящего тут же на подоконнике букета. За окном во всем великолепии сияло весеннее утро, омытое дождем. Сквозь совершенно

не пострадавшие от ночной грозы стекла лился яркий солнечный свет. Покосившись на свои вызывающе торчащие соски, Клодия решила поделиться ночными страхами с царственным любовником чуть позже. «В самом деле, сон — это всего лишь сон», — подумала она, сладко выгнувшись и кинув на Арагона приглашающий взгляд из-под полуопущенных ресниц.

Налетевший сквознячок игриво выхватил из королевских пальцев перо и сбросил его на пол. Баронесса вздрогнула: на миг ей померещилось, что черты лица государя поплыли, обнажая ухмыляющуюся женскую физиономию. Клодия сдавленно крикнула, силясь отогнать морок.

— Верно, довольно с нас прелюдий! — задорно возвестил Арагон, подмяв Клодию под себя. Дрожь ее тела он, недолго думая, приписал девичьему нетерпению.

— *День 10 апреля года 1827 от основания
великого королевства Арагон.*

Утром Клодия возвращалась в свою комнату, запахнувшись в парадный плащ короля (платье было уничтожено нетерпеливым любовником), и встретила в одном из коридоров Вальдо. Негр стоял, сложив руки на груди, точно специально поджидал ее тут. Он осуждающе покачал головой, когда девушка приблизилась к нему. Клодия совершенно не подготовилась к объяснениям, но разве ее кто-то спрашивал?

— Госпожа баронесса, кажется, отлично развлеклась в королевских покоях? — в лоб спросил Вальдо и тут же продолжил: — Я всегда советовал Джону не принимать всерьез женщин, не верить их словам, главное — смирять собственные чувства. Я же предлагал уехать сразу после водворения Отэка в замок. Но разве он послушал старину Вальдо?! Нет! И вот теперь его сердце втопчет в грязь молоденькая вертихвостка! О, коварные, бесстыжие, похотливые, лживые бабы, лучший из мужчин скоро погибнет от любовной раны!

Сначала лицо Клодии залило краской стыда, но к концу тирады в ней поднялось раздражение. Ну почему мужчина, который не пропускает ни одной юбки, выговаривает ей за распушенность? Хотя совесть тоже не давала покоя... Девушка сверкнула глазами на своего обвинителя, раздула ноздри и сдавленно процедила: «Ты прав в одном: я непозволительно поступила, умолчав о своих многочисленных порочных связях и обманув доверие сэра Джона. Но сейчас я исправлю это. Ты увидишь — женщина может быть честной!» Баронесса метнулась мимо обескураженного судьи к покоям рыцаря, в ее глазах закипали слезы обиды и раскаяния, но девушка проглотила их,

зная, что придется быть решительной. Негр догнал Клодию у двери, даже попытался остановить ее. В комнату Джона они с Вальдо ворвались почти одновременно. Тот сидел на постели, ощупывая плотные повязки на ожогах, наверное, собираясь встать, и ошарашенно обернулся на грохот распахнувшейся двери.

— Джон, нам нужно серьезно поговорить! — задыхаясь, выпалила баронесса, не позволяя себе опомниться и передумать.

— Клодия, я всегда к твоим услугам, правда, я только проснулся, — ответил рыцарь, потрясенно оглядывая ее странный наряд и пристально всматриваясь в лицо.

— Это действительно важно, иначе я не потревожила бы тебя... вас! — девица сделала глубокий вдох, заставила себя не отводить глаз и твердо произнесла: — Сэр Джон, я вела себя нечестно по отношению к вам, и вот кто-то решил указать мне на это. Я надеюсь частично искупить оскорбление, нанесенное мной, открыв сейчас правду.

— Ну почему все мои благие начинания заканчиваются провалом? — пробормотал Вальдо, с досадой глядя на закаменевшую фигуру баронессы.

— Кло, не понимаю, о чем ты... — попытался остановить монолог Джон.

— Сэр, я обманывала вас: вы не единственный мой любовник! Уезжайте, как только затянутся раны, и не тратьте ваши чувства понапрасну. Потому что решить, кого из троих я выберу, по крайней мере сейчас, мне не по силам. Точнее, я не хочу выбирать... — Клодия перешла на шепот и опустила голову, — простите.

Она повернулась, уже собираясь выйти из комнаты, когда ее настиг спокойный голос Джона:

— Кло, послушай, я... мне довольно сложно подобрать слова, но, думаю, суть дойдет до тебя. Я немолод, повидал в жизни многое: любил и был любим, ненавидел, спасал и забирал жизни, и шел, шел к цели. Мне хочется, наконец, завести семью, дом. Ты потрясла меня и мой мир до основания. Я готов побороться за тебя, готов подождать твоего решения. Главное — я верю, что ты честна в своих чувствах. Скоро ты сможешь сделать выбор, и я приму его.

Джон глубоко вздохнул. Ему гораздо проще было бы устроить безобразный скандал, засим уехать либо вызвать соперников на дуэль. Плевать, что один из них король и оба — неопытные юнцы! Кровь одинаково красна у всех, она хорошо смывает любые печали. Но убийство пятнает душу, а ярость застилает глаза непроницаемой пеленой. А допустить этого рыцарь не имеет

права. Обернувшись, Клодия узрела лишь его широкую улыбку и ни тени горьких мыслей или сомнений.

Девушку захлестнули слезы стыда, благодарности, любви, она вздрагивала от рыданий, а Джон, выпроводив жестом озадаченного Вальдо, подошел к ней и обнял за плечи.

— Не плачьте, леди, красные глаза и нос не украсят вас, — с усмешкой сказал он, приподняв ее голову за подбородок.

— Вам нужно сменить бинты, — баронесса всхлипнула, неуверенно улыбнувшись, — позвольте, я принесу все необходимое?

— Клодия, во-первых, мы договорились обращаться друг к другу на «ты», а во-вторых, перевязка подождет, — Джон прижал девушку к себе и шепнул на ухо: — Я слишком долго лежал. Кажется, предписанный врачом покой уже можно нарушить, как ты считаешь?

Немного погодя из-за двери в спальню Джона раздавались лишь приглушенные сладострастные стоны. И в этот раз Клодия не добралась до своей комнаты...

**

События сегодняшнего вечера поставили жирную точку в истории «собаронов» Штейн, рядовых землевладельцев. Впрочем, она (история) не являлась таковой с самого начала. Нечасто встречаются прецеденты совместного управления манором, еще реже — передача титула незнакомцам, людям сомнительного происхождения. И вовсе за гранью вероятного находится приезд короля к этим новоиспеченным дворянам. А ведь все приправлено волшебством, таинственным и далеко не всякий раз светлым.

Однако ни утро, ни день не предвещали ничего экстраординарного и тихо канули в небытие.

Сам я отправился на пару часов к Джессике, купил у нее несколько банок лечебного зелья взамен истраченных, заодно рассказал о своем походе к духу. Теперь ее тетушке нет причины торопиться сюда. С другой стороны, от консультации опытной колдуньи глупо отмахиваться.

В это же время Айден с Клодией полетели к нему домой, намереваясь обсудить с родней молодого чародея пути выплаты долга семьи Фин-Сеалов Гильдии Магов. Инициатором была баронесса, упросившая короля уладить конфликт с главой Гильдии.

Вообще, похоже, девушка взяла Арагона XIII в оборот, отсрочив таким образом и наши долги. Происхождение Клодии до сих пор остается загадкой для меня. В ней удивительным

образом сочетаются светская утонченность
с непосредственностью девушки из простонародья и толикой шарма распутной девицы. Но, наверное, это не важно. Клодия, надо отдать ей должное, неплохо справляется с ролью благородной дамы, кем бы она ни была на самом деле. Меня смущают лишь ее заигрывания с государем, моим оруженосцем и сэром Джоном. Пока она флиртует с ними, не заходя дальше благосклонных улыбок, я не упрекну ее ни словом. Каждая барышня, тем более красивая, жаждет внимания и поощряет ухаживания. Но часто женщина заходит слишком далеко, уводя за собой и очарованных мужчин. Такой поворот равно опасен для обеих сторон: она теряет честь, он — покой, имущество, жизнь. Надеюсь, Клодия найдет в себе силы и вовремя скажет «нет».

Так вот, поездка выдалась не столь приятной, как рассчитывали бароны. На месте усадьбы Фин-Сеал обнаружили свежее, подмигивающее огоньками пепелище и неизвестный колдун. Злодей, представившийся Блейзом Ашенвейлом (тем самым человеком, который сжег филиал Гильдии в Риовейне), спалил дом вместе с находящимся внутри отцом Айдена. Полагаю, моим друзьям грозила та же участь, но появившаяся вдруг в поместье Лайла — сильнейшая из семейства Фин-Сеалов, а по совместительству айденовская тетка — вынудила Блейза отступить. Родственницу пригласили остановиться в нашем замке.

Прибытие гости отметили скромным сборищем в библиотеке, пожалуй, единственном месте, не оккупированном королевской свитой. Конечно, всем нам не терпелось обсудить с могучей волшебницей советы оракула, проклятия ифритки, заговор против монарха. Кроме того, я, например, чувствовал себя обязанным отвлечь Лайлу и Айдена от семейной трагедии. Тетушка оказалась на редкость рассеянна и, по-моему, слегка не в себе. Не мне судить о чародейских причудах, но дама не придавала вообще никакого значения ни гибели брата, ни попытке государственного переворота, зато очень беспокоилась за до сих пор холостого племянничка. Мы так и не получили от нее вразумительных ответов и беседовали о погоде и цветочках.

**

В то время как мы преспокойно пили чай в библиотеке, в соседнюю комнату, в которой жили королевские провидицы, проник убийца и безжалостно зарезал девушек. Вивиан и Лилиан уцелели в подземелье, полном монстров, но погибли от предательского клинка в собственной спальне. Однако они до последнего остались верны своему долгу: уже умирая, одна из них успела написать своей кровью предупреждение для Арагона. Оно гласило: «Нельзя возвращаться в столицу — там королю угрожает МА...» Мы решили, речь идет о магах, но кто знает, где истина? Злодей затем попытался наведаться в смежные покои монарха, но его остановил доблестный Кайт. Мы нашли труп убийцы в западной башне у окна, куда вели кровавые следы. А вот мажордом пропал. Подробностей поединка восстановить не удалось: никто ничего не видел. Впрочем, тела нашего воина мы тоже не обнаружили, и я верю — он еще объявится. За такой подвиг Кайт достоин награды.

Арагон XIII, пропустивший, к своему сожалению, покушение на собственную персону за вполне обыденным

времяпровождением — он уединился с одной из служанок, — немедленно начал собираться в Аэнар. Разубедить его величество не удалось.

Все, что остается, — сопровождать его, попытавшись как-то предотвратить опасность. Одно чувство долга заставляет меня спасать нашего бестолкового монарха. Он жаждет развязать войну, которая, я очень этого боюсь, может разрушить наше многострадальное королевство. И тем не менее Арагон XIII — мой сюзерен.

Естественно, со мной поедут Гилберт и Фессаха, благо кошка уже совсем оправилась. Рыцарский долг Джона тоже обязывает его ехать (вместе с Вальдо, конечно). Но, по-моему, более веской причиной, вынудившей воина влиться в наш отряд, явилось желание Клодии присоединиться к эскорту. Айден с Сиилин не захотели пропускать приключения. Маг, по-видимому, просто хочет быть подальше от сожженного дома. Саффи решила, воспользовавшись оказией, продать в столице драгоценные камни из подземелья. Еще с нами увязался Джек. Против его компании возражать никто не стал.

Клодия выдержала настоящую словесную битву с его величеством, зато теперь отряд поедет налегке — без свиты, зоопарка и фургонов. Из придворных к нам примкнут только Йоргос и Ферджин. На их присутствии настоял король, желая видеть среди малознакомых лиц хотя бы парочку известных. Но, надо полагать, эти физиономии Арагон знает лишь немногим лучше наших. Вовсе избавиться от питомцев тоже не получилось: путешествовать без левреток государь якобы не может. Ну и ладно, главное, чтобы не потребовал взять с собой слона или тигра.

Джон, исходивший земли Леодара вдоль и поперек, обещал составить маршрут в обход крупных городов и дворянских замков. Вряд ли всех врагов Арагона XIII удастся сбить таким образом со следа, но мы, безусловно, будем двигаться куда быстрее и станем менее предсказуемыми.

Удивительно, но когда я пришел попрощаться с Эвистрайей, она тоже выразила решимость поехать с нами. На мой вопрос, зачем ей это, эльфийка ответила: «Хороших элион-эйя отличает умение предчувствовать важные события, о которых можно сложить приятную слуху богов песню». Она верит, что наше путешествие окажется таковыми наполнено. Не скрою, мне приятно общество певицы.

Поскольку оставлять баронство без присмотра не хочется, а мэру мы теперь не слишком доверяем (он доказал, что легко поддается чужому влиянию и малоинициативен), то Клодия

уговорила с Моной. Идея поручить дела феода трактирщице выглядит абсурдной, но, право, Мона де Лонзо, наверное, самый компетентный управленец в Штейне.

Завтра выдвигаемся, да помогут нам боги. Лишь бы смерть не настигла меня в дороге; теперь, когда появился шанс вернуть обратно мой людской облик, будет совсем печально погибнуть как огр, а не как человек.

— День 11 апреля года 1827 от основания
великого королевства Арагон.

— Не мы выбираем пути. Путь выбирает нас.

Эвистрайя, элион-эйя дома Эвин.

Первый день путешествия. Никаких достойных внимания событий, кроме, разве что, маскарада Арагона XIII, который еще в замке переоделся в нищего и чуть не получил плетью от одного из своих охранников. Хорошо, я успел задержать руку ревнителя чистоты баронских владений от попрошаек. Правда, позже ликующий, довольный своей находчивостью и артистизмом король вернулся к своему привычному облику. Помимо того, Арагон не на шутку загорелся идеей путешествия инкогнито и не стал надевать корону или другие монаршие регалии.

Полагаю, уже завтра покинем пределы наших земель. В отсутствие новостей я стану обращаться к дневнику не каждый день, а только если случится нечто, заслуживающее внимания.

Клодия металась под одеялом, не в силах заснуть отринув тревоги, коих накопилось предостаточно. Дорожная усталость не способна была взять верх в поединке с волнением. А обычно содействовавшие крепкому сну лесной воздух, шум ветра в кронах деревьев, звуки ночной жизни раздражали. Тогда девушка взялась за перо, надеясь выплеснуть на бумагу кипевшие в ней страсть и смятение, а быть может, и разобраться в себе.

Я окончательно запуталась! Я люблю всех троих и знаю, что рано или поздно должна буду выбрать, но боюсь. Как понять, истинны ли мои чувства? В своих избранниках я не сомневаюсь. Ох, лучше бы прямо сейчас рассеять этот клубок лжи!

Гилберт пылает все жарче и жарче, словно раскаленная добела сталь. Сломается он либо обретет присущую хорошим клинкам гибкость и твердость, если я откажу ему окончательно?

Джон... Любовь его похожа на прозрачное озеро. Вода ласкова, безмятежна, мне виден золотящийся песок на дне, но до него

не дотянешься, не нырнешь так глубоко, видны берега, но до них не доплыть. Стану ли я песчинкой здесь? Или жемчужиной...

Арагон как ветер. Не поймает, не удержишь, но подхваченная им можешь летать. А в момент затишья то ли рухнешь, то ли мягко опустишься в траву. Вихрь раздувает пожары, нагоняет волны, выеивает скалы. Шумит в голове.

Каждую минуту сердце готово разорваться. Все слишком далеко зашло: я была непозволительно беспечна, а теперь чудовищный груз ответственности вкупе с совестью и любовью давит все сильнее. Разве могло это случиться за десять дней?

А тело продолжает подводить меня, кидаясь в объятия поочередно Джона, Гилберта и Арагона, и пока оно млеет от ласк, разум мечется в поисках выхода. Лишь бы никто не узнал!

— День 12 апреля года 1827 от основания
великого королевства Арагон.

Все еще ничего нового, так же убегает вдаль дорога. Привычная рутина долгого пути. Я скрашиваю путешествие беседой с Эвистрайей.

Строгая холодность эльфийской девушки прямо-таки бросает вызов — я обязан разгадать эту тайну. До сих пор отказов я не слышал, но к Эви даже не подступишься. Вернее, у меня не получается, подобно Арагону, прямо задавать столь щекотливый вопрос. Я же не хамоватый юнец!

Он позволяет себе открыто флиртовать со всеми девицами сразу, говорить им непристойности, даже лапать их! Пикси и та не избежала его внимания. Его не смущает «нет», ведь для короля такого слова не существует — только «да». Я не считаю приемлемым вести себя столь нагло.

Поскольку мои диалоги с Эвистрайей представляют определенную ценность, ниже приведу их в записях, сохранив ответы певицы богов без каких-либо поправок.

Меня давно интересовало, используется элион исключительно для важной ритуальной музыки или на нем играют для развлечения тоже. Последовал вполне предсказуемый ответ. По словам Эвистрайи, развлечения необходимы тем, кто живет в хаосе событий и чувств. Жизнь любого эйраи упорядочена.

Еще я осведомился, почему Эвистрайя предпочла путь певицы богов. Она необычайно удивилась.

— Я предпочла? Вы, люди, воображаете, будто прокладываете Пути, но на самом-то деле они выбирают вас. Эйраи это понимают и с рождения следуют избравшим их Путем.

— Неужели все твои родичи живут именно так, или Путь

выбирает не всех? Вы и чувства подчиняете предопределенности?

— Путь выбирает всякого, даже у богов есть свои Пути. Чувства и эмоции ведут к хаосу, хаос — к безумию.

— Тогда, выходит, все народы, кроме твоего, идут стезей безумия? Даже другие древние расы? А эйраи... были ли они столь же беспристрастны до войны с людьми? Я заранее прошу извинить меня за подобные вопросы. Если ты сочтешь их слишком грубыми или недопустимыми, то сразу скажи об этом. Просто хочется понять тебя. Я всегда полагал чувства одной из частей целого — такой же, как холодная логика или алогичная интуиция. Дико слышать, что все можно отделить от эмоций — даже, например, музыку. Как можно любить в таких жестких рамках? В чем вред, например, радости от свершения?

— Старейшины рассказывают об эстарийских божествах, владевших звездным океаном от Глаз Дракона до Плаща Странника. Они знали свой Путь, но отвергли его. Теперь их небесные чертоги лежат в руинах, а тени богов бродят среди смертных, печальные и потерянные. Даже когда они способны сохранить частицу себя, как это удалось Царице Бурь, то не ведают гармонии, покоя, счастье обходит их стороной. Вот плата за отверженный Путь. Что касается эмоций — они ничем не отличаются от ног и рук. А ведь если ты не в силах управлять своей ногой или рукой, тебя называют калекой. Наш народ, заплатив однажды свою цену за неумение подчинить чувства разуму, не повторит ошибки.

— То есть вы все же не отрицаете эмоции как таковые, а лишь не даете им господствовать над разумом, жестко контролируя их? В чем же состояла ошибка эйраи? Вряд ли проигрыш человеческой расе в войне был итогом восставших чувств.

— Я избегаю оценок и суждений. Но одно знаю точно: позволь сегодня своей руке пощекотать себя без твоего ведома, и завтра она может тебя ударить.

— А песни, которые ты складываешь, — они только твои, или элион-эйя обмениваются ими?

— Песни, как тайны, ревностно охраняют. Они принадлежат клану, и обмен происходит в пределах составляющих его Домов. Когда высшие придут забрать нас, места на кораблях хватит не всем. Клан, в котором были лучшие элион-эйя, имеет больше шансов отправиться на небеса.

А вот это любопытно! Критерием отбора достойных полететь на небо станут песни... интересные боги. Честно говоря, я едва удержался от смешка. Порой верования принимают совсем уж фантастические формы.

— И ты действительно надеешься, что они прилетят за твоим

народом?

— Я знаю это. У нас справедливые боги. Небесные чертоги разрушены, уцелела лишь малая часть, там нет места для тех, кто не верил, не сложил достойных песен.

— Но почему они вообще ушли? Ведь после битвы остались уцелевшие...

— Восстановить небесную сферу и зажечь погасшие звезды — непростое дело даже для богов.

— Пожалуй, ты запишешь меня в глупцы... Пускай! Мне не дает покоя загадка: есть ли в твоей жизни что-то помимо Пути?

— Путь и жизнь — синонимы. Когда ты перестаешь идти, жизнь заканчивается.

— Ты меня не поняла. Я не имею в виду прерывание Пути. Пускаешь ли ты в свои мысли что-то, кроме Песни?

— Все, происходящее со мной, окружающее меня, — часть Пути. Пока я следую им, не случится ничего дурного.

— И ты счастлива? Хотя жить без страхов, печалей и сомнений, наверное, неплохо.

— Я не желаю другой жизни.

Замкнутый круг какой-то! Никогда еще женщина не ускользала от меня так ловко. Как правило, барышни довольно предсказуемы: бросаются в объятия без лишних слов, как Фесс, либо некоторое время жеманничают, но в итоге заканчивают тем же, как Саффи. Но в этой я не вижу ни того, ни другого!

Ладно, оставляю пока как есть.

— Кстати, а когда ты сложила свою первую песню?

— Первую песню... Примерно двадцатую часть Круга назад. Это около пятидесяти лет по вашему счету.

— А тебе известно что-нибудь о народе, который люди называют темными эльфами?

— Эйраи происходят из семени эстарийских богов, эйлери же, или темные эльфы, были сотворены для войны и страсти древними, преданными забвению демиургами, покинувшими звездную сферу. Создатели открыли им секрет постройки небесных кораблей. И в своей бесконечной гордыне эйлери встали рядом с божественным войском, когда Дра-Уг-Ла и Фин-Да-Йа явились похитить звездный свет. Расплата за подобную самоуверенность была ужасной. Воины Дра-Уг-Ла разметали эйлерийские суда, охотники Фин-Да-Йа пожрали души павших. Пострадали все: враги устремились в пробитую брешь, почти истребили богов, разрушили их жилища, а мы теперь вынуждены убивать друг друга из-за клочка зеленой плодородной земли, постепенно забывая о величии Золотого Века...

С меня на сегодня достаточно головоломок. Нужно будет скрасить вечер, поохотившись вместе с Фессахой. Впрочем, это скучновато.

Быть может, София отвлечется от ухаживаний Арагона? Огриная физиономия, особенно скрытая иллюзией, не больно-то смущала ее до сих пор. Как-то даже унизительно, что женщин не заботит мое безобразие, словно ничего во мне не изменилось.

— День 14 апреля года 1827 от основания
великого королевства Арагон.

— Всегда найдутся существа, которых вы предпочли бы
не видеть рядом с собой.

Ленс, магистр Белого ордена.

К полудню сего дня мы достигли городка с поэтичным названием Всколмье. Сразу бросилось в глаза отсутствие стражников в городских воротах, тревожная пустота улиц. Но, как скоро обнаружилось, население города столпилось на главной площади, обсуждая угрозу, исходящую от живущих неподалеку огров. Кликнув ближайшего простолюдина, я приказал ему позвать мэра. Немного погодя мы знали все подробности происходящего.

Оказалось, уже сотни лет (полагаю, так было и до прихода людей в эти земли) здесь обитает небольшое огриное племя. Годами люди мирно жили рядом с чудищами. Хотя особой приязни между ними не наблюдалось, спускать с поводка бешеного пса войны не хотелось никому. Но три дня назад твари будто вернулись в свое дикое прошлое. Они принялись убивать. Горожане отправили гонца в замок барона Гато, местного землевладельца, но туда не меньше двух дней дороги, и ответа еще не было. Часть жителей настаивала на необходимости разобраться с ограми самим. Тем, кто никогда не сражался с ними, огры кажутся очень медлительными и тупыми. Ошибка, многим стоившая жизни.

Градоправитель смиренно попросил нас о помощи, и мы согласились вмешаться. Нужно было найти причину, вынудившую монстров разорвать негласный мир с соседями, а потом либо образумить их, либо уничтожить. Ситуация точь-в-точь повторяла столкновение с гоблинами в Штейне.

Вдруг от беседы с мэром нас отвлек вновь поднявшийся на площади гвалт. Горожане загнали в дровяник какое-то существо, чуть ли не лазутчика огров. Теперь они, опасаясь войти в злополучный сарай, собирались сжечь постройку вместе

с таинственной тварью. Снедаемый неприятным предчувствием, я решил посмотреть на «чудовище».

Стоило только протиснуться внутрь, как смутная тень бросилась на меня. Едва избежав удара, я занес уже меч, но вовремя узнал Фессаху. Она отпрянула, наверное, так до конца и не осознав, кто перед ней, ощерилась, зашипела. Люди настороженно ждали снаружи. Тогда я вложил клинок в ножны, взял кошку на руки, выбрался на улицу и объявил, что это моя рабыня, обижать которую не следует. Чернь немного поворчала, но спорить с воином без малого трех метров ростом, тем более благородным, не решилась.

Подозреваю, неутомонная хвостатая тишком ускользнула побродить по околотку. Естественно, во Вσχолмье никогда не встречали подобных Фесс, посему приняли ее за опасное страшилище. Ну а дальше все произошло именно так, как положено в подобных случаях. Толпа, вооруженная колями, вилами и факелами, преследовала кошку до этого самого дровяника. Я, конечно, попытался убедить Фессаху больше не убегать от меня в людных местах, но, опасаясь, мои увещевания тщетны.

Мы отправили Айдена и Клодию на воздушную разведку. Они должны были посмотреть на расположение стойбища огров, а также выяснить, не видно ли на подходе баронского войска. Если местный лендлорд подошел к решению проблемы своих земель вплотную, то мешать ему будет невежливо. Остальные остались переночевать в городе.

Отдохнуть не удалось. К полуночи радикально настроенные мужчины постановили самостоятельно решить проблему огров. Все это время они накачивались пивом в местной таверне, слушая трактирщика, бывшего путешественника, яро ненавидящего всех нелюдей. С тем же дреколем и факелами, которыми стращали мою кошку, мужики направились «вершить месть». Кажется, я заметил пару дрянных мечей, ну, понятно, топоры и вилы считать уже не стал. Отряд с песнями, под поощрительные выкрики провожающих удалялся прочь.

Наша гостиница по удачному стечению обстоятельств располагалась недалеко от ворот, через которые вооруженная толпа покинула город. Не оставалось ничего другого, как последовать за «карателями», поскольку Джон обязан безвозмездно защищать людей от бед, пусть даже вызванных их собственной глупостью. Нам стоило опередить разбушевавшихся всхолмцев. Правда, Арагон XIII высказался за то, чтобы не взваливать на себя проблемы местных дураков, но обрисованная Вальдо перспектива охоты на огров

заинтересовала и его.

На опушке леса мы пересеклись с нашими разведчиками. Толпа горожан слегка задержалась в дороге, осев у какого-то доброхота на ферме. Полагаю, отряд горожан изрядно пополнится там сочувствующими. Клодия с Айденом не обнаружили войска барона (похоже, он вздумал отсидеться в замке), зато нашли огров. Они и не скрывались — двигались навстречу нам. Вероятно, чудища вознамерились очутиться под стенами Вскхольма к рассвету.

Через час пути впереди возник передовой отряд — твари о чем-то совещались. Клодия полетела взглянуть на происходящее. Хотя языка огров она (если быть точным, никто из нас) не знала, ей удалось побеседовать с вождем, достаточно «образованным», чтобы понимать всеобщий язык. Оказалось, пять дней назад шаману племени явилась Царица Бурь, объявив о начале коренных перемен и призвав древние народы изгнать людей со своих исконных земель. Она уверила шамана, что люди не смогут противостоять ярости истинных владельцев Леодара, и огры радостно подчинились.

Вождь отвергнул какие-либо переговоры. «Вы уходите или умираете, третьего не дано», — заявил он. Однако в просьбе баронессы проводить ее к шаману не отказал. Ее одну. Когда Клодия объявила об этом нам, Гилберт в прямом смысле слова взбунтовался. Юноша не хотел отпускать девушку в стан людоедов, даже упрекал остальных в трусости. И быть бы ему обезглавленным королевской рукой за подобную дерзость, но в спор вовремя вмешался сэр Джон. В конечном итоге нам удалось убедить Гилберта — меня в качестве защитника будет достаточно. Без маскирующего амулета Джессики мне ничего не стоило сойти если не за огра, то уж за полукровку точно. Вождь разрешил присутствие подобной «свиты».

Переговоры в становище не принесли результатов. Огры твердо решили: пришел их час. Собственно, здесь собрались все взрослые мужчины племени. Больше того, шаман провозгласил, что именно Клодию Царица Бурь собирается использовать для своего материального воплощения в мир смертных. По его словам, «золотоволосая» должна была остаться в племени для подготовки ее тела к вселению царственного духа.

На нас эта новость обрушилась как снежная лавина. Вернее, на меня. Баронесса же вздрогнула, но потом неожиданно потребовала у огров послушания, раз она является избранницей Царицы. Быстро же она освоилась в новой роли. Бред какой-то! Каким образом связаны Клодия и могущественная тень богов?

Я отстранил баронессу, собираясь пустить в ход доводы

холодной стали, огры вокруг нас зароптали, поднялись копыя. Все ждали лишь слова главы племени.

Но сражение началось даже раньше, чем ожидалось. С ближайшего дерева внезапно прыгнула Фессаха. Она, набросившись на шамана, вырвала ему горло. Время переговоров, следовательно, истекло. Я с места атаковал вождя. Тот оказался хорошим воином, отбил несколько моих ударов, даже был близок к тому, чтобы попасть по мне. Все же, когда Клодия, произнеся заклинание, оторвала его от земли, огр растерялся, после чего я легко зарубил его. Фессаха, так хорошо начав бой, совершила обычную для нее глупость — утробно урча, принялась глотать поверженного врага.

В нас полетели копыя. Воины, наконец, осмыслили произошедшее. Моей броне эти комариные укусы ничего не могли сделать, а баронесса своевременно взмыла над верхушками деревьев. Огры очень удивились такому повороту дела. А тут еще сверху донесся звучный голос Клодии, приказывавший племени подчиниться новому вождю. Мда, то есть мне.

Странно, но непонимающие всеобщей речи монстры, видимо, прониклись смыслом сказанного. Или они приняли нашу неуязвимость за проявление воли Царицы Бурь? Понятия не имею. Огры побросали оружие и простерлись ниц.

В этот самый момент в деревню ворвался Вальдо верхом на своем верном кобо, за ним — остальные наши товарищи. Началась резня. Мы перебили всех тварей. Женщины, старики, дети — никто не уцелел в этой мясорубке.

Сейчас, когда ярость схватки осталась позади, я пытаюсь разобраться: можно ли было поступить иначе? Можно ли было пощадить уже отведавших человечины чудищ? Могли бы мы договориться с ними и с жителями города, для которых любой непохожий на человека — враг? Можно ли было оставить жизнь детям, зная об их неизбежной участи рабов? Я не нахожу ответа, не нахожу другого решения.

Мой юный оруженосец не сомневается в правильности совершенной кары: «Любой монстр-людоед заслуживает смерти», — заявляет Гилберт. Вероятно, он прав. Однако иногда тяжесть долга, долга защищать людей, которые подчас тебе совсем не нравятся, очень велика.

Спасибо богам, такое случается со мной не очень часто. Мои клятвы проще, я свободнее в своих деяниях, и в такой ситуации могу даже просто убежать от ответственности. Но я не в силах представить, как живет с таким грузом Джон? Я видел по его глазам — в отличие от Вальдо, короля и Гилберта, он тоже

чувствует боль, обрезая нити жизней существ виновных, в общем-то, лишь в том, что они есть. Грязная кровавая работа, но кто делает ее, если не мы?

Наверное, во Всхолмье устроят теперь праздник, однако у нас нет желания присутствовать там. Отряд отправляется дальше. Прочь из этого места!

— День 16 апреля года 1827 от основания
великого королевства Арагон.

Странности продолжают. Отдыхающего в палатке Арагона чуть не загрыз барсук! Если бы не вмешавшийся вовремя Джек, наше путешествие закончилось бы, едва начавшись.

Животное явно было не простым, да и не полезет обыкновенный зверь в палатку почти в середине лагеря лакомиться человечиной, тем более барсук, миролюбивый поедатель кореньев. Таким образом, мы получили еще одно подтверждение того, что заговор вызревает среди магов. Ну или при их активном пособничестве. Я знаю, как бороться с яростью и честной сталью, но как противостоять колдовству? В нашем отряде, конечно, трое чародеев, но хватит ли этого против мощи целой Гильдии, если вдруг дела настолько плохи? Судя по встрече с Сеймуром Годхандом — нет. Впрочем, отступить поздно. Вперед, там будет видно.

Несмотря на начинающийся ливень и ночную пору, сворачиваем лагерь: кто знает, сколько зачарованных зверей бродит в округе? Да и все равно, выходит, нас отыскивали. Теперь единственный способ оторваться от слежки — двигаться быстро. Возможно, Джону стоило бы немного изменить курс.

Дождь отправился за нами следом, посему мы решили все же рискнуть и завернуть в ближайшее поселение. Рейнвуд, крошечный городок, прятался за невысокими стенами на холме. К нашим услугам была единственная здесь гостиница. Но это лучше, чем ничего.

За ужином произошел неприятный казус. Наш отряд, пожалуй, выглядит достаточно подозрительно, особенно после пары километров, пройденных по сплошной грязи, гордо именуемой основным трактом. Заляпанные плащи, высокие сапоги, от которых на полу остаются жирные блестящие следы, походная темная одежда — внешность, не располагающая к доверию.

А в городке уже несколько дней пропадают дети, и, естественно, шериф решил, будто мы те самые неуловимые похитители, которых стража сбившись с ног, ищет все это время. По счастью, мне удалось разубедить слугителя порядка.

Баронские патент и корона иногда позволяют избежать такого рода неприятностей.

Однако кто-то ворует детей. Можем ли мы ехать дальше, оставляя город в беде, даже не попробовав помочь? Хотя к чему размышления. У Джона просто нет выбора, у меня кровоточит совесть после расправы над ограми — стоит, по крайней мере, попытаться!

— День 18 апреля года 1827 от основания
великого королевства Арагон.

— Дракон? Да кто поверит в такую чушь!

Путешественник Эреб Линн, последние слова.

Прямо с утра мы принялись за поиски сгинувших ребятишек. Опушу все эти долгие блуждания и расспросы местных, подарившие нам десятки различных описаний (под некоторые из них подходили и наши спутницы) незнакомой никому женщины, присутствовавшей каждый раз на месте преступления и бесследно исчезающей.

Наконец нас навела на след жрица Мистралины, живущая в лесу рядом с храмом. Она видела, как некая девушка уводила в лес восьмилетнего мальчика, похожего на одного из пропавших.

Если верить легендам, здесь когда-то обитали драконы. Говорят даже, они до сих пор скрываются в чаще. Впрочем, кто из исполинских ящеров мог уцелеть после кампании по истреблению нелюдей, развернутой когда-то Арагоном I?! Я поинтересовался о драконах у Эвистрайи.

В период великой войны многие из них отказались участвовать в битве на стороне армии Царицы Бурь. Они были слишком горды и самонадеянны, чтобы вставать под чьи-то знамена, предпочитая остаться в стороне. Именно это и погубило их. После установления мира рыцари древности подвига ради перебили всех чудищ поодиночке. Оружие героев легко рассекало несокрушимую чешую, а зачарованные латы защищали от смертоносного дыхания. В те дни появилась традиция, по сию пору будоражащая умы благородных юношей, которая предписывала посвящать даме сердца победу над какой-нибудь тварью. Драконов истребили. Так закончилась история могущественных повелителей небес. Может, где-то они живут еще, но сам я их не видел, и не знаю никого, кто, не соврав, рассказал бы о встрече с крылатым змеем. Насколько мне известно, ныне молодые воины вынуждены довольствоваться гоблинами, орками, в лучшем случае — ограми. Хотя вот

встретился же нам Серый Бродяга, и откуда вылез-то?

Поблуждав по лесу пару часов, мы вышли к древним развалинам, смахивающим, на первый взгляд, на утес, внезапно продравшийся сквозь траву посреди поляны. Правда, вблизи я рассмотрел скульптурные украшения, окна, лестницы и галереи, обтекающие скалу, которая, кстати, была отполирована до зеркального блеска. Мы в изумлении пошли вокруг.

Интересно, какого размера хозяин обитал здесь? Ответ на этот невысказанный вопрос нашелся у Джона: по его предположению, владельцами твердыни являлись драконы. Почему нет? Доля истины есть даже в самой невероятной легенде.

Обогнув следующий «отрог», мы заметили двух ребят лет девяти, которые тащили к чернеющему провалу ворот убитую косулю. Сиилин и Клодия взялись проследить за ними, а все остальные остались снаружи. Баронесса быстро вернулась, оповестив, что в разрушенном замке нашлись все пропавшие дети, даже на одного больше. Фею мы прождали еще минут пятнадцать, затем решили идти-таки внутрь без нее.

Ведомый Клодией, наш отряд добрался до обширного зала, где в центре вокруг костра расположились те самые десять пропавших детей. В дальнем углу помещения на каменном троне развалилась едва прикрытая звериными шкурами девушка-подросток с длинными серебряными волосами лет эдак пятнадцати на вид. Она болтала о чем-то с Сиилин, но при нашем появлении отвлеклась от беседы. Барышня оглядела нас, выслушала какой-то комментарий от пикси, хмыкнула и громко заявила, какой я отвратительный (как же мне надоела моя мерзкая харя!), а Гилберт — миленький. Фея снова зашептала ей на ухо.

Девушка показалась мне очень симпатичной и непосредственной. Моему оруженосцу она тоже явно понравилась: он прямо-таки прикипел к ней взглядом.

Джон, даже не обращая внимания на юную красавицу, попытался узнать у ребятешек, кто увел их в лес. Судя по всему, детки просто решили сбежать от родителей, а теперь вовсе не желают возвращаться домой. Я сначала предложил увести их силой, но потом, поразмыслив, отмел эту идею. Может, родные обращались с малышами грубо? Поди угадай. Вдруг Гилберт, словно в подтверждение моих рассуждений, потребовал у нас остаться здесь и оберегать детвору от опасностей, грозящих им в чащобе. Впрочем, как он сообщил, мы можем продолжить свой путь — хватит и его меча. Мне, правда, подумалось, что ему хотелось задержаться подле старшей обитательницы лесного

чертога. Могу его понять. В первый миг у меня возник глупый порыв запретить Гилберту своевольничать, ведь оруженосец не должен покидать своего сюзерена, но потом я признался себе: детям защитник куда нужнее, чем мне — мальчик на побегушках. Вообще мысли скакали и путались, чего со мной, как правило, не бывает. Я отпустил юного воина. Кроме того, решив хоть немного помочь маленьким дикарям, я принялся очищать залу от обломков колонн, лепнины и прочего тяжелого мусора, с которым они вряд ли бы справились.

Тут буквально на ровном месте вспыхнула Клодия. Обвинив среброволосую барышню в воровстве, она ушла прочь. Больше всего это напоминало приступ ревности. Дело обычное, но, по моему мнению, найденная девушка будет лучшей парой Гилберту, чем баронесса. Клодия слишком подходит под определение роковой женщины. И однажды мой оруженосец может погибнуть, вызвав на дуэль, например, Джона. Мне бы не хотелось такого.

Чудно как-то, но после выхода Кло у меня прояснилось в голове, а юный рыцарь, словно очнувшись, тер лоб и затравленно оглядывался. Король, ковыряя мизинцем в ухе, предложил Джону и Вальдо пойти поискать уже огромного дракона, обещанного его величеству, и они удалились. Разбрелись по замковым закоулкам и остальные мои спутники. Последним вышел Гилберт. Кажется, юноша расстроился из-за баронессы, скорее всего, он поспешит сейчас отыскать ее и вымолить прощение. Надеюсь, его сердце в ближайшее время забудет Клодию.

Пока происходила эта краткая сценка, пикси продолжала общаться с Лексиз (забегу вперед, ибо девица представилась нам позже). Они обсуждали какие-то возмутительные глупости вроде возможности «разведения людей с целью получить более красивую расу» или «могут ли скрещиваться разные виды». Ладно Сиилин, но какой интерес в подобной, отдающей бесстыдством, беседе нашла для себя юная дикарка, мне непонятно. Зато, благодаря болтовне феи, Лексиз решила отправиться с нами. А без своей предводительницы остальные дети неожиданно захотели вернуться по домам, более того, все они разревелись в голос, испуганно озираясь по сторонам. Вот это поворот!

Единственными, кто остался недоволен мирной развязкой истории с похищенными ребятишками, были Арагон XIII и Гилберт: они-то предвкушали сражение с ужасающим крылатым монстром. Но от него остался лишь замок, лес — даже поздним вечером — оказался самым заурядным. Похоже, местные обитатели признали нас самыми страшными здесь и попрятались.

По мне, так если есть здесь драконы, то пусть живут. Людям они, судя по тишине этих мест, особенно не вредят, так незачем лишать этот мир еще одной волшебной сказки. Зачем встречать все непривычное с острой сталью в руке? Уверен, все может быть иначе! Я с удовольствием посмотрел бы на дракона не через забрало шлема, но как друг или хотя бы не как враг.

Вернули всех деток счастливым родителям. Лексиз, оказавшаяся сиротой, которая всю сознательную жизнь обитала в лесном замке, поедет с нами. Король поначалу выступил против подозрительной незнакомки в собственном эскорте, но, скорее, для виду. А вот Клодия восприняла перспективу присутствия среброволосой дикарки на удивление ровно. То ли баронесса не сочла ее достойной своего волнения, то ли это означает, что Гилберт и впрямь зря надеется на благосклонность Клодии. Кто поймет?

Сиилин обещала присмотреть за Лексиз. Не решил пока, радуется это меня или пугает. Молоденькой барышне нужен бы наставник посерьезнее.

— День 19 апреля года 1827 от основания
великого королевства Арагон.

Во время дневного привала Клодия поделилась с нами любопытными сведениями. Как ни странно, ей известно, где находится «гнездо» заговорщиков, намеревающихся убить Арагона XIII.

Помимо государственного переворота в королевстве (точно этого мало!), они вознамерились вызвать дух Царицы Бурь, заполучив могущественного союзника. А вот «воплощением» божества, как мы уже слышали однажды, будет баронесса. Каким образом мятежники будут контролировать древнюю сущность, девушка, естественно, даже не может предположить. Но наверняка у них есть какой-то план.

Ошибусь ли я, полагая, что целью злодеев является весь Леодар? Боюсь, нет.

По словам Клодии, злоумышленники собираются в замке Фальд, владении барона Фредерика Сантаре. Теперь, наконец, стало ясно, зачем наведывались в Штейн «Весельчаки Донателло»...

Откуда бы Клодия ни получала сведения — то ли Эльвира продолжает работать на нее, то ли информация нисходит на баронессу, как вдохновение на художника, — до сих пор ошибок не было. Это загадка. Другое дело, что порой нам лучше бы не знать всего, не лезть в самое пекло, а так, узнав, мы не имеем права пройти стороной.

Его величество требует нанести удар в самое сердце мятежа. На этот раз я полностью разделяю его мнение. Имеется неплохой шанс заставить их врасплох. Вряд ли ренегаты ожидают столь смелой выходки. Меняем курс.

Удивительно, однако сэр Джон высказался против. По его мнению, риск попасть в ловушку превышает возможность удачно подсесть корни мятежа. Белый рыцарь не имеет права избегать опасности, если нужна его помощь. Он не поделился своими тревогами, молча выслушал повторный приказ государя и повел нас к новой цели. До конца дня еще полно времени и поворотов дороги.

Вот, кстати, о чем я и говорил: у феи слишком много «важных» дел, отвлекающих ее от заботы о нашей новой спутнице.

Вечером Лексиз незаметно увязалась за Арагоном и Клодией, явно собиравшимися уединиться (мда, это как раз то, о чем я предпочел бы не знать). А следовательно, в ее воспитании появится новый неучтенный Сиилин аспект, от которого я бы, например, не был в восторге. К сожалению, остановить любопытствующую девушку я не успел.

Придется уповать на случай: или она их не обнаружит, или они ее заметят и постесняются (пишу и сам не верю в подобное стечение обстоятельств).

— *День 23 апреля года 1827 от основания
великого королевства Арагон.*

Вот уже показалось побережье, до владений Фредерика совсем недалеко. Однако вечер сего дня принес с собой неприятности, из-за которых скорость нашего движения, несомненно, понизится.

Как только мы начали устраиваться на ночь, раздался могучий рокот, белый луч прорезал облака, а потом на горизонте полыхнула ярчайшая вспышка. Ненадолго все лишились зрения. Эвистрайя благоговейно воскликнула: «Стрела богов! Они пришли за нами!» — и пала ниц.

Тем временем нечто, рухнув в море, породило колоссальную волну, которая, сметая все на своем пути, понеслась к берегу. Подхватив на руки эльфийку и закинув за спину сумку, я побежал. Снова. Все бросились к ближайшей возвышенности. Как ни прискорбно, но вывести лошадей не удалось. Животные, испугавшись, игнорировали команды, а времени тащить их силой не оставалось — мы сами едва успели спастись от несущей смерти воды. Лишь конь Джона и кобо Вальдо уцелели, привыкшие, видимо, к разного рода передрягам.

Холм был достаточно велик, чтобы успевшая потерять высоту

волна не смахнула нас. Верилось, что все уже позади, когда Эвистрайя пришла в себя и осознала: элион остался внизу, оброненный при бегстве. Эйрайка закричала так, будто утонула вся ее семья. Мне показалось, она готова покончить с собой от горя. К счастью, вмешалась Клодия.

Несколько томительных минут мы наблюдали, как светлая фигурка стремительно кружит над водоворотами. Баронесса буквально отвоевала музыкальный инструмент у стихии, выдернув его из ветвей сосны, снесенной морским валом.

Получив свой бесценный элион обратно, Эвистрайя возвестила, что все мы созерцали знамение — божественную стрелу, предвещающую скорое появление самих богов. Разумеется, она тут же принялась играть, указывая высшим силам свое местоположение. Вряд ли из этого выйдет толк, но разубедить ее просто невозможно.

От лагеря ничего не осталось — все унесло в море. Саффи теперь упрекает Клодию: мол, нужно было спасать не бесполезную эльфячью волынку, а одеяла, котлы, палатки и прочее. Впрочем, свою-то сумку с кристаллами София не забыла.

Мы покинули наше убежище, едва обнажилась дорога. Нужно найти место посуше. Эвистрайю я посадил себе на загривок. Идти, одновременно играя, она вряд ли смогла бы.

— День 25 апреля года 1827 от основания
великого королевства Арагон.

Сегодня мы приблизились к нашей цели еще немного: до Фальдорфа остается меньше суток пути. Эвистрайя продолжает играть, сидя у меня на плечах. Хорошо еще, мне нравится мелодия. Вальдо, например, уже потихоньку сходит с ума от этих звуков, как он сам утверждает. Правда, сомневаюсь, что подобные мелочи волнуют эльфийку.

**

В сумерках дорогу нам преградили четыре таинственные фигуры. Я схватился за меч, но выяснилось, что перед нами магистры Белого Ордена собственной персоной. Об этом нам сообщил Джон, который, получается, и сам не рядовой Странствующий рыцарь. Вообще картина складывалась своеобразная: якобы главы ордена, ведомые неким пророчеством, давно следят за государем, баронством Штейн и многочисленными королевскими бастардами. Естественно, каким образом связаны все эти элементы, нам не доложили. Я лишь сделал выводы из нескольких скупых фраз, которыми

встречные воины перекинулись с Джоном. Прочих словно бы и не было рядом, хотя имена наши в беседе прозвучали.

Позволю себе чуть подробнее описать колоритные фигуры Белых рыцарей. И сами всадники, и их верховые звери заслуживают внимания.

Великий Магистр Ордена, Гленн, могучий старик в белом просторном одеянии, сидел верхом на огромном жеребце, таком же серебристом, как волосы его хозяина. Вместе они походили на несокрушимую скалу, целиком скрытую подо льдом. Даже мне пришлось смотреть на седока (да и на морду коня) снизу вверх. Как ни странно, оружия при Гленне я не заметил.

Магистр Майк, великан, не уступающий мне ростом и шириной плеч (я, конечно, подразумеваю свой огриный облик), с ног до головы был закован в диковинную броню. Только подбородок воина оставался открытым, наверное, чтобы продемонстрировать обреченным недругам прощальный оскал смерти, — остальное защищали пластины из матового иссиня-серого материала. При движении детали доспехов не издавали привычного звона или скрипа. Забрало же переливалось будто опаловое. Хотя — чего тут ахать? — на мне самом надеты волшебные латы. А вот меч вызвал у меня восхищение. Еще бы — двуручный фламберг, рассчитанный на габариты этого человека! Майк оседлал громадное существо, поразительно подходящее ему. Тварь прочно стояла на земле колонноподобными ногами, защищенная толстой ороговевшей шкурой, прядая маленькими ушками и поводя массивной головой, увенчанной рогом где-то в районе носа.

Магистр Ленс — худощавый высокий тип, облаченный в серый плащ с капюшоном, погружающим в глубокую тень ястребиное острое лицо. В руках он держал посох, увенчанный цветком из трех крупных жемчужин с одного конца и широким лезвием — с другого. Если б не украшение, я бы сказал, что это глефа. Однако клинок направлен вниз, поэтому мне кажется логичным заподозрить в рыцаре мага. Ленс избрал в качестве ездового животного ламу. Мохнатый скакун, лениво пожевывая, смотрел на нас с вполне человеческим выражением легкого презрения.

Последняя из магистров, Лиза, женщина с грязно-седыми, оттенка мартовского снега, космами, обладала пронзительным голосом и взглядом, попадая под который любой почувствовал бы себя виновным во всех грехах мира. Это был взгляд судьи, который на досуге подрабатывает палачом и получает от своего занятия удовольствие, взгляд ядовитой змеи, приготовившейся к смертоносному броску. Шею и предплечья воительницы

обвивала длинная боевая цепь, заканчивающаяся лезвиями. До сего момента я лишь однажды встретил воина, пользующегося этим страшным оружием. Меня совсем не удивило, что Лиза восседала на неприятной буро-зеленой гадине, похожей на изрядно подросшую ящерицу.

Замечу, столь необычный выбор ездовых существ обусловлен кодексом: адептам ордена позволяет владеть только тем имуществом, которое в совокупности способен унести их скакун. Понятие «скакун», как я заметил, может трактоваться весьма вольно. Само собой, все животные помимо седоков несли неизмеримое количество всякого ценного и полезного скарба.

Разумеется, воители не просто выехали на прогулку. Здесь они назначили встречу с Джоном, который должен был сопроводить сюда Клодию для проведения ритуала материализации Царицы Бурь. Затем магистры собирались убить это «новорожденное» существо. Видимо, главы ордена привыкли мыслить глобально, не жалея одной-двух или даже сотни чужих жизней во имя спасения человечества. Судьба баронессы их несколько не волновала. Надеюсь, Клодии льстит такое обильное внимание, иначе она должна бы страдать от настырности разнообразных «поклонников».

Джон пытался возражать своим товарищам, убеждая их разрешить все без кровопролития. Похоже, этот спор происходил не впервые — Гленн, не дослушав, раздраженно махнул рукой. А Лиза обвинила рыцаря в том, что он не воспротивился тлетворным чарам «эстарийской полукровки», Клодии, надо понимать. Вот и очередная головоломка.

Во время препирательств глав Ордена баронесса медленно, словно загнипнотизированная, вышла вперед, очутившись между отрядами. Да так и застыла на месте. Неподвижностью она, мраморно бледная, строгая, напоминала статую — ни дрожи, ни слез, ни крика. И визгливые нападки Лизы, гулкие слова приказов Гленна, насмешливые замечания Ленса хлестали камень.

Гилберт, отстранив баронессу, выступил перед ней, сразу рядом с моим оруженосцем встал король. Юные воители уже обнажили клинки — у них не возникало сомнений относительно того, кого нужно защищать. Ладонь сэра Джона тоже легла на рукоять меча, хотя он не торопился совершать роковой шаг. Дело шло к сражению, но вмешалась Сиилин. Крылатая проказница ухитрилась убедить наших оппонентов, будто нам известно лучшее средство избавиться от Царицы Бурь. Слушая ее — ладно магистры! — уже и я почти поверил в существование гениального плана, сулящего победу над злым духом. В общих чертах он выглядел так: Клодия приходит к мятежникам,

согласившись с ними сотрудничать, они проводят свой обряд, но в ключевой момент являемся мы, убиваем не успевшего воплотиться призрака и всех спасаем. Главное — одним махом оказываются решены проблемы мятежа и возвращения божественного духа. Детали фея скромно оставила вне поля зрения. Замысел, мягко говоря, спорный, пахнущий оголтелой импровизацией, но Сиилин удалось убедить рыцарей не просто не препятствовать, а даже присоединиться к нам!

Теперь направляемся к замку Фредерика все вместе. Остается не так много времени на обдумывание моментов, о которых пикси предпочла не упоминать. Например, никому в голову не пришло сразу задаться очевидным вопросом: как уничтожить древнюю сущность? Или что считать тем «ключевым моментом»? Стоило бы обсудить все на привале. Можно блефовать с магистрами, но не врать же самим себе!

Клодия продолжает сохранять молчание. Сиилин с Лексиз о чем-то оживленно шушукуются. Обрывки их беседы меня настораживают: «мысли у него темные», «старик может догадаться», «человек на лапе не подчинился, но и не раскрыл мою хитрость» — о чем бы это? Наверное, пикси бахвалится, как обвела вокруг пальца легендарных Белых рыцарей. Король, которого магистры не удостоили ни малейшим вниманием, насупился и притих. Впрочем, после такого болтать горазды только беззаботные феечки! Джон едет между Майком и Гленном, словно под конвоем на плаху.

Честно говоря, мне кажется невообразимым, что главы Ордена Странствий действительно доверились маленькой хитрюге. Полагаю, они, умудренные опытом, не сочли необходимым устраивать бессмысленное побоище, коль скоро мы готовы сделать все сами.

Эльфийка, которая уже почти сутки, не переставая, играла своим богам, не выдержав такого темпа, потеряла сознание от усталости. Я убрал драгоценный для нее элион в сумку, саму девушку взял на руки. Через пару часов Эвистрайя пришла в себя, но сил на песню у нее пока не нашлось.

— *День 26 апреля года 1827 от основания
великого королевства Арагон.*

Мы немного продумали грядущее предприятие. Было решено, что в замок отправятся Клодия, я, под видом ее телохранителя, Вальдо (под тем же предлогом), Джек (кот, просто кот), Ферджин (кто обратит внимание на еще одного колдуна в балахоне?) и, конечно, Сиилин (куда уж без любопытной мордашки пикси?). Остальные, включая магистров, дожидаются нашего сигнала

к атаке в ближайшем лесу. Предполагалось, они успеют добраться верхом в срок. Айдену пришлось погрузить Гилберта и Фессаху в магический сон. Мой оруженосец, к сожалению, не способен оценивать ситуацию адекватно, когда дело касается Клодии, а кошка абсолютно уверена в необходимости своего участия. В последнее время моя рабыня совсем отбилась от рук, надо над этим поработать.

Итак, утром баронесса фон Штейн с эскортом въехала в столицу баронства Сантаре, в центре которой стоит замок Фальд.

Планы имеют тенденцию рушиться в самый неподходящий момент. Наш развалился сразу. Барон Фредерик с подручными, будто заранее поджидавшие нас на замковой стене, без затей перенесли Клодию к себе по воздуху, не собираясь впускать внутрь никого из ее свиты. Похоже, за нами пристально следили всю дорогу, возможно, даже направляли в ловушку. Этого мы не учли.

Баронессу, не задерживаясь, протащили коридорами в центральную башню, раздели, расписали какими-то чудными символами и положили на алтарь. Затем ее обступили несколько десятков магов во главе с Сеймуром. Начался ритуал. Всем повезло — он обещал быть очень долгим.

Понятное дело, в момент, когда девушка буквально вылетела у нас из рук, мы всего этого не знали. Я составляю свои записки на основе рассказов самой Клодии и Сиилин.

Фея полетела за пленницей, тщетно брыкавшейся в руках конвоиров-магов, но вспомнила об остальных и вернулась. Надо сказать, кстати. Мы вчетвером уже решали, как штурмовать стену или закрытые ворота, когда Сиилин умудрилась опустить мост. Запорный механизм повредил один из караульчиков, пытаясь зацепить мечом летучую озорницу, неожиданно возникшую в кордегардии. Пока мы прорубались сквозь ряды стражников, разыскивали место, куда увели Клодию, церемония продолжалась. Теперь уж не восстановить логику наших рассуждений, но подмогу мы не вызвали и вообще действовали наобум.

**

Наверное, у заговорщиков все получилось бы, однако в заклинательные покои пробралась фея. Ей стало скучно ожидать, пока «свита» баронессы фон Штейн навоюется, и она помчалась искать Клодию.

Сиилин, как вы могли заметить, отличалась феноменальной самоуверенностью. В немалой степени это было вполне

обоснованное чувство — крошка-пикси могла доставлять врагам (да и товарищам тоже) несоотносимые со своим размером неприятности, чем большую часть времени и занималась. Поэтому два здоровенных толстяка, охраняющих дверь в ритуальный зал, вызвали у феечки лишь издевательскую усмешку. Малышка даже не попыталась скрываться от них.

Разумеется, Сиилин недооценила противников. Толстые и могучие, евнухи Фредерика привыкли иметь дело с женскими уловками. То, что женщина в данном случае имела всего двадцать восемь сантиметров роста, ничуть их не смутило. Пикси металась, проскальзывая между слоноподобными мясистыми телами, стараясь добраться до небольшого зазора между дверью и порогом. Стражи не ослабляли напора, пытаясь отловить крылатую барышню. Они топали, героически прыгали и падали, колыхаясь, оставляя маслянистые пятна на полу и стенах. «Я ж теперь в жизни не отмоюсь от человеческого сала!» — с отвращением подумала Сиилин.

Вскоре фея ощутила на своей нежной коже сосискообразные пальцы одного из евнухов. Жиробас довольно забулькал, ухватив пикси за крошечную задницу в тот момент, когда она уже почти протиснулась под дверь, и потянул малышку обратно. Сиилин с отчаянием чувствовала, как страж постепенно вытаскивает ее, упирающуюся, наружу, прочь от заветной цели. А колдуны как раз начали, дурно завывая, водить хороводы! Пальцы евнуха сжались сильнее... и фея, выдавленная, стремительно вылетела из них, до крайности довольная собой. Конечно же, она приписала освобождение собственной изворотливости.

В затылок Сеймура Сиилин воткнулась, точно маленькое пушечное ядро.

Пикси не просто испортила ритуал воплощения, но поспособствовала тому, что чародей разбил Глаз Бури — камень-артефакт, мешавший духу восстановить свою физическую оболочку. В результате Царица Бурь не смогла занять тело Клодии, зато преспокойно обрела собственное. Какая гадкая насмешка: это существо внешне очень напоминает Мистралину — эдакий злой двойник великой богини жизни.

К моменту материализации я, Вальдо, Ферджин и Джек с боем прорвались-таки в церемониальный зал, успев познакомиться с «духом» лично. Мой волшебный меч она шутя поймала и сломала голыми руками, прочих присутствующих отбросило незримой волной. А затем и я рухнул на пол, не в силах пошевелиться.

Особое внимание Царица Бурь уделила Клодии, до сих пор прикованной к алтарю. Легкое движение — и цепи рассыпались в пыль. Баронесса тут же, похоже, испробовала на противнице какое-то заклинание, совершив рваный пасс рукой, но безрезультатно. Царица рассмеялась, игриво щипнула девушку за бок и взмыла к потолку. Балки перекрытия затрещали и распахнулись навстречу заставшим небеса грозовым тучам. «Мы скоро встретимся!» — крикнула бестия и улетела. Упорхнула из-под самого носа Белых магистров, которые возникли в проломе верхом на драконе. На Лексиз!

Как шестеро одоспешенных воинов поместились на маленькой, немногим больше лошади, драконице, до сих пор не понимаю. Когда стало ясно, что замысел вот-вот сорвется (над замком взвился смерч, высверкивая во все стороны молниями) и вовремя не успеть, девушка согласилась доставить неистовствовавших рыцарей на место. Полагаю, уговаривал Лексиз сэр Джон — вряд ли она послушалась бы кого-нибудь еще. Вероятно, основной сложностью стало даже не это. Ума не приложу, как Джон убедил остальных магистров не причинять Лексиз вреда. Я так думаю, он сразу распознал истинную сущность девицы, еще при знакомстве. Не устаю восхищаться его проницательностью и опытом.

Король, не желая пропустить такие развлечения, как полет на крылатом ящере и схватка с Царицей Бурь, тоже присоединился к ударной группе. Со спящими оруженосцем и кошкой остались Айден и Саффи с Эвистрайей.

Ну а дальше главы Ордена перебили почти всех магов, проводивших ритуал. Лишь Сеймур вновь избежал гибели, да в последний миг исчез в огне камина Блейз Ашенвейл. Думаю, мы с ними еще встретимся. Помимо того, Клодия заступилась за Фредерика перед Майком, уже занесшим над бароном карающий меч. Насколько я понял, допросы рядовых адептов техномагического культа ничего не дали. Подсказок, куда скрылся главарь злоумышленников, видимо, тоже не обнаружилось. Четверо Белых рыцарей перевернули вверх дном весь замок. Джон — ох, припомнят это ему! — не позволил бойне, учиненной среди чародеев, вылиться в полномасштабную зачистку крепости (а кто поручится, может, и города?) от потенциальных предателей.

Вообще-то на цель заговора, убийство монарха, магистрам было наплевать. Гленн дал понять с самого начала, что венценосный мальчишка для них никто — пустое место. А сейчас мне почудилось, будто и Царица Бурь их не волнует, вернее, волнует меньше, чем следовало бы. Существовал какой-то другой

интерес.

На мой взгляд, главы Ордена Странствий чересчур жестоки и равнодушны к отдельным людям, отвлечены от реальности высокими материями. Приятное исключение — сэр Джон, испытывающий, правда, чуть ли не стыд перед «коллегами» за свою мягкость и чувствительность. Вот и сейчас наш Белый рыцарь искал Клодию, намереваясь извиниться, вместо того чтобы присоединиться к четверке магистров, спешно покинувшей Фальд. Баронесса лично занялась допросом раненого Фредерика, о чем я и сообщил Джону.

Клодия сидела, склонив голову на руки, до боли вцепившись в виски, перед ней стояла початая бутылка крепкого вина, бокал и валялся какой-то перстень. Девушка отрешенно изучала узоры деревянной мозаики на столешнице. В баронских покоях никого не было, кроме нее: она отпустила Фредерика, несмотря на опасения Сореала и справедливый гнев короля, но ее бывший хозяин являлся ничтожной пешкой в чьей-то большой игре. Как и ее друзья. Как и она сама.

В дверях появился Джон. Клодия отодвинула бокал, нечаянно повалив его, и тяжелым взглядом окинула вошедшего.

— Кло, я должен ехать, — твердо сказал рыцарь.

— О да, Лиза сорвала покровы... — пьяно пробормотала баронесса.

— Не нужно. Просто вы теперь сами справитесь. До столицы пойдете за нами и вряд ли напоретесь на что-то опасное, — Джон пытался говорить шутливо, но выражение лица выдавало его с головой: он отчаялся найти выход из противостояния рыцарского долга, обязанностей друга, желаний любовника.

— Да? — ехидно уточнила Клодия, со второй попытки поднявшись и уперев ладони в стол. — Вы изведете все заколдованное зверье в округе? Походя избавите меня от внимания Царицы Бурь? Благо от вашего пристального наблюдения я буду освобождена!

— Клодия, прекрати! Объясни, ради богов, о чем ты?

— Ты помнишь ту тварь, которая едва не перегрызла Арагону горло? Это опять-таки работа предателей, которых, может, стало меньше, но сердце заговора (Сеймур) еще бьется. Между прочим, они подсустились: выстрел, чуть не утопивший нас, был произведен из Азнара, но вряд ли «стрелки» сидят там в ожидании гостей из Белого Ордена. Значит, вы ринетесь за ними, ведь Гленн искал не меня, не Царицу, его цель — Лук Богов! Наши пути разойдутся. Хотя действовать мы обязаны

вместе! Марджолина, мое происхождение, древнее оружие — это карты одной колоды, которые чья-то рука последовательно вытаскивает на свет. Сколько козырей еще в запасе?

Построить связную цепочку из внезапно обрушившихся на нее откровений сейчас у баронессы не получалось. Отчаявшись, она тряхнула головой, и тяжелая коса упала в винную лужицу, начав алеть.

— А сколько удивительных новостей у тебя в рукаве, Кло? Мне кажется, ты и сама не договариваешь, — Джон потихоньку начинал сердиться, ощущая вокруг себя смыкающиеся ряды тайн.

— К сожалению, пока я подбираю осколки, хрупкое здание жизни продолжает крошиться от наших неосторожных движений. Наши судьбы кем-то связаны в единое целое: оступится один — упадут остальные! — девушка, наконец, подошла к собеседнику и вперилась в него требовательным взором. — Уйдя с магистрами, ты совершишь ошибку, Джон. Я еще не знаю какую, но... ты не убийца, в отличие от них — нет. Помоги мне разобраться! Одна я не сложу картинку...

**

Мы покамест устроились отдохнуть со всеми удобствами (когда еще представится случай?): король распорядился накормить всех, и челядь суматошно забегала, готовя маломальски приличный обед. Вскоре Сиилин привела из лесного лагеря остальных. Гилберт с Фессахой страшно возмутились тем, что пропустили битву с Царицей Бурь.

Позже импровизированный пир посетила и Клодия, попросив не разорять замок — якобы здесь много ее друзей. Странно, мне показалось, баронесса была сильно пьяна, с чего бы? Впрочем, она сама разберется. А я лучше займусь Лексиз, на которую Арагон бросает весьма нескромные взгляды. Пока самодержец не решился воплотить свою очередную бесстыдную фантазию в жизнь, девушку нужно увести.

Я предложил сходить в город и прикупить нашей сребровласой спутнице дорожный костюм: ее скудный гардероб совершенно не подходил для путешествия. Теперь карманы мои пусты, но если б вы посмотрели, как Лексиз зарылась в гору всевозможной, подчас абсолютно не сочетающейся между собой одежды, видели довольную детскую улыбку, вы бы поняли — деньги потрачены не зря. Вообще с детства мечтал подружиться с настоящим драконом. Знаю, не самая распространенная мечта для рыцаря — обычно они помышляют об убийстве дракона и спасении принцессы, — но у меня вышло иначе.

**

Позволю себе крохотное лирическое отступление. Я в восторге! Лексиз — дракон! Очень маленький, наивный, не вошедший в полную силу, но дракон. Получается, у всех драконов помимо облика огромного ящера есть человеческая форма. Надо отметить, в данном случае — очаровательная.

В эпоху Арагона I девушка пребывала еще в яйце и вылупилась только пятнадцать лет назад. Как уцелело драконье яйцо после войны, почему его не разбили или не украли местные крестьяне, не знаю. Но это здорово! Недавно Лексиз посетило видение темноволосой длинноухой женщины (опять Царица Бурь!), которая обещала ей, как ранее ограм, скорое завершение владычества людей. Отсюда странная идея девицы спрятать у себя в лесу нескольких детей и вывести из них новую красивую расу, которая будет ей поклоняться.

Драконница совершенно не скрывает своей природы, она ужасно доверчива, любопытна и самоуверенна. Положим, у нее достанет силы для истребления небольшого войска, но все-таки Лекси очень повезло, что первыми она встретила именно нас.

Пусть легенды об убийстве крылатых монстров отправляются куда подальше, я постараюсь защитить ее от злобы и предрассудков этого мира. Правда, главной наставницей девушка выбрала Сиилин. Мне страшновато представить Лексиз, воспитанную пикси. То, что допустимо для крошки-феи, вряд ли подойдет для молодой девицы. Интересы и характер шкодливой малышки, преумноженные в теле и разуме человека, уже вызывают опасения. Но если вложить их в крылатого змея...

В любом случае продолжаем путь. Теперь нас больше на одного ДРАКОНА!

**

Больше возможности расслабиться у нас не представится: мы выступаем в путь по следам магистров, рассчитывая до ночи покинуть земли Сантаре. Фредерик (и зачем баронесса сохранила ему жизнь?) предоставил все необходимое для дальнейшего путешествия. Теперь дело пойдет быстрее. Нагнать Белых рыцарей нам вряд ли удастся, впрочем, никто из нас особо и не торопится встречаться с ними.

Тем временем отряд становился все меньше. Сначала Лайла забрала мрачнейшего день ото дня Айдена, тяжело переживающего смерть отца, заявив, будто мальчику нужен покой. Теперь и Саффи оставила команду, сочтя выходки пикси невыносимыми (фея почти извела свои волшебные краски на глупые унижительные шутки), а происходящее вокруг нас —

слишком серьезным и рискованным. В общем-то, я ее понимаю и искренне желаю молодой авантюристке обрести искомые богатства и свою дорогу. Интересно было бы с ней встретиться через пару-тройку лет, когда она станет известной искательницей сокровищ. Для этого нужна сущая безделица — пережить эти самые пару-тройку лет. Хотя если мне не удастся избавиться от своей мерзкой личины, то уж лучше, право, сгинуть в бою. Йоргос тоже нас покинул. Мне сложно установить, в какой момент это произошло, по крайней мере, Арагон XIII заметил отсутствие подхалима только сейчас. И это отнюдь не улучшило королевского настроения. Однако, прямо скажем, я удивлен, что изнеженный царедворец выдерживал тяготы пути так долго. Вальдо соблаговолил уважить просьбу баронессы и теперь сопровождает толпу переселенцев, в том числе родню Клодии, из Сантаре в Штейн. Кроме прочего, закончились бесчисленные левретки, чахнувшие под присмотром Ферджина. Последняя псинка сдохла от испуга, узрев дракона...

Вот, наконец, долгожданный привал. Все вымотаны прошедшим днем и долгой дорогой. Куда-то снова пропала Фессаха. Хоть бы моя глупая кошка не угодила в очередные неприятности! Немного волнуюсь, но я уже привык к ее участвовавшим отлучкам. Надеюсь, завтра она нас нагонит. А теперь спать.

Если поблизости от вас обосновалась фея, не паникуйте и до прибытия специалистов не давайте ей скучать.

Из брошюры «Виды фей и способы борьбы с ними».

У пикси, как водится, не было конкретной цели, просто уж так сложились обстоятельства. Судя по всему, Лексиз призналась де Монте в своих способностях управлять чужими мыслями. И он заладил: видите ли, нехорошо заставлять друзей делать нечто неприятное им, подшучивать над ними. В общем-то, Сиилин согласилась бы, что дружба — прекрасное светлое чувство. Омрачает его лишь похотливый блеск в гляделках барона!

То есть Сореал опять окучивал драконицу, повергая фею в ярость своими речами. А его верная кошка удалялась вглубь леса. Хорошо, Лексиз можно вправить мозги попозже, ведь в последний раз слезка за Фессахой принесла интересные плоды. Вперед, пока хищница не скрылась из виду окончательно!

Фесс неистовствовала, вымещая гнев и обиду на ни в чем не повинной осинке, теперь разодранной мощными когтями буквально в щепки. Пикси малость понаблюдала

за упражнениями полосатой.

— Похоже, огрячий барон нашел себе новую девицу? Вот так штука, у него есть ты, а он норовит ущипнуть за зад кого-то еще, — как бы невзначай бросила Сиилин, усаживаясь на ветку соседнего дерева чуть выше лап кошки.

— Плохая женщина, будет плохая жена: тощая, не умеет бить зверя, не умеет ласкать хесса, родит хилых воинов. Фессаха во всем лучше! — гневно рыкнула кошка, снова полоснув когтями по стволу. — У беловолосой женщины дурной глаз, злой!

— Кажись, он об этом не догадывается... А тебя слушать не хочет? — участливо поинтересовалась фея, твердо заявив следом: — С этим надо что-то делать! То Саффи, то эльфийка, теперь вот Лексиз... Слепец! Он совсем не ценит тебя.

— Да, он ложился с черноглазой женщиной, много говорил с женщиной-поющей-музыку-в-мире-духов, засматривается на женщину с серебряными волосами, дарит ей подарки, — уныло перечислила кошка.

— Хесс не хочет, чтобы Фессаха родила ему воинов?

— Ты права, маленький крылатый лесной дух, хесс разлюбил свою Фессаху, даже не берет ее с собой на охоту. Фессаха больше не хешшас, — печально покачала головой хищница.

— Ммм... Почему бы тебе не найти того, кто захочет? — ушки Сиилин мелко задрожали в надежде — вдруг столь незатейливый совет сработает, а поиски нового хесса обещали быть забавными.

— Сореал самый сильный, он может убить сколько угодно воинов. Даже если Фессаха не хешшас, Фессаха не должна искать другого хесса! — убежденно сказала кошка, похоже, слегка удивленная неосведомленностью духа о таких элементарных вещах.

— Эй, надо напомнить Сореалу, кто тут самая лучшая женщина! — вздернув брови, фея часто закивала, всем своим видом намекая: «Надо-надо-надо»!

— Женщина не может указывать хессу. Если он разлюбил Фессаху, то она сама виновата.

Пикси закатила глаза, внутренне возопив: «Ох уж эти дурехи! Одна не способна выбрать из трех мужчин, другая выбрала, зато теперь не в силах оторваться!»

— Значит, ты должна исправить свою вину! Это же так просто! — ладно, если Фессаха не желает менять пристрастий, придется отложить пока идейку подбора новой кандидатуры хесса, зато есть другой вариант: — На днях в замке мы встретили могущественного духа, который точно поможет тебе стать еще лучше и вернуть расположение Сореала.

Кошка настороженно замерла.

— Конечно, духи не работают за так, — самодовольно произнесла Сиилин, — но нас, духов, мало волнуют материальные ценности. Полагаю, он сам точно укажет тебе, какое подношение ему потребуется.

— А где живет могучий дух? Фессаха принесет ему вкусное мясо и теплую человеческую кровь, — кошка всерьез заинтересовалась предложением пикси.

— Ммм... не думаю, что он где-то живет. Но, наверное, с ним можно как-то связаться. Может, спросить у эльфийки, она должна знать, как позвать духа? — Сиилин в задумчивости наморщила личико и руками оттянула ушки вниз. После этих нехитрых манипуляций в голове феи сверкнула догадка: Белые магистры ускакали на своем зоопарке в столицу, даже не дав Лизе перебить челядь в Фальде, вестимо, дух (вернее, теперь воплощенная сисястая баба) объявится где-то там.

— Фессаха, по-моему, твоему хессу неприятно твое присутствие, раз он так открыто пренебрегает тобой... Но ты могла бы сделать ему сюрприз, избавив на время от лицемерия твоей мордашки, и, таким образом, открыть глаза на свое превосходство. Это пункт первый гениального плана, — пикси отпустила одно ушко. — Тебе нужно раньше нас пробраться в столицу и найти женщину с иссиня-черными волосами, развесистыми ушами, в смешной рогатой шляпке и набедренной повязке. В ней воплотился могущественный дух. Это второй пункт плана, — второе ухо вырвалось на свободу. — Ты ничего не пожалеешь ради возвращения благоволения Сореала?

— Фессаха сделает все ради любви хесса! — решительно мявкнула кошка. — А что такое столица?

— Это большой человеческий город в той стороне, — Сиилин махнула рукой, — туда уехали люди на странных зверях, ты можешь пойти по их следу — так будет быстрее. Если встретишь, передай от меня привет человеку-колдуну и его ламе. Ты не ошибешься.

— Спасибо тебе, маленький крылатый лесной дух! Когда я вернусь, то принесу тебе печень молодого оленя! — Фессаха кивнула головой и скрылась в зарослях орешника.

— Я буду ждать... — пикси довольно хихикнула, потирая ладошки. — Мы все будем ждать твоего возвращения.

**

Вот зачем Клодия болтает со всеми: оказывается, важные обстоятельные разговоры — это очень интересно. А главное, когда ведешь себя серьезно, эти верзилы поддаются

на провокации гораздо проще! С кем бы еще поболтать? Лексиз все еще, как назло, занята шмотками и беседой с бароном о дружбе (нет, каков наглец, он предложил девочке потренироваться дружить с ним!). И потом, на молоденькую драконицу Сиилин возлагала особые надежды. Белый рыцарь и человек-кот — слишком искушенные в этом деле, могут так все обставить, что бедная фея сама вляпается в какую-нибудь опасную для жизни авантюру. Да и где сейчас этот Джон? С Клодией, как пить дать! Над Ферджином она и так постоянно подшучивает, король, не слушая, тут же предложит очередную непристойность... Гилберт! Конечно, как можно было столько времени потратить на раздумья?! Ведь влюбленный человек — это доверчивый человек, мнительный, легко внушаемый!

— Где его найти? — Сиилин повертела головой. — Естественно, неподалеку от баронессы, а в ее отсутствие — в лагере за повседневной работой!

Да, оруженосец де Монте находился там, где ему положено быть, — чистил коней. Фея подлетела и села к нему на плечо.

— Что случилось, Сиилин? — юноша выпрямился и слегка повернул голову в сторону гостьи.

— Мне нужна твоя помощь. Я видела неподалеку заячью нору, которую раскапывала лисица. Я не могу оставить беззащитных зверушек, но меня лисица может и сожрать, — пикси самозабвенно импровизировала, театрально заламывая ручонки и в отчаянии округляя глаза.

— Почему тебя это так взволновало? — Гилберт приподнял брови.

— Ну, там же зайцы. Или кролики. Мы, феи, вообще переживаем за судьбу... хм... зверей. И ты обязан спасти несчастных! Ты же рыцарь, тебе положено всех спасать!

— Извини, Сиилин, я не могу заниматься делами лесных обитателей, не завершив свои собственные. Конь сам себя не обиходит и не распряжет, знаешь ли, — с улыбкой ответил юноша.

— Да пускай барон займется скакунами, а то все бы ему перед барышнями хвостом вилять! Как-то это не по-рыцарски. Ну разве воины должны только драить лошадей и хватать девиц за попы? А как же подвиги, а? Победа над монстрами... А там делов-то — просто отогнать лису! — фея аж подпрыгивала на своем насесте, не понимая, почему Гилберт до сих пор стоит на месте и не устремляется на выручку вымышленным крошкам-зайчаткам.

— Видел я тебя в бою: с лисой ты справишься лучше меня, — лукаво произнес оруженосец, намекая на постоянные

стычки с Саффи, а после сурово прибавил: — Если тебе что-то нужно, можешь рассказать мне об этом здесь, а не заманивать к воображаемым зверятам. Да и, пожалуй, не тянет лиса на монстра, а спасение кроличьей норы — на подвиг, — он опять улыбнулся. — А милорд Сореал и не должен возиться с конями. Все же ты не слишком осведомлена о том, как устроен мир людей, Сиилин.

— Стоп, ну он же рыцарь, да? И ты — тоже. Почему кто-то должен, а кто-то нет? — пикси пересела на холку скакуна, напротив юноши. — Ладно, тогда никуда не пойдем. Хотя зайцы сказали бы тебе спасибо, Гилберт.

— Отвечаю на твой вопрос: он барон, и он богат, а земли моего отца заложены... ты ведь знаешь, что такое деньги? — глаза оруженосца погрузнели, меж бровей залегла глубокая складка, уголки губ опустились — все его лицо вмиг потемнело от набежавших сомнений. — Для меня большая честь чистить коня лорда де Монте. Ну, к тому же должен кто-то этим заниматься! Я не могу доверять свои обязанности человеку-коту, а сопровождающим нас леди, или королю, негоже взваливать на себя даже часть грязной работы.

— Мда, как все сложно устроено у вас, людей! — воскликнула Сиилин. — Кстати, мне знакомо слово деньги, у меня даже есть с десятков этих бесполезных кругляшей, — фея равнодушно пожала плечиками. — Но почему ты не можешь тоже стать богатым? Если ты будешь совершать подвиги, ну, как положено, точно накопишь внушительную кучу монет. Или две.

— Если совершаешь подвиг за деньги, это уже не подвиг. Вот магистр Джон, — глаза Гилберта завистливо блеснули, — он настоящий герой, но, как видишь, не богаче меня...

— Да, и славных деяний у него больше, и Клодии он нравится больше, — напирала пикси. — Но ты мог бы не прибираться за бароном, а начать геройствовать, выбрать себе незанятую леди... — в голове Сиилин мелькнул образ Сореала, беседующего с Лекси, тут же стерся и чудным образом заменился Гилбертом. Личико феи просветлело: — Ну, и если не хочешь за деньги, делай подвиги в честь нее. Это, несомненно, лучше, чем ходить по чужим следам и завидовать чужим женщинам.

— Я слышал, пикси шаловливы и ветрены, ибо им неведомы понятия «любовь» и «долг». Теперь я удостоверился в этом лично, — юноша снисходительно улыбнулся. — Мое сердце занято, и я сделаю все, чтобы прекрасная Клодия выбрала меня. Если же я окажусь недостаточно хорош, вряд ли смогу полюбить еще раз: мне ведь уже восемнадцать.

— Ну... сэру Джону побольше, и ничего! — нет, эти дылды

способны даже столь незлобливое и мирное существо, как Сиилин, вывести из себя! — А насчет богатства... Я могла бы пособить. Всем известно: пикси приносят удачу и знают все о сокровищах.

— Я не гонюсь за деньгами, Сиилин, — терпеливо повторил Гилберт.

— А за чем тогда? Всякий человек обязательно что-то преследует. Или кого-то.

— Да, я мечтаю о славе героя и о Клодии, которую привезу в замок моих родителей...

Юноша прислонился к конскому боку, прикрыв глаза.

Фея уронила лицо в ладони от отчаяния: парень попался непробиваемый, несмотря на влюбленность, разрушая все умозаключения Сиилин.

— Ну а как ты станешь героем, если прозябаешь за исполнением бытовой ерунды? Пришло время для деяния! Правда, еще можно прикинуться, будто баронесса тебе безразлична, — пикси прищелкнула пальцами, воскликнув: — Женщины ведутся на это! А я могла бы подкинуть тебе немного удачи.

— Понимаешь, мы ведь сейчас уже совершаем великий подвиг: спасаем его величество от нечестивого заговора, а теперь нам предстоит сокрушить Царицу Бурь! — оруженосец воодушевился, лицо его озарилось, и фея серьезно задумалась: не ослепла ли Клодия, коль не видит в юном Гилберте этого пламени, которое может спалить все вокруг. — Жаль, в лесном замке не оказалось дракона, я бы сразил его. Но и без дракона мне выпала честь участвовать в большем, чем мог надеяться безвестный оруженосец.

— Великий подвиг — это славно. Но! Открой глаза пошире, Гилберт! — Сиилин взлетела и постучала его кулаком по макушке: — Ты все пропускаешь. Клодии не очень-то нужно твое геройство, а вот юной девице... — фея многозначительно указала в сторону Лексиз — ...если мы сможем найти ее родичей, они, бесспорно, будут очень благодарны воину, который защищал ее от невзгод и домогательств гнусного огра. Но начинать нужно прямо сейчас! Кроме того, ей бы не помешали наставления благородного рыцаря.

— Лексиз... она безродная дикарка. Я не могу привести ее в дом: матушка не поймет. К тому же ей благоволит барон. А я... люблю леди Клодию, — оруженосец развел руками.

— Гилберт, доверься мне, у меня чутье на такие вещи! Девочка — наследница древнего рода. И волшебница, между прочим. Тебе сейчас и не нужно вести Лекси в дом — всего лишь

стать ее рыцарем. На время. Пока мы не найдем ее родных. Как ты сможешь произвести впечатление на Клодию, пока чистишь лошадей? Никак. То ли дело, если ты покажешь ей, что способен на бескорыстную заботу о людях?

Пикси уже захлебывалась словами и путалась в собственных доводах, а от этого еще сильнее раздражалась.

— Красота Лексиз — как ксандрийская зима... она прекрасна, но обжигает холодом. Хотя ты права, ей нужна защита, и, безусловно, она может на меня рассчитывать. Так же, как ты, Эвистрайя и даже Джек.

— Ни мне, ни коту, ни эльфийке защита не надобна в таком объеме... Мне бы спокойней жилось, если б Лексиз точно могла положиться на тебя. Ну! Ты станешь ее рыцарем? Уверена, Клодия оценит твою жертвенность! — Сиилин вознамерилась непременно добиться своего: — У вас же, небось, есть какие-то забавные ритуалы и прочее?

— Прости, но барон возложил на меня заботу об Эвистрайе. Похоже, Лексиз находится под его опекой.

— По-моему, он кое-что другое возложил. Даже нет — положил! На тебя, малыш, — пробормотала пикси, добавив во весь голос: — Ничего подобного! Вообще-то Лексиз находится под моей опекой. Но я всего лишь маленькая феечка. И, например, никак не могу защитить ее от посягательств похотливых мужиков, барона в том числе. Как известно, Сорелл падок на девиц: сначала Фессаха, потом Саффи, потом эльфийка. Теперь Лексиз? А ей немногим больше пятнадцати. Это не благородно ни разу! Я даже могла бы дать тебе большую монету и нанять для этих целей!

У пикси закончились аргументы, началась паника.

— Но, Сиилин, барон хорош собой, богат, отлично фехтует... я не видел, чтоб он насильно заставлял женщину... ну, ты понимаешь?

— По мне, так превращение в огра не очень хорошо сказалось на нем. Он, конечно, не насильничает, но, знаешь, девице ее возраста можно задурить голову чем угодно, а уж если она прожила всю жизнь одна в лесу... Любой может воспользоваться ее наивностью. Но, если ты будешь рыцарем Лексиз, я смогу отвлечься на поиски сокровищ для тебя или принести удачу вовремя. Это очень важно!

— Обещаю, я поговорю с бароном, но нельзя быть рыцарем женщины, которую не любишь!

— Нет-нет-нет, барон точно не разрешит: он же дурит ей голову! И, тем более, ты же сам себе рыцарь, ты не обязан отчитываться перед ним? Потом зависть такая подлая штука...

Сореал не захочет, чтобы ты стал лучше. Ты просто должен сделать это! И никто тебе не указ. Ты же хочешь произвести впечатление на Клодию, а бегающих вокруг нее мужчин уже слишком много. Тебе нужна особая тактика. Например, притвориться, будто ты любишь другую женщину, и стать ее рыцарем.

— Нет, Сиилин, это больше подходит для придворных сластолюбцев. Играть в любовь с одной женщиной, дабы разжечь чувства в другой, — недостойно, — отрезал юноша.

— Ну, Лексиз в любом случае нужна твоя защита. Это благородно и достойно, — круговорот резонов мелькал у пикси перед глазами, как звездочки после столкновения головы с чем-то твердым.

— О да! Если я увижу, что она в беде, я приду к ней на помощь, — сказал Гилберт, шутливо прижимая к сердцу щетку, — например, если за ней явится дракон. Ходят слухи, крылатые ящеры любят держать в своих пещерах красивых девушек.

— Но тогда ты должен находиться все время поблизости! И будет правильнее, если ты при сем станешь рыцарем Лексиз, а не просто ошивающимся рядом вооруженным мужиком. Мы должны соблюсти все правила. И, разумеется, принести тебе славу героя и защитника наследницы древнего рода.

— Извини, но я не могу. Честно. Не могу сделать Лексиз дамой сердца, — терпеливо повторил оруженосец и примирительно добавил: — Но касательно всего остального ты права. Я не ожидал услышать столь мудрых речей от пикси.

Сиилин ничего не ответила ему. Возмущенно качая головой, она добрела до конского крупа и спрыгнула вниз.

— Я смотрю, огр старается изо всех сил? — с затаенной угрозой поинтересовалась Сиилин, перебирая тряпочки. — Со вкусом у него плоховато, но общую суть он уловил: человечки должны поклоняться драконам.

— Ммм, Сореал утверждает — он теперь мой друг. Друзья — это те, кто делает для тебя всякие приятности и ничего не просит взамен, — медленно произнесла Лексиз, прикладывая к груди очередной корсаж с кружевом. — Забавный большой уродец.

— Это интересно. Люди всегда так говорят, особенно мужчины — женщинам, а потом просят, даже требуют! — пикси метнула шелковую юбку в общую кучу, прищурилась и весело предложила: — Хочешь проверить, насколько огр тебе друг? Попроси его, например, отстроить твой замок заново. А вообще

на роль друга больше подходит Гилберт — он вряд ли будет тебя обманывать, правда, у него полно мусора в голове.

— Я, честно говоря, не очень понимаю про эту дружбу, — прихмурилась драконица, — Сореал, Гилберт — да любой! — и так сделают все, чего бы мне ни захотелось. Стоит лишь направить их мысли в нужном направлении.

— Да, но у людей считается гораздо более ценным, когда они делают что-то друг для друга по собственному соизволению. Дружба там, любовь всякая... Пропасть всего, — фея размахивала в такт словам заколкой с искусственными рубинами.

— Любовь?

— Ну да. Вот как у Гилберта к Клодии. Ну, или у Клодии — к Джону... Наверное. Или наоборот. Тут немудрено запутаться. Любовь всем нравится. Почти как дружба, только с постельными штучками.

— А! Это когда размножаются?

Уловив знакомое слово, Лексиз радостно закивала.

— Нет, размножаться можно и просто так, но якобы — с любовью интереснее. Вот огр, хоть и утверждает, будто он твой друг, но, скорее всего, хочет размножиться с тобой, а потом весело забыть обо всем сказанном.

— Но ему нельзя размножаться. Он немилый! — девушка в неподдельном ужасе прикрылась каким-то шарфом и вытаращила глаза на собеседницу, словно умоляя опровергнуть кошмарное утверждение.

— Если б не было уродливых огров, как бы мы оценивали красоту людей? Или драконов. У тебя же есть какие-то родичи? — пикси подмигнула.

— Нет, когда я вылупилась, то вокруг никого не было.

— Я думаю, мы сможем поискать какие-то зацепки в столице. Ты хочешь найти своих родных? Это гораздо интереснее, чем терпеть страшного огра, околачивающегося вокруг. Мы будем хитры и обманем глупых человечков. Они не должны догадаться, что ты дракон, — пока им необязательно знать. Хватит и тех немногих, кто видал тебя в замке. Кстати, кроме размножения есть куча других забавных вещей, и одурачивать людей — это одна из них.

— Одурачить людей, — проронила Лексиз, смакуя, — хм, звучит многообещающе. Но они так это делали! Размножение, я имею в виду... — она облизнула губы и сжала ноги. — Можно одурачить их, заставив размножаться?

— Тут их даже одурачивать не придется, — хихикнула фея, тем не менее слегка раздосадованная подозрительной заинтересованностью своей подопечной (где она насмотрелась?)

постельной темой. — Они постоянно размножаются... Но, может, тебе интереснее найти кого-нибудь из своего рода и попробовать это с ним?

Сиилин подлетела к самому лицу драконицы и пристально уставилась ей в глаза, пытаясь загипнотизировать, про себя повторяя: «Слушай меня! Это отличная идея — разведение драконов!»

— Ну, не с огром же, в самом деле, я буду пробовать! Не волнуйся! — девушка заливисто рассмеялась и отмахнула пикси в ворох одежды.

— Да и люди, я думаю, не достойны приблизиться к дракону на такое личное расстояние, — заключила Сиилин, выпутываясь из крохотных подарочных трусиков. — Хотя вот Гилберт очень даже милый! — забросив наживку, пикси хитро глядела из-за прозрачной ткани на реакцию Лексиз.

— Я бы проделала это с ним, — Лексиз словно осенило, и она боялась спугнуть хорошую мысль. Она опять зачем-то сжала бедра.

— Неплохо, чтоб он тоже захотел. И тебе надо одурачить его для этого! — наконец-то вся аргументация сошлась воедино! Сиилин облегченно рухнула в мягкую кучу тряпья.

«Как Клодии достает сил на две, три, а то и четыре беседы в день?» — вяло подумала фея.

Интерлюдия 7.

Тайное и явное

Большие знания — большие печали.

Пословица.

Грубая мочалка с характерным скрежещущим звуком скользила по стенкам чугунного котелка. Клодия мыла в ручье посуду. По заведенному порядку этим занимался Гилберт, но сейчас девушке требовалось воспринять всю обрушившуюся на нее информацию, побыв одной. Поэтому она упрямо продолжала соскребать со стенок котла остатки ужина, обдумывая события прошедших двух дней.

Первый удар по привычной картине мира нанес Джон. Он, такой рассудительный, нежный, отзывчивый и чуткий, оказался магистром Белого Ордена и должен был обречь Клодию на верную смерть. Да, он не сделал этого, но почему? Та жуткая седая женщина с глазами убийцы выкрикнула Джону упрек, звучавший как приговор. По ее мнению, Клодия соблазнила рыцаря, похитив его разум и отвратив от цели.

Баронесса не испытывала по поводу своей внешности никаких иллюзий, зная, что способна произвести впечатление на мужчину. Да и не только на мужчину. Клодия вздрогнула, оглянувшись, когда внезапно налетевший ветер зашелестел в ветвях. Царица Бурь каким-то чудом (имя этому чуду — Сиилин, которую стоило то ли благодарить, то ли проучить) не заняла ее тело, заполучив свое собственное, но совершенно точно заинтересовалась девушкой. При мысли об этом щеки полыхнули огнем.

Второй удар нанесла старая Грейс, обучившая Клодию азам лекарского ремесла. Конечно же, Клодия с радостью провела наставницу, живущую в замке Фредерика. Именно Грейс помогла бывшей наложнице барона организовать побег, а самое главное, отдала Клодии заветное письмо, сделавшее ее баронессой фон Штейн.

Знахарка тепло встретила воспитанницу, внимательно, не перебивая, выслушала историю Клодии, затем достала из-под кровати крепкий, окованный медью сундучок. Оттуда Грейс извлекла завернутую в шелк печатку, на которой красовался королевский герб. Из ее рассказа следовало, будто Клодия не просто потомок одной из тысяч наложниц первых королей, а самая настоящая, хоть и внебрачная, дочь Арагона XII. Король,

видимо, испугавшись огласки, отослал любовницу — ее звали Миланора — сюда, в баронство Сантаре. Грейс приняла роды... и плату за молчание. Непонятно, почему ей вообще сохранили жизнь, но теперь это не имело значения.

— Мне ничего не известно о дальнейшей судьбе твоей матери, — пробормотала Грейс, прихлебывая чай с ромом, — но магический талант у тебя точно от нее. Уж я-то в этих делах понимаю.

Клодия приняла печатку, которую сразу надела на палец гербом к ладони. Она прямо-таки ощущала, как жжет руку кольцо, а голову — новая тайна.

Арагон XIII ни капли не смутился, узнав о том, что его связь с Клодией оказалась кровосмесительной. Более того, несносный мальчишка тут же грубо облапал ее, нашептывая в ухо новообращенной сестрицы вопиющие непристойности, страстно обещая продолжить начатое вечером. На слабые попытки баронессы возражать и сопротивляться король попросту не обращал внимания, и приходилось признать: девушка желала Арагона куда сильнее, чем стыдилась перспективы переспать с собственным братом.

Но больше всего Клодию пугало ужасное древнее оружие, мощь которого все воочию могли наблюдать на морском берегу. Фредерик сообщил о Луке Богов совсем немного, похоже, Сеймур никому не доверял полностью. Как можно противостоять подобной разрушительной силе? Если главы Белого Ордена и знали об этом, то Клодия — нет. Она несколько часов проговорила с Джоном: прослушала уйму легенд, они перебрали десятки вариантов развития событий, пытаясь выработать сценарий дальнейших действий. Девушка не могла взять в толк, зачем людям, заполучившим в свои руки абсолютное оружие, понадобилось заигрывать с опасной и непредсказуемой Марджолиной. На это Джон, смеясь, ответил, что если Лук Богов хоть чем-то напоминает обычный, то и натянуть его сможет не каждый, а уж метко стрелять — только бог.

Помимо прочего, стало ясно — рыцаря уже давно посвящают не во все тайны Ордена. Но когда ему перестали верить и почему? Самый очевидный вариант — после обнаружения Клодии. Впрочем, по словам Джона, Гленн все это время продолжал общаться с ним как ни в чем не бывало (рыцарь показал девушке странное устройство связи, смахивающее на табакерку). В итоге, ничего не придумав, они занялись любовью на берегу ручья.

Там, в замке Фальд, убедить Джона не уезжать с остальными магистрами стоило немалых усилий. Ах, но как хорошо, что удалось уговорить его остаться! Баронесса даже прижмурилась

от приятных воспоминаний.

Кто-то обнял Клодию за талию, котел с грохотом покатился по камням. Рвавший из девичьей груди пронзительный визг Гилберт остановил страстным поцелуем.

— Леди Клодия, вам следует беречь свои прекрасные руки, — оруженосец барона де Монте нежно поцеловал запястья девушки, — а котлы — моя забота.

И Клодии было нечего на это возразить.

Лиловые сумерки царили меж стволами деревьев, от ручья расползлся туман. В лесу царила зыбкая тишина, тревожимая стрекотом, журчанием, сопением, шорохом и тысячами других еле слышных звуков. Ну, еще был металлический стук. Гилберт и Клодия возвращались в лагерь с отмытыми до блеска котлами. Юноша нес посуду, а баронесса — детали одежды, которые они не потрудились надеть, практически невидимые в полумраке. Раздался звук поцелуя, и через минуту девушка откидывала полог своей палатки, на ходу задремывая и мечтая о теплом относительно мягком спальнике. Правда, то, на что она в изнеможении опустилась, было не спальником, не одеялом и даже не землей. На ее месте лежал Арагон, обнаженный и бесстыдно жаркий, естественно.

— А вот и моя похотливая сестричка явилась! Кажется, мне, как брату, положено сделать тебе выговор за поздние прогулки!

Король поймал косу Клодии, не дав ей вскочить, а другой рукой зажал рот, заглушив сердитый вопль.

— Арагон, выметайтесь отсюда! — с негодованием прошипела баронесса, пытаясь вытолкнуть «родственника» вон, осыпая его градом шлепков и тычков, под которыми тот приглушенно хихикал.

Между тем баламут продолжал успешно наматывать волосы девушки на руку, наконец свалил ее, подмял под себя и... с треском уронил палатку. Клодия закричала, взбудоражив весь лагерь.

— Лежите теперь смирно, ваше величество, — прошептала она, давась от хохота, и сунула ему в рот угол одеяла; король покорно обмяк и притворился паинькой.

На вопросы «что случилось?» девушка смущенно отвечала: «Неудачно закрепила колышки и, залезая, повалила всю конструкцию». Теперь смеялись вместе, распугивая зверье вокруг. Палатку быстро восстановили. К счастью, это не требовало вытаскивать изнутри содержимое.

Снова стихло.

— Продолжая нашу беседу: идите к себе, Арагон! — баронесса потрепала государя по спине. — Ну, хватит притворяться! Я не шучу! — ответа не последовало. — Хорошо, я отправляюсь спать в ваш шатер. Доброй ночи!

— Нет у меня никакого шатра, — пробурчал король приглушенно, — я не велел его ставить. Хотелось отдохнуть на свежем воздухе.

— Да я вот только видела его! И не позволили бы вам оставаться снаружи после случая с барсуком! — возмутилась Клодия. — В конце концов, ведите себя, как подобает брату! — она хотела уже выползти наружу, но не успела.

— Чересчур много болтовни, сестрица! — тихо рассмеялся Арагон, затаскивая баронессу за талию обратно и закрывая полог.

— День 27 апреля года 1827 от основания
великого королевства Арагон.

— Герой, я не люблю тебя!

Красавица Наина.

Этим утром наш отряд весьма неожиданно пополнился. Здоровенный детина, проломившись сквозь подлесок, бросился в ноги сэру Джону, слезно умоляя взять его с собой. Мы окружили незнакомца, который охотно поведал нам свою историю.

Тилберт Пам — простой деревенский парнишка, сын кузнеца (один из четверых) — впервые столкнулся со своей мечтой в десять лет. Тогда их поселение подверглось нападению бродячего племени гоблинов: для какого-то ежегодного праздника тварям понадобились жертвы, которых они с легкостью раздобыли среди местных жителей.

Набег произошел ночью: зеленокожие не желали полномасштабной драки — лишь пяток-другой человечков. Конечно, будь Тил дома, гоблины вряд ли добрались бы до него, но он гостил у троюродного брата на сеновале. Матери отрядили им от общих столов блинов, картошки и молока, ребята до отвала наелись, нарасказывались страшилок, а утром попали в реальный кошмар — на алтарь. Скорее всего, охотники учуяли их случайно и выбрали в качестве «довеска». Жертв, как известно, много не бывает — чем богаче возношение, тем благосклоннее боги.

Спасение пришло неожиданно. Белый рыцарь вонзился в толпу гоблинов, как нож в масло, за ним по пятам неся чернокожий воин на гигантской птице, страшно улюлюкая. Зеленокожие бросились врассыпную — частью действительно

бежали, а многие так и остались кормить зверье и удобрять лесную почву.

Деревня ликовала не меньше недели. Правда, рыцарь остался всего на пару дней, несмотря на уговоры своего спутника. Тил подстерег их отъезд в придорожной канаве и вызвался быть оруженосцем (в воображении парень уже и сам стал героем), но воин отказал ему, угадав настоящие намерения. Он заметил, что мальчик пока не понимает всех трудностей, связанных с исполнением кодекса Ордена Странствий, и ему нужно подрасти, набраться сил, уму-разуму. Наверное, рыцарю часто приходилось произносить эту речь. Тил не обиделся, а принял наставление как должное.

Сын кузнеца вырос в белокурого обаятельного силача. Он научился читать и писать, не забрасывал отцовского дела, помогая тому у горна, но его считали странным. Каждый день Тил посвящал несколько часов обучению искусству боя. В его распоряжении не было меча (истинно рыцарского оружия), зато имелся дедов клевец искусной dwarфийской работы. Деревенские девушки тайком ходили на опушку леса издалека полюбоваться на игру литых мышц здоровяка, когда тот крутил тяжелое оружие в руках. Ах, лучше бы эти руки сжимали в объятиях кого-нибудь из них!

Второе столкновение с мечтой произошло совсем недавно, около двух месяцев назад. Тилберт влюбился. Но Перипавочка выбрала его брата. Парочка пока только миловалась, но родители уже поговаривали о свадьбе. Несчастный Тил несколько недель жил как в бреду, а однажды, застав себя за раздумьями об убийстве соперника, бежал из дома. Парень решил стать героем и таким образом завоевать сердце девушки. Где-то в глубине души он признавался себе: не успеть ему прославиться до конца лета (обряд назначали на праздник урожая), — но не сидеть же дома, лелея обиды и накапливая злость?!

Судьба улыбнулась ему: уже через десять дней пути и томительного одиночества он случайно наткнулся на наш лагерь, увидел Джона, узнал его и теперь был абсолютно уверен — до звания героя ему осталось чуть-чуть.

Белый рыцарь испытал молодого воина, и оказалось, Тил Пам действительно прекрасно владел своим страшным оружием и сносно управлялся со щитом. Заподозрить его в соучастии в заговоре или вообще в каких-либо коварных замыслах не пришло в голову никому, по крайней мере, открыто. Поэтому парня «зачислили» в отряд.

Окончательный прием произошел ночью, когда Сиилин остатками чародейских красок пририсовала Тилберту пышные

усы, которые наутро Клодия аккуратно подстригла.

— День 28 апреля года 1827 от основания
великого королевства Арагон.

Если кнопка или рычаг расположены на виду, скорее всего, они активизируют ловушку.

Из печатного пособия «Поиск сокровищ для начинающих».

Сегодня достигли небольшого городка под названием Прот. Строго говоря, мы собирались проехать мимо, но судьба распорядилась иначе. Нам повстречался поразительно уродливый крестьянин, который наведывался в местный филиал Гильдии Магов в поисках помощи для своей деревни. Там, в дне пути от Прота, стали твориться жутковатые чудеса. Скотина превратилась из безобидных травоядных в нечто страшное и агрессивное. Точнее, животные были только одной стороной проблемы — пару дней назад люди тоже начали меняться.

Селяне связывают свои беды с недавним визитом чужеземцев, которые отправились в руины старого заброшенного замка в холмах возле деревни, да так и сгнули там. Гильдийцы отказались разбираться с вымышленными, поди, бедами. Мэр, едва прослышав о «прокаженном» госте, поручил страже выставить его вон из Прота.

Арагон XIII требует без промедлений продолжить путь к столице, намекая, что государственные дела важнее дел какой-то деревенщины, хотя это совсем не по-рыцарски. Джон предложил нам ехать пока без него, пообещав не задерживаться. Но делить и так небольшой отряд стало бы вопиющей глупостью.

Опять-таки убеждением монарха занималась Клодия. Удивительно точно подобрав доводы, она указала: пришельцами могли быть заговорщики, и нам нелишне узнать, зачем они сюда явились. Вполне правдоподобно. Коронованный эгоист неохотно согласился. Сейчас уже поздний вечер, отправиться в пораженную проклятьем деревню надумали поутру. А покуда все порадовались внеочередной ночевке в кроватях и наличию в гостинице бани.

Фессахи все еще нет. Не дай боги, кошка влипла-таки в серьезную беду! И ведь теперь уже поздно искать следы, пытаюсь понять, куда она делась.

На деревенской площади устроили какое-то гуляние — дурашливый танец, ритм которому задают Сиилин игрой на дудочке и Лексиз, хлопая в ладоши. Чем чаще я вижу пикси рядом с драконицей, тем больше мне становится неуютно

от такого сочетания. К сожалению, Сиилин с ее детским отношением к жизни очень легко втереться в доверие к Лексиз, при этом фея достаточно хитра, чтобы манипулировать своей юной подругой. Тревожный союз.

— *День 29 апреля года 1827 от основания
великого королевства Арагон.*

Утром, после небольшого курьеза (очередной шутки Сиилин, полагаю) с похищенными у всех в нашем отряде различными частями одежды, мы отправились в путь. Давешний крестьянин ожидал нас у ворот — в город его, конечно, не пустили.

В проклятую деревню въехали уже ближе к вечеру. Тут все очень скверно. Большинство жителей изменилось, и, хотя пока это довольно поверхностные, по заверениям наших магов, искажения, серьезность ситуации не вызывает сомнений. Изучив местность, мы обнаружили предполагаемый источник заразы — ручей, который течет напрямик от подножия разрушенного замка. Надеюсь, Клодия с Ферджином не ошиблись, и, если нейтрализовать первопричину, дальнейшего развития «болезнь» не получит.

Оставалось только проследовать в руины. Сейчас я искренне рад отсутствию Фессахи: она вполне могла бы влезть в эту отравленную воду.

Замок сей, к слову сказать, очень похожий на твердыню Штейн, встретил нас крайне негостеприимно — крошечным мраком за порогом и сладковатым запахом тления. В первом же зале обнаружили тела пресловутых чужеземцев, но останки обыскать мы не успели. На звук наших шагов вышел металлический гигант, отдаленно напоминающий человека, с гибкими, змеевидными руками и ногами, завершающимися веретенообразными утолщениями с клешнями. На его конусовидной голове мигали три красных глаза, ярко вспыхнувшие, едва мы попали в их поле зрения. Монстр издал тонкий, на грани слышимости, писк. Полагаю, он предупредил нас о пересечении некой границы. Нужно было поскорей решить, как ему ответить, чтобы не присоединиться к трупам на полу.

На корпусе гиганта маячила полустертая эмблема — точная копия герба рода Арагон. Пока никто не предпринял опрометчивых действий (в том числе страж, запищавший уже повторно), Клодия вытянула перед собой ладонь, на которой блеснул в свете факелов какой-то перстень. Несколько тягостных мгновений все готовились к худшему, однако голем неожиданно склонил голову. Затем он снова запиликал и указал клешней на приоткрытую дверь в глубине зала. Если вспоминать Штейн, то

там должна находиться лестница в подвалы. Баронесса пожалала плечами и растерянно проговорила: «Я не понимаю тебя», — обращаясь к стражу. Тут на его груди открылось окошечко, где по черному блестящему стеклу замелькали сначала точки, потом отдельные символы и, наконец, — слова. Это был призыв о помощи. Монстр знал об истекающей из руин заразе, но покинуть пост не имел права. Поэтому ждал, когда придут хозяева и все поправят. Не могу утверждать, будто автоматон понимал нашу речь, вероятнее, он лишь выложил необходимые сведения — отчет. Как верный исполнительный слуга. Сам он то ли не мог, то ли не смел вмешаться. Помимо прочего, благодаря ему мы выяснили, что чужеземцы приходили не в первый раз. Они уже посещали замок раньше, копались в подземельях, попытались запустить некую «систему» (название я не повторю, к сожалению), из-за чего теперь все в округе отравлено. Тогда гости сумели как-то обмануть бдительность стражника. Очевидно, вторично этот способ не сработал.

Пока баронесса общалась с великаном, Сиилин выковырила у того глаз-кристалл. Благо страж ничего не заметил, иначе лежать бы нам в компании мертвецов на входе.

Следуя за гигантским «лакеем», мы спустились в подвал. Система коридоров, камор и залов здесь была еще запутаннее, чем в Штейне. Кое-где у стен стояли (некоторые валялись) прочие стражи, судя по всему, завершившие свое служение. Финальным пунктом нашей прогулки стала громадная зала с рядами сияющих розовых колонн. За стеклянной поверхностью каждого столба переливался жидкий огонь, в котором плавали шарообразные сгустки. Клодия, едва шагнув в двери, крикнула, чтобы никто ничего не трогал. Вскоре мы сообразили, почему. В дальнем конце помещения одна из опор разбитая лежала на полу, из нее натекала внушительная лужа, частично уже высохшая. Голем показал на жидкость, и в окошке на его груди вспыхнула крупная надпись «Источник заражения!» Если до того у кого-то имелось желание коснуться загадочных колонн, теперь оно резко пропало. Больше того, Арагон XIII тут же потребовал покарать мерзавца, заведшего нас сюда на погибель. Впрочем, Ферджин успокоил его величество: опасно только содержимое и, как следствие, сосуды. Ну и в лужу маг настоятельно отсоветовал наступать. Пикси незамедлительно устремилась осматривать обширное пространство. Прочие не решились разбредаться.

А Клодия уже читала следующее сообщение в окошечке: «Требуется срочная остановка притока энергии в накопительные элементы. Пульт управления расположен в зоне йота». Эти таинственные слова я сразу записал на форзац дневника, чтобы

не забыть впоследствии.

Автоматон неожиданно подхватил баронессу «на руки», усадил на плечо и побрел дальше, шагая прямо по вязкой жиже. Подошвы его ног засветились. Гилберт кинулся, было, следом, но Джон успел остановить его. Далеко голем не ушел: в стене напротив отъехала дверь, втянувшись в притолоку, за ней виднелась небольшая полукруглая комната со столом по периметру. Страж еле втиснулся туда. Он снова запиликал, выдавая невероятно сложные трели, а Клодия пристально глядела на текст, который, наверное, в то же время появлялся на груди великана. На пол девушку он не опустил, удержав, когда она попыталась спрыгнуть, и ткнул клешней в столешницу. Следом ноги голема укоротились настолько, что колени баронессы оказались вровень со столом. Клодия нагнулась и приложила куда-то уже виденный нами перстень. Как она объяснила мне позже, там имелась специальная выемка с королевским гербом. На стене вспыхнули окна с некими символами. Полагаю, голем предоставлял исчерпывающую информацию: баронесса довольно уверенно водила и нажимала пальцем в определенные места сияющих квадратов. Вдруг свечение в колоннах начало гаснуть, а «зона йота» и вовсе погрузилась в крошечную тьму. Сиилин, подстрекаемая любопытством, хотела залететь и туда, но врезалась в корпус выходившего в этот момент гиганта и едва не шлепнулась в лужу. По счастью, тот подхватил ее клешней. Дверь опустилась, скрыв волшебную комнату. Надеюсь, навсегда.

Мы опять зажгли факелы, «лакей» повел нас обратно. Продолжая восседать у него на плече, Клодия задавала какие-то вопросы, но ничего вразумительного вывести ей не удалось. Видимо, поле деятельности и знаний автоматона ограничивалось замком.

На выходе баронесса приказала голему завалить ворота изнутри, мы же какое-то время потрудились снаружи, благо камней тут предостаточно. Теперь никто не потревожит стародавние тайны.

Эвистрайя, весьма взволнованная чудесами безымянной цитадели, объявила, что мы встретились с Солдатом Богов. Возможно, она права, но, так или иначе, для смертных замков — лишь очень опасный артефакт.

Между тем зараза в ручье стала терять силу. Ферджин, несмотря на наши увещания, набрал себе в склянку воды, намереваясь позже изучить ее. Если к местным жителям и не вернется их нормальный облик, то порча уж точно не распространится дальше.

Хотя наступила глубокая ночь, ни у кого не возникло

желания разбивать лагерь в этом зловещем месте. Едва покончив с делами, отряд двинулся дальше, остановившись на отдых, когда стена леса надежно скрыла от взоров башни проклятого замка.

— День 30 апреля года 1827 от основания
великого королевства Арагон.

Ведомые Джоном, срезаем дорогу, пытаюсь как можно быстрее попасть в столицу.

Его величество все еще очень недоволен задержкой из-за проклятой деревни. А после дневного происшествия недовольство короля возросло многократно, перейдя в дикую ярость: над нашими головами пролетел ксандрийский разведывательный корабль. Похоже, война все-таки началась, но развязал ее вовсе не Арагон XIII.

Предполагаю, привал нам предстоит нескоро, и будет он кратким. Пришпорили коней, я пустился бегом. Как же мне не хватает моего скакуна!

Лагерь не разбивали. Ночевать придется под открытым небом, чтобы не задерживаться поутру, сворачивая палатки. Возиться с ужином ни у кого нет сил. Я, кажется, завалился бы спать прямо на землю голодным. Однако баронесса попросила всех повременить с отдыхом.

Клодия огорошила нас целым ворохом новостей, большинство из которых она узнала еще у Фредерика, но поделиться с нами решила только сегодня.

Как я и боялся, заговорщики не ограничатся захватом власти в Арагоне. Нет, они задались целью восстановить Лук Богов — древнее оружие, которое после завоевания Леодара мифические братья-короли, повздорив, разделили на три части. С оружием такой силы маги смогут повелевать всем континентом (или уничтожить его), никто не остановит их на пути к власти. Если артефакт будет воссоздан, то миру, такому, каким мы его знаем, придет конец.

Единственный способ предотвратить трагедию — обнаружить, наконец, логово Сеймура. Надеюсь, в столице найдутся какие-нибудь подсказки.

Также, по сведениям баронессы, одолеть Царицу Бурь можно лишь посредством меча Арагона I, который хранится в сокровищнице королевского дворца, с дальнейшим заключением духа в особый камень. Сколько же могущественных злых сил пришло в движение одновременно!

Правда, Ферджин поправил Клодию: по его словам, есть шанс окончательно избавиться от твари, использовав некую редкую разновидность магических кристаллов. Интересно, знали об этом

Белые магистры? Да уж, Эвистрайя не прогадала, когда ради достойного материала для песни присоединилась к нам.

Уже завтра к полудню отряд должен достичь столицы. Фессахи все еще нет, боюсь, теперь она и вовсе не догонит нас.

— День 31 апреля года 1827 от основания
великого королевства Арагон.

— Ни один чародей не остановит ксандрийскую армию. Кроме
Вашего Императорского Величества, разумеется.

Из беседы генерала Данхила и императрицы
Сандры.

Аэнар в кольце осады. Ксандрийцы не просто начали войну с Арагоном, но и перебросили к стенам столицы свою многотысячную экспедиционную армию. Король мечется по поляне, где мы остановились, попеременно требуя то срочно атаковать лагерь врага, то послать за подмогой к рыцарским Орденам и дворянам, то обойти Аэнар, выбравшись на побережье, и попытаться достигнуть столичной бухты в рыбацкой лодке. Хотя подобное поведение отдаёт безумием, я ловлю себя на мысли, что понимаю его. В итоге решили задержать ксандрийский патрульный разъезд, допросить пленников, а там уже обдумывать дальнейшие действия.

Служба в дозоре тем и опасна — пока ты ищешь засады, они могут найти тебя. И тут уже не спрячешься в шеренге таких же солдат. Ксандрийское командование прекрасно понимало: в глубине вражеской территории охрану лагеря должно организовывать с особой тщательностью. По кромке леса, окружившего аэнарские луга, ездили группами по десять человек. Но тем, на кого мы напали, и эта предосторожность не помогла. Правда, куда быстрее нам удалось бы справиться с ними, если бы среди нас нашёлся хоть один мало-мальски сносный стрелок. Лишний раз недобрым словом помянули сбежавшего Йоргоса. Вооруженный многозарядным дварфийским арбалетом, доставшимся нам от «Весельчаков Донателло», придворный молодчик пришёлся бы очень кстати. Тем не менее ни один ксандриец не ушел, а двоих мы пленили. Мы узнали пароли для внешнего периметра лагеря и расположение ставки генерала Данхила. Солдатам хватило демонстрации возможностей моего кулака на древесном стволе, чтобы выдать нам необходимые сведения. Дальше вояк ждала незавидная судьба — разъяренный Арагон XIII приговорил их к повешению. Единственным, кто открыто выступил против, был я — считаю недопустимым карать

обычных людей, вынужденных подчиняться воле офицеров, главнокомандующего, императрицы, в конце концов. Мои возражения не помешали коронованному мальчишке организовать виселицу, перекинув две петли через сук ближайшего дерева, и провести казнь. Какое счастье, что государь не пожелал марать меч о простолюдинов! Вмешался случай (или кто-то из моих спутников тайно поспособствовал): ветка переломилась. С таким поворотом Арагон XIII вынужден был смириться. Ксандрийцев оглушили и связали. Надеюсь, неизвестный доброжелатель додумался ослабить узлы, и несчастных не сожрали звери. Впрочем, здесь достаточно «угощений» для них: стреноженные солдатские лошади, убитые дозорные. После недолгого совещания мы приняли самоубийственное решение проникнуть в ксандрийский лагерь и захватить знаменитого генерала. Вероятность выжить в этой затее невелика, но попробовать стоило. Лексиз и Сиилин смогут улететь из боя. Эвистрайе Ферджин передал свиток мгновенного перемещения, убедив использовать его, если наше положение станет безнадежным. Остальные знают, на что идут, ради чего рискуют жизнью.

Пускай даже это заключительные строки в дневнике — за Арагон и Честь!

**

Сейчас я сижу на балконе верхнего этажа королевского дворца в Аэнаре. Передо мной расстилается, дрожа огоньками фонарей и окон, город, за стенами — костры осаждающих и тлеющее пожарище на месте южной четверти лагеря. Описать это будет непросто.

План был разработан в традиционном пиксячем духе — максимум импровизации и маневренности. Обрядив в трофейные кирасы Джона и Арагона (как единственных в команде, свободно говорящих по-ксандрийски), мы ночью отправились в стан врага. Замечу, идея прикинуться группой пленных лазутчиков, дезертиров или беженцев стара как мир, но на эту уловку продолжают попадаться. Так случилось и в этот раз.

Суровые конвоиры, слегка подталкивая нас в спины древками копий и тесня конскими боками (естественно, верхом остались только «ксандрийцы», прочие шли пешком), похохатывая, перебрасываясь сальными замечаниями с встречными солдатами относительно присутствующих дам, уверенно вели отряд к цели через лагерь. Кое-где у костров полуночиали с фляжечкой офицеры, иногда дорогу перебегал голозадый вояка с тазом и полотенцем, спеша в походную баню. В одном месте какой-то

затейник с довольной рожей ссал на палатку (вряд ли собственную). Но вообще стан осаждающей армии был непотребно опрятен, строг и тих. Неприятно видеть подобную организованность в рядах противника. Арагон злобно и витиевато ругался сквозь зубы.

Беспрепятственно мы прошли до самого внутреннего кольца заграждений. Шатер главнокомандующего был защищен по всем правилам: его вместе с палатками высшего офицерского состава и личных телохранителей обнесли частоколом, ворота стерегли. Джон попытался шутками да прибаутками отвлечь стражей, разыгрывая забывчивого, немного выпившего патрульного, которому необходимо доставить важных военнопленных лично Данхилу («приказ капитана, мать его; сам бы сгонял, ленивая сволочь»). Но охрана строго блюла покой и безопасность генерала. Поэтому ребята погибли при исполнении, не успев издать ни звука. Тела мы столкнули в неглубокую канавку и ступили на территорию ставки. Наши сердца уже возликовали, когда случилось непредвиденное: какой-то засранец заметил толчею перед воротами, решил проверить, предсказуемо обнаружил трупы и нас, направляющихся к шатру Данхила.

Его вопль, по пронзительности не уступающий крику раненой лошади, был прерван стремительным Джеком, но... Везение закончилось: в лагере послышалось шевеление, из шатров, расположенных внутри частокола, выбрели заспанные воины, а между нами и генералом встали бойцы императорской гвардии — молодчики, сравнимые по габаритам с Тилом и вооруженные алебардами.

Помимо того, над нами из темноты вынырнула Клодия на своей метле, объявив неутешительные результаты разведки: ксандрийские летучие корабли располагались чересчур далеко отсюда. Даже при успехе задуманного мы не сумели бы пробиться к ним. Тут баронесса подкинула мысль, что у Данхила наверняка есть личный транспорт. На розыски оного помчалась уже Сиилин — Клодия напрочь отказывалась оставлять нас одних. Спорить с ней никто не стал, ведь не оценить ее участие в бою мог только глупец.

Пока в воздухе шла оживленная женская беседа, внизу уже разворачивалась схватка. Я и Джон врубились в шеренгу алебардистов, дав королю (а позже и баронессе) возможность нырнуть в шатер. Позади послышалась брань, пересыпанная, как солью, звоном клинков, — некоторые воины были готовы защищать своего главнокомандующего в одних подштанниках, едва покинув уютные спальники. Серьезные опасения вызывали судьбы незащитных Лексиз и Эвистрайи, которые могли пасть

от шального взмаха вражеского оружия, но помочь им я не мог. Приходилось полагаться на Тила, Гилберта и Джека. Ферджин почти сразу получил гардой в челюсть, счастливо потеряв сознание, и сейчас сладко обнимался с утопанным грунтом.

Первые минуты я верил в скорую победу. Тем паче, из шатра доносилось веселое «щебетание» мужских голосов, один из которых — самый радостный — принадлежал арагонскому монарху. Но тут раздался жуткий чавкающий звук, не оставляющий сомнений в своем происхождении: краем глаза я увидел искаженное яростью пополам с болью лицо Джона, отражающееся в лезвии алебарды. Не зря слава ксандрийской императорской гвардии гремела по всему Леодару! Один из суровых воинов вонзил крюк за ворот кирасы, чуть повыше ключицы Белого рыцаря, пытаясь стянуть его с коня. Правда, страж не учел, с кем имеет дело. Подавшись назад и выведя, таким образом, нападающего из равновесия, Джон, скрипя зубами, обрушил на него свой клинок. Парню некуда было деваться; с рассеченной головой он пал, оставив алебарду в теле врага. Вот тут-то я окончательно признался себе: мы безумцы, раз сунулись сюда.

На наше счастье, Лексиз довольно быстро сориентировалась в ситуации: девочка выбежала на пустое пространство между рядами палаток и начала преображаться. Зрелище потрясло многих, позволив Тилу сразить, наконец, двоих зазевавшихся противников (к тому моменту изрядно его теснивших), а Джеку — скользнуть в генеральский шатер следом за Арагоном. Надо сказать, кот порядочно порезвился к тому моменту, оберегая тело Ферджина от желающих добить павшего, а девиц — от любителей мимолетных отношений. Лишь поправив физиономии несколькими особо ретивым офицерам, Джек устроил мага поудобнее и решил провести, как там переговоры с Данхилом (собственно, перешедшие уже на повышенные тона). К сожалению, мой оруженосец, пребывавший в неведении относительно второй сущности Лексиз, также остолбенел, едва не пропустив смертельный удар, направленный ему в шею. Зато в ответ юноша из полуприседа протаранил ксандрийца щитом, сбив того с ног.

У меня вышибли меч. Честное слово, мне уже порядком надоело подбирать свое непокорное оружие! Разозлившись, я снова опробовал всю мощь нового данного мне тела, остановив выпады двух алебардистов. Ухватившись за древки оружия, я напрягся и рванул их вверх, с хрустом вывернув руки вояк из суставов. Трофеи тут же были пущены мною в дело — первая алебарда полетела в коварного стрелка, вознамерившегося сразить Тила из мушкета в спину. Вторая вонзилась в живот

одного из гвардейцев, осаждавших Джона. Дальше мне предстояло обойти рыцарского коня, дабы оттянуть на себя «лишних» оппонентов. Не знаю, по какому принципу стражники разделились, только меня атаковали вдвоем, тогда как на магистра приходилось пятеро. Кого из нас признали страшнее — вот в чем вопрос?

По крайней мере, могу сказать точно: Белому рыцарю достались самые ярые и умелые (или неприлично удачливые) противники. И вот еще один крюк полоснул его по щеке, глубоко войдя в наплечное сочленение доспеха. На этот раз Джон еле удержался в седле. Но вытащить свое оружие алебардист не сумел, лишившись за это рук по локоть. От крика покалеченного ксандрийца, влившего свой голос в слаженный хор таких же неудачников, конь Джона взбрыкнул, наверное, удивленный подобным проявлением слабости у воина. Резкое движение скакуна высвободило алебарды из «плена» рыцарских мышц и доспеха. Жеребец возмущенно, грозя сбросить всадника, поднялся на дыбы, но я успел схватить его под уздцы. Думаю, на доли секунды магистр потерял сознание, настолько он побледнел — хотя глаза его оставались открытыми, налившись кровью, — но мгновения спустя он снова крепко держал повод. Слава Мистралине, Клодия не видела происходящего — теперь Белый рыцарь был поистине страшен!

Когда я разжал пальцы, отпуская коня, меня внезапно обдало жутким холодом. Драконица решила вмешаться в схватку, закончив разбираться со смельчаками, набежавшими из лагеря и повывлезавшими из окрестных палаток. Ее ледяное дыхание сковало троих гвардейцев вместе со мной. Благо, Джону не досталось бодрящего морозного «душа»: естественно, скакун прянул от летающего чудища на безопасное расстояние, заранее почуяв приближение Лексиз.

Да, некоторое время я лишь наблюдал за схваткой, не смея пошевелиться. Наглядный пример собратьев по несчастью разохотил меня торопиться возвращать себе подвижность. Один из алебардистов попытался сделать шаг и оставил ноги на месте, а при падении раскололся, как хрустальная ваза. Другой хотел завопить от ужаса, да так и застыл, косясь на ошметки своей нижней челюсти и горла. Правда, был еще подозрительно затихший страж, но он пока не представлял опасности, как и я. Выглядел гвардеец, пожалуй, наиболее замерзшим.

За воротами показалась шеренга ксандрийских стрелков. Готовился первый залп. И тут время замедлило свой безумный бег, во всяком случае, для меня. Все двигались, точно в густом яблочном желе, — лениво, тягуче. Драконица, развернувшись,

полетела встречать гостей и на некотором расстоянии зависла в воздухе, распростерши крылья и разинув жуткую пасть, намереваясь заморозить всех и вся.

Послышался предупреждающий выкрик Джона, уже направляющего коня навстречу мушкетерам: там, в смертельной близости от дул, застыла, внемля будущей песне, Эвистрайя. К ней же устремился Гилберт. Тил с телом Ферджина на плече, еле доковылявший до меня, оглянулся и в отчаянии прошептал: «Не успеть!»

Похоже, в тот момент мы, ко всему прочему, чуть не лишились нашего высокопоставленного заложника. Из шатра Данхила донесся ликующий вопль короля, сменившийся яростным, почти звериным рыком, и высокий требовательный возглас Клодии. Остальное перекрыл грохот выстрелов. Мушкетеры, все как один, мудро выбрали целью Лексиз, подарив нам еще несколько мгновений жизни. Началась смена стрелковых рядов, а чудовище между тем превратилось обратно в девушку. Несомненно, мертвую — ее хрупкое изящное тело изрешетило десятками пуль.

Именно тогда явилась надежда — в облике феи, нашедшей корабль генерала. А еще я отмерз.

Огриные ноги сейчас были самым быстрым средством передвижения, не считая пиксячьих крылышек. Я тут же бросился следом за Джоном и Гилбертом. С прискорбием признаю, именно моя озабоченность судьбами эльфийки и драконицы едва не стоила жизни этим двум рыцарям. Я обогнал их, подхватил бездыханную Лексиз, усадил на плечо ошарашенную Эви и повернул обратно. А за спиной Джона делал богатырский замах оттаявший чуть позже моего алебардист. Я успел только выкрикнуть предупреждение. Опережая меня,отреагировал мой оруженосец: мальчишка заступил дорогу коварному гвардейцу и принял страшный удар на себя. Конечно, у Гилберта не хватило силы заблокировать атаку, и широкое блестящее лезвие, скользнув по кромке щита, рухнуло ему на грудь, рассекая фамильный доспех. От верной гибели юношу спас Джон: изогнувшись совершенно невероятным образом, он срубил вражью голову, а потом, ругаясь на чем свет стоит, срезал ремни крепления багажа и втащил Гилберта к себе. Так, с перевешенным через седло мальчиком, враз обнищавший Белый рыцарь покинул поле боя. Я со своей ношей старался не отставать.

Второй залп превратил шатер генерала в ажурную беседку. Видимо, наше бегство было столь стремительным и неожиданно успешным, что никому не пришло в голову нас догонять. Мушкетеры даже не пытались сохранить свои выстрелы для

наших спин, хотя имели все шансы настигнуть отряд, пока мы плутали меж палатками, освобождали корабль от маскировочной сетки, грузились. Возможно, действительно сработала хитрость феи, которая отвлекала внимание преследователей, да и вообще всего лагеря, зазывными криками «они здесь», «мерзавцы побежали туда».

Не ведаю, как проходил бой в шатре Данхила. По словам Арагона, он в считанные секунды перебил убежденных седиными мощных советников генерала; правда, его похвальба вызвала на лицах Клодии и Джека ироничные усмешки. Полагаю, было всего понемногу: граничащая с безумием отвага короля, заклинания баронессы и нечеловеческая ловкость кота. Точно известно, что разозленный надменностью генерала государь едва не убил того, и только своевременное заступничество Клодии спасло старому вояке жизнь. Зато на борту корабля девушка проявила беспрецедентную доселе жестокость (хоть и обоснованную нашим спасением). Когда Данхил отказался поднять судно в воздух, она взмахнула рукой, лицо генерала побелело, он забился в руках ошеломленного Арагона и пронзительно заорал. Такой муки был исполнен этот вопль, что все вздрогнули. Баронесса выждала мгновение, положила на вспотевший холодный лоб несчастного ладонь и повторила приказ. Закаленный во многих славных боях, Данхил смотрел на нее с тщательно скрываемым, но все же страхом. Больше ксандриец не спорил, корабль взлетел и благополучно достиг стен столицы.

Однако уже над городом мы были сбиты из станковой баллисты, но при падении никто серьезно не пострадал, за исключением генерала, сломавшего ногу. Арагон торжественно выбрался из корабля со словами: «Вот он, ваш король!»

Увидев живого, неувредимого государя, народ возликовал и на руках донес его — а заодно и остальных — до дворца. Раненые перешли на попечение королевских целителей. Теперь они точно выживут. Арагон же, не теряя времени даром, созвал полторы сотни рыцарей и устроил вылазку в стан врага. Мы с Клодией тоже поучаствовали в этой «славной охоте». В лагере царил хаос, вызванный потерей высшего командного состава. Кто считал, сколько врагов пало под ударами наших мечей и копытами наших коней?! Мы прошлись по стану как кровавая коса. Некоторые особо ушлые воины даже успели набрать себе трофеев у поверженных ксандрийцев.

После сражения я проведаль раненых товарищей, по настоянию Клодии собранных в одной зале. Благодаря королевским целителям все уже идут на поправку. Я подбодрил

Гилберта, высказал Лексиз свои впечатления от ее дурацкой выходки в бою. Нельзя бездумно атаковать, не отличая врагов от союзников. Драконица заявила, мол, это вышло случайно, я слишком большой и в меня трудно не попасть.

Теперь собираюсь поспать. В замке тридцать три этажа, мало кто забирается на самый верх: подъемные механизмы замерли века назад. Вот там-то я и решил организовать свой отдых. Ко мне присоединилась Эвистрайя. Играть в «лазарете», полном засыпающих людей, было бы плохой идеей, а не делать этого эльфийка попросту не может. Завтра попытаюсь узнать, что все-таки случилось с моей кошкой.

— День 1 мая года 1827 от основания великого королевства Арагон.

Интерлюдия 8.

Клодия наводит порядок

— Женщины сами не понимают, чего хотят. Но после того, как им все же удается это понять, с ними совершенно невозможно сладить.

Латойя Альгири, принц диезского штата Гайдри.

Огромный шумный и неухоженный дворец вгонял Клодию в уныние. Тридцать три этажа хаотичного нагромождения комнат, залов, коридоров, чуланов. Вероятно, предки руководствовались при постройке некой логикой — по слухам, в библиотеке сохранились даже чертежи, — но потомки за многие столетия испохабили унаследованное. При любой необходимости, даже просто по чьему-нибудь капризу, прорубались новые двери и окна, а старые — замуровывались. В нескольких местах из-за подобной небрежности перекрытия не выдержали и обрушились (во время одного из обвалов погиб Арагон IX). Размер здания позволял оставлять затопленные, прогоревшие, чересчур грязные помещения как есть. Потерпевший съезжал в комнаты получше, а в негодные комнаты ссылали опальных царедворцев, ненужные вещи, или туда переселялись жители камор похуже. В местах протечки запутанной системы отопления красовались пятна плесени. На стенах их прикрывали некогда роскошные ковры, давно отсыревшие и омерзительно пахнущие. В некоторых залах еще работали искрянки, в других использовались свечи, в третьих — светильники, изготавливаемые Гильдией Магов. В чуланах валялся всевозможный хлам, затканый паутиной и белесый от пыли. Здесь имелись и предметы мебели, и книги, и платья, и забытые големы, наподобие тех, которых Клодия видела в заколдованном замке, — то есть все что угодно. В том числе иссохшие мумии мышей и прочих паразитов, хотя их и в жилых помещениях было достаточно.

Но сильнее прочего угнетал непрерывный гомон несметного числа людей, не затихающий даже ночью. По большей части этот люд имел весьма отдаленное отношение к делам и нуждам его величества Арагона XIII. Во дворце обосновались дармоеды всех мастей со своими семьями, иногда даже со своими домашними животными. Нельзя было сделать шагу, не наступив на кошку, левретку или какую-нибудь другую четвероногую тварь, естественно, с родословной, восходящей к основанию

королевства. В обширных подвалах замка держали свиней и кур. На первых двух этажах находилось несколько харчевен, в которых готовили мясо выращиваемой ниже скотины. Да, Арагон утверждал, будто едальни приносят хороший доход, но сам факт их существования в королевском дворце не укладывался у Клодии в голову.

Провинциальный заброшенный Штейн и ухоженный крохотный Фальд, к которым привыкла баронесса, являли собой образец порядка по сравнению с этим притоном.

Десять приемных его величества, расположенных в различных частях здания, постоянно осаждали толпы нуждающихся. Все они, вне всякого сомнения, хотели денег: от проигравшегося в рулетку маркиза до безумного старика с проектом безлошадной повозки, работающей на паровой тяге. Впрочем, там монарх появлялся крайне редко, по прибытии — вообще не заглянул.

Теперь львиная доля проблем королевства официально перешла в ведение Клодии. Ведь на ее груди, наполовину утопленная в лиф, бесстыдно красовалась золотая медаль Главного Королевского Шерифа. Вчера, когда регалия впервые заняла свое место, монарху это показалось неплохой шуткой. Вздорная девка в очередной раз посмела критиковать его манеру ведения государственных дел. Ну, теперь она с избытком хлебнет их, если не утонет, конечно, в самом начале. К тому времени, как Арагон осознал свою ошибку, Клодия уже развила бурную деятельность на посту: допросила пленного генерала Данхила и организовала военный совет (безусловно, с необходимостью его, короля, участия). Эти два события только усугубили хандру баронессы. Ксандрийский военачальник с холодной вежливостью, не скупясь на подробности, в красках изобразил ближайшее будущее королевства Арагон. После совещания с арагонскими полководцами Клодия склонялась к тому, что если Данхил и приврал, то лишь самую малость.

Властительные могучие старики — герцоги, графы, бароны — способные стоять прямо в изукрашенных доспехах, которые девушка и с места не сдвинула бы, вели себя хуже малых детей. Они потрясали огромными булавами, орали друг на друга, угрожали его величеству, обещая увести свои войска прочь. Особенно яростно требовали, чтобы мерзкая шлюха (естественно, дворяне имели в виду Клодию) не оскорбляла совет своим присутствием, а звание Главного Королевского Шерифа — своей п... ой. Баронесса, красная как омар, стояла у королевского кресла, силясь понять, почему герцог Ларг принес семьсот быков и тысячу овец в жертву Александру, богу войны, вместо того чтобы позволить горожанам их съесть или, в конце концов,

сожрать самому вместе с дружиной. Почему барон Гафгарион слышать ничего не хочет о захвате ксандрийских воздушных кораблей, пушек и ружей, использование которых противоречит каким-то там заветам предков? Почему граф Эльден... В общем, голова шла кругом, а в груди закипала ярость. Хуже всего было осознание — каждый из этих напыщенных индюков на самом деле нужен Арагону XIII, по крайней мере до конца войны. Клодия старательно записала имена самых шумных и упертых дворян в небольшой блокнот. Когда война кончится (и если она кончится хорошо для государства), старые пердуны ответят за свою дерзость.

Несмотря на унижение, которое пришлось вынести на совете, девушка добилась почти всего, чего хотела. Государь подписал большую часть предложенных ею указов, худо-бедно направил и организовал дальнейшие действия крикливых стариков. Затем он испортил последнее платье Клодии, разорвав его во внезапно нахлынувшем порыве страсти. Во всей этой суматохе Арагон попросту забывал прислать своей фаворитке новые наряды, а ведь еще предстоял конвент Гильдии Магов, которого Клодия особенно опасалась.

— Тратить десять лет жизни, чтобы научиться зажигать огонь щелчком пальцев? Ну уж нет! Я выбираю спички.

Герберт Стоут, ратник.

Главы Колледжей собирались лениво, неохотно, не скрывая своего возмущения по поводу проведения совещания в зале, огражденном антимагическим полем. Взглянув на чародеев, Клодия от отчаяния тихонько завывала. Жирные, едва передвигающиеся, либо неестественно высохшие и скрюченные, магистры являли собой настоящий парад уродов, облаченных в парчу и шелк, возмнивших о себе невесть что, но от того не более привлекательных. Их робы ошеломяли своей роскошью, напомаженные бороды, тщательно уложенные завитками и косами, — своей длиной, а высказывания — нескрываемым презрением ко всему, кроме собственной персоны. Голым подбородком щеголяла только фривольно одетая, бессовестно растолстевшая и безвкусно покрашенная глава Колледжа Путешествий. Правда, верховный пост Гильдии занимал магистр Школы Жизни, являвший собой превосходную демонстрацию возможностей данного ответвления чародейских наук, — единственный из присутствующих колдунов, кто не вызывал отвращения при взгляде на него. Король откровенно скучал,

похоже, вновь собравшись наблюдать, удастся ли новоиспеченному Шерифу справиться со своими обязанностями без его поддержки.

К счастью, ожидания Клодии не подтвердились. Хотя чародеи не желали принимать всерьез и ксандрийское вторжение, и Царицу Бурь с армией нелюдей, и даже Сеймура с Луком Богов. О последнем удалось узнать много нового.

Сеймур Годханд впервые появился в поле зрения Гильдии Магов около полутора сотен лет назад, оставив Гильдию Алхимиков ради изучения магических искусств и обнаружив недюжинный чародейский талант. Это, вкупе с весьма непривычными идеями, принесло ему как массу приверженцев, так и уйму врагов. Благодаря Сеймуру открыли новый Колледж — Прикладной Технический. Его рассуждения о том, что отцы-основатели и даже боги были самыми обычными людьми, всего-навсего вооруженными технологическими чудесами, которые современный человек не способен осмыслить из-за своего удручающе низкого уровня развития, находили отклик в умах юных студентов. Содержимое хранилищ под кварталом жрецов подверглось всестороннему изучению. Гобелен в королевском дворце, изображающий сокрушение Царицы Бурь, Сеймур, не стесняясь, называл фарсом. Разумеется, это не могло продолжаться долго. Изыскания Годханда были объявлены богохульными, основанный им Колледж — закрыт. Самому новатору пришлось бежать. Казалось, никто больше не услышит о Сеймуре Годханде.

Но вспомнить о нем все-таки пришлось. Маги с горечью признали: в сердце Гильдии давно вызревал заговор. Катрионская война являлась одним из первых актов ужасного спектакля. Столкновение спровоцировали ради единственной цели — захвата одной из трех деталей Луки Богов, машины разрушения, которую короли-братья разделили между собой, как и все остальное оружие, привезенное в Благословенные Земли из-за Эрбекского хребта. Клодия уже слышала эту легенду. Арагон, Катрион и Ксандр привели свои народы из погибающего мира за горами, в великой битве на Золотых Полях уничтожили объединенную армию нелюдей, хозяев Леодара, Арагон прикончил в поединке Царицу Бурь... и братья рассорились при дележе добычи. К счастью, у них хватило ума не воевать друг с другом. Имущество и трофеи короли поделили, в том числе легендарный Лук Богов. Арагон, как старший, забрал основную часть, средний, Ксандр, взял себе стрелы, младшему, Катриону, досталась тетива.

После катрионской войны тетива попала в руки Сеймура. Как,

собственно, и сам Лук. Но магистры Колледжей медлили, не в силах столкнуться о методе, который позволит устранить Сеймура и его приспешников, не бросив тень на Гильдию. Помимо того, им не верилось, что их бывший ученик и коллега сумеет заставить оружие работать. Все изменилось, когда Лук Богов выстрелил. Приливная волна превратила в руины полтора прибрежных квартала в Азнаре, ксандрийский экспедиционный корпус вторгся на земли Арагона, а чародеи, наконец, собрались вместе, дабы раз и навсегда положить конец махинациям отступника.

Конечно, Сеймур не только вторично избежал кары, но даже умудрился вывезти из столицы огромный механизм в неизвестном направлении. Видимо, это была заранее спланированная акция, призванная явить всем и вся мощь культа Годханда. Вполне вероятно, таким образом предполагалось вынудить Гильдию присоединиться к новой силе, зародившейся в Леодаре. Тем не менее главы Колледжей остались верны короне, а скорее даже — собственной гордыне. Впрочем, Гильдия очистила свои ряды от самых нерадивых и молодых приверженцев техномагического культа, каковых внезапно выискалось среди студентов довольно много. Пропали также бывшие ученики Сеймура, распределившиеся когда-то в другие Школы и позже сами ставшие преподавателями. А магистры в очередной раз погрузились в самодовольный покой.

Клодия вытерла вспотевший лоб, смахнув капельки пота на бархат черного с серебряным шитьем костюма, предельно закрытого и строгого, низко поклонилась чародеям. В этом одеянии она чувствовала себя так, словно ее заковали в броню.

Медаль шерифа качнулась взад-вперед на толстой цепи, и девушка зажала ее в кулак.

— Надеюсь, о великие и мудрейшие, я и впредь смогу прибегать к вашей помощи.

— Если снова захочешь послушать старые сказки, собирай совет жрецов, милочка, — прогудел глава Школы Огня из-под золотой маски.

Сидящие в зале чародеи расхохотались. Так же презрительно они ржали, когда Клодия упомянула о выдающихся магических талантах ксандрийской императрицы Сандры и об опасности возрождения божества нелюдей.

— Уверяю вас, я обязательно так и сделаю, хотя ваши советы, несомненно, не заменит ничто, — произнесла Клодия, подавив приступ гнева. Арагон тихонько похрапывал, развалившись в кресле.

— Я больше не смею задерживать вас, магистры. Но прошу,

мастер Лемберт, — девушка устремила взгляд на главу Гильдии, — останьтесь. У меня к вам очень личный вопрос.

Покряхтывая и переругиваясь, чародеи двинулись к дверям залы.

Клодия растолкала короля. Лемберт выжидательно смотрел на нее из-под густых серебристых бровей.

— Знаете ли вы что-нибудь о женщине по имени Миланора, господин?

Лемберт удивленно вскинул брови и отвел глаза.

— Миланора... Это действительно важно? Мы... не привыкли выносить сор из избы.

— Безусловно, если Главный Королевский Шериф задает вопрос — это важно, — зевая во весь рот, заметил король. Клодия кивнула, не сводя глаз со старика.

— Мы не любим вспоминать эту историю. Миланора... она стала пятном на совести каждого из нас, — ответил чародей, не поднимая головы. — Миланора занимала должность магистра Колледжа Ветра. Поговаривали, будто она эстарийка... Но я не могу подтвердить или опровергнуть этого, во всяком случае, ее аура и ее уши не отличались от человеческих. Хотя есть множество нюансов, когда дело доходит до мана-оболочек и чар... Миланора была потрясающе красива, — Лемберт замялся, — сейчас, когда мы заговорили об этом, замечу: вы чрезвычайно похожи на нее. До изгнания Сеймура она жила с ним. Думаю, они любили друг друга.

Волшебник грустно вздохнул и продолжил:

— Девятнадцать лет назад, в разгар катрионской войны, Арагон XII затеял с ней интрижку. Миланора забеременела. Мужчина-маг имеет в своем распоряжении достаточное количество средств предотвратить нежелательное зачатие, но его величество не заботили такие мелочи. Если б о произошедшем узнал герцог Голфаг, отец королевы... Это был бы даже не скандал — катастрофа. Беременная Миланора бесследно исчезла. Нам запретили ее искать. Мы... Мы согласились.

— Мастер Лемберт, сейчас мы выйдем из залы, — произнесла Клодия. — Нам следовало сделать это раньше, я доверяю вам. Благодарю за рассказ. Больше не смею отнимать у вас драгоценное время.

За дверями зала глава Гильдии очень странно посмотрел на Клодию, посох, выпав из его руки, с дребезжанием покатился по полу. Маг тяжело осел на пол. Баронесса бросилась на помощь старику.

— Вы... Вы знаете, кто ваши родители? — просипел Лемберт, пытаясь нащупать посох рукой.

— Да, — коротко ответила девушка.

— То есть вам известно — Миланора и Сеймур ваши... — магистр, наконец, забрался на стоящий у стены пыльный диванчик. Но теперь настало время удивляться Клодии.

Дальнейший разговор был весьма эмоционален и сумбурен.

Арагон досадовал, что спит не со своей сестрой, а с какой-то посторонней девицей, — по его мнению, связь, перестав быть кровосмесительной, теряла в остроте.

Клодия не могла прийти в себя от услышанного, раз за разом переспрашивая волшебника, уверен ли он. Лемберт, расхаживающий в невероятном возбуждении рядом с диванчиком, отвечал утвердительно.

Вдруг он остановился.

— Мы должны связаться с Сеймуром. Он наверняка не сумел опознать вашу ауру, ведь школу жизни он изучил очень поверхностно!

Через полчаса бешеной скачки по лестницам дворца, а затем людным улицам Аэнара Клодия с королем стояли в башне главы Гильдии Магов и наблюдали за приготовлениями к сотворению заклинания.

— Получается, ты никакая мне не сестра? — прошептал Арагон на ухо баронессе.

— Вы уже седьмой раз меня об этом спрашиваете, ваше величество! И прекрасно знаете ответ! Слава богам, мы не родственники! — баронесса выхватила из рук государя магический том, который тот лениво полистывал. — Я думаю, моя красота ничуть не потеряет от отсутствия между нами родства...

В этот момент раздался приглушенный хлопок, сопровождаемый звоном разбитого стекла. Мастер Лемберт, глава Гильдии Магов, лежал, уткнувшись лицом в светло-зеленое сукно своего рабочего стола, усыпанного осколками колдовского шара.

Клодии хватило нескольких мгновений, чтобы понять — чародей мертв. Растекающаяся по столу кровь медленно складывалась в буквы и слова. Получившаяся в итоге надпись гласила: «НЕПЛОХАЯ ПОПЫТКА, ГОВНЮК».

**

Клодия стояла посреди колоссального, тускло освещенного и очень чистого Зала Предков. Помещение занимало собой все пространство под холмом, на котором располагался квартал жрецов.

— Когда эта штука включается, — болтал король, — из нее появляется луч синеватого света длиной примерно с полуторный

меч. В рукоятке три отверстия для кристаллов, кнопка, чтобы включить, кнопка, чтобы выключить. На одном кристалле меч работает около часа, камней осталось всего десять. Вообще «Убийца Богов» довольно нелепое оружие, хоть оно отлично режет и металл, и камень, и плоть. Мой дед отрубил себе руку этой фиговиной, неправильно повернув при включении. Тогда место, откуда выходит луч, поместили крестиком...

В пол-уха слушая короля, Клодия рассматривала машины предков. Они были некрасивы, нелепы, нелогичны, но от них веяло ужасающей разрушительной силой. Девушка не сомневалась — это механизмы, созданные для войны и побывавшие в бою. Но в бою... с чем? Или с кем? На тусклой, не тронутой ржавчиной броне остались следы, точно от ударов огромным молотом, в других местах металл почернел, вспучившись уродливыми пузырями. Некоторые из машин оказались испорчены, словно над ними поработали гигантские когти. В корпусах других зияли дыры с оплавленными краями. В этих прищельцах из позабытого прошлого не было и намека на легкомысленность ксандрийских летучих кораблей. Некоторые машины превосходили размером трехэтажный дом.

— Дед как-то попытался вытащить одну из этих безделушек наверх (еще до того, как откромсал руку), — продолжал Арагон. — Когда он все же добился своего, переведя кучу людей и средств, выяснилось, что сотня лошадей едва сдвигает ее с места. Тем не менее пришлось выволочь ее за черту города — жрецы подняли народ, объявив этот хлам опасным. Вернее всего, громадина им попросту мешала. Рухлядь закопали за старой стеной, сейчас на этом месте отличный бордель...

Разумеется, Клодия совсем не удивилась, найдя здесь «солдат богов». Искореженные, неподвижные, они стояли аккуратными рядами, пялясь пустыми глазницами друг другу в затылки. Внимание девушки привлек возвышающийся в дальнем углу зала черный куб. На его гладкой поверхности, на уровне плеча, имелись три углубления, рядом с ними — надписи, судя по всему, добавленные позже: «истребить врагов», «защитить свой народ», «спросить совета у богов». Рядом с кубом находилась диковинная конструкция. Такую же Клодия нашла в подвалах замка Штейн: она походила на нагромождение камней, которому придали условно человекообразный вид.

— Это тоже не работает, Кло, — сказал король, проследив за ее взглядом. — Там выемки под мой перстень. Если вставить его в отверстие... то ничего не произойдет. В детстве я не раз пробовал. А хлам около куба — доспехи Арагона I. Ну какой дурак поверит, будто мой предок был четырех метров роста!

Глупая старая статуя — вот что это такое.

— Ваше величество, вы помните великана из проклятого замка? — Клодия указала рукой на ряды големов. — По-моему, он очень похож на этих. И он работал, — баронесса провела ладонью по оплавленному неровному краю дыры в корпусе. — Сколько же их уцелело? Среди жрецов есть кто-то, способный заставить эти штуки двигаться?

— Я же говорил тебе, даже сто лошадей... — Арагон осекся. — В смысле, самостоятельно двигаться? — король прислонился к стене и закатил глаза, погрузившись в раздумья. — А я ведь был в Золотых Полях. Это долина в предгорьях, недалеко от восточной катрионской границы. Мне стукнуло восемь, незадолго до этого я прочел сказание о Великом Исходе — захотелось посмотреть, как выглядело место решающей битвы с нелюдьми. Там ничего нет, Клодия, только серый... — он снова на мгновение замолчал, — только серый песок. Теперь, когда ты об этом упомянула... — Арагон бросил едва ли не испуганный взгляд на стальную громадину, неведомой силой распоротую надвое. — Если наши предки воевали на таких машинах, то у нелюдей они тоже были!

Король развернулся и, стуча каблуками, торопливо пошел к выходу, оставив Клодию с древними чудовищами наедине.

**

Тяжелый день: смесь сумбурной беготни всех вокруг, грустных, зачастую непонятных известий плюс щепотка отдыха. Клодия, получившая по странному капризу нашего беспечного монарха полномочия Главного Шерифа, теперь суетится, тщетно пытаюсь внести толику порядка в давно разболтавшийся государственный механизм. Остальные заняты кто чем.

Ферджин окопался в алхимической лаборатории, изучая какие-то кристаллы, — кажется, он ожидает найти в своем наборе тот, что навсегда поглотит дух Царицы Бурь. Мда, никто не ждал от него полезных действий (все же он больше теоретик и применяет свои знания редко), особенно после обнаружения его косвенного участия в заговоре Сеймура. Придворный маг сам покаялся в этом, заверив меня, впрочем, в собственной невиновности — якобы он никогда не желал Арагону XIII зла, лишь оказался бездумным инструментом в руках ренегатов. Как я уже писал, за глупость пока не вешают, хотя за такую стоило бы. Все-таки приглядывать за ним в полглаза не помешает.

Сиилин вместе с выздоровевшей Лексиз опять окунулись в какие-то шалости. Кстати, пикси вьется рядом с лабораторией Ферджина, как оса над яблоками, похоже, вновь готова некую

шутку. Только бы ничего опасного.

Джон тренирует Тила и Гилберта — повезло ребятам с учителем! Эви чаще сидит во дворце у окна, задумчиво рассматривая людское копошение внизу. Надо будет полюбопытствовать, каково ее впечатление от Аэнара. А я вот продал два кристалла из подземелья и посетил Гильдию Магов.

Столичное отделение Гильдии практически не замешано в заговоре. Впрочем, за то, что Сеймур увел из-под носа напыщенных магистров Лук Богов, их ряды все равно стоило бы хорошенько проредить! Ладно, у нас все-таки война. Да и мне колдуныгодились. За хорошую плату они показали мне Фессаху. Моя рабыня похудела, облезла, выглядит изможденной, но она жива и спокойно спит в каком-то лесу. По-видимому, кошка просто решила вернуться на лоно природы. Наверное, так и впрямь лучше. Да хранят ее боги. Не держу на Фессаху зла за побег. Кроме того, я никогда не ограничивал ее свободы по-настоящему.

Впервые за долгое время удалось посетить храм Мистралины. Там я помолился о здоровье родных. Кто знает, встретимся ли еще, но, надеюсь, мой род переживет эту и грядущую войны. Я обмолвился настоятелю храма о встрече с Царицей Бурь, упомянув, как она схожа обликом с милосердной Мистралиной. Тот просветил меня: злую сестру богини зовут Марджолина, она собрала в себе все худшие пороки, тогда как Мистралина олицетворяет добродетели. Жрец благословил меня на битву с Царицей, но из его слов стало понятно — никакое оружие, кроме волшебного меча Арагона I, не способно причинить ей хоть малейший вред.

Гуляя по городу, забрел на рынок рабов. В одной из клеток обнаружилась эйрайка. Я решил немного уменьшить свой моральный долг перед Эвистрайей, выкупив ее соплеменницу. Очень глупо с моей стороны. Презрев мои добрые намерения, она попыталась убить меня! Девушка принадлежала к клану, который решил присоединиться к Марджолине в войне против людей. Я все равно отпустил (или, скорее, выгнал) полную ненависти эльфийку. Полагаю, ей лучше умереть с оружием в руках, чем в клетке.

Остаток дня я посвятил посещению домов терпимости, частично прогнав из своего сердца печаль и усталость дальней дороги. Теперь было бы замечательно присоединиться к очередной вылазке в стан ксандрийцев. Думаю, Клодия сумеет это устроить. Не могу сидеть сложа руки, ожидая, когда враг пойдет на приступ.

— *День 2 мая года 1827 от основания великого королевства Арагон.*

С последней записи миновало уже четыре дня. Не считая тренировок с Гилбертом и коротких (на мой взгляд, крайне неэффективных) атак на лагерь осаждающих досуг мой проходит в праздном ничегонеделанье.

Собственно, сегодня я открыл дневник, только для того чтобы написать о вспыхнувшем ночью восстании рабов в торговом квартале. Вырвавшиеся из клеток невольники принялись громить все вокруг, не щадя ни стражу, ни мирных жителей. На борьбу с рабами отправился отряд блюстителей порядка, предводительствуемый самим Главным Шерифом. Вот уж не знаю, зачем леди Клодия ринулась лично вылавливать беглецов, но мы с Гилбертом, Тилом и Джеком присоединились к ней. Всех бунтовщиков, не сложивших оружие, перебили. Помимо всего прочего, удалось предотвратить дипломатический кризис, отогнав восставших от посольства Эрбека. Причины бунта так и остались невыясненными. То ли хозяева не проверили замки и кто-то из узников воспользовался ситуацией, то ли это была коварная диверсия ксандрийцев.

Затем баронесса отправилась раздавать указания о взысканиях с недоглядевших за своим товаром работорговцев и компенсациях пострадавшим горожанам. Нам же удалось отдохнуть.

— *День 6 мая года 1827 от основания великого королевства Арагон.*

Интересно, почему так случается? Время то тащится еле-еле, то вдруг бросается вскачь. Вот и теперь почти неделя скучного безделья сменилась целым каскадом событий. Солнце еще только появилось на небосклоне, когда меня разбудил грохот артиллерийской канонады. Этой ночью под стены Аэнара прибыл корабль с ядрами из драгоценного метеоритного железа. Теперь магические щиты над городом стали абсолютно бесполезны. После того как орудия уничтожили башни с требушетами и снесли надвратные пилоны, ксандрийцы ожидаемо пошли на штурм, продолжая обстреливать столицу. Я едва успел одеться, когда в мои покои заглянул гонец. Арагон XIII созывал в главном зале дворца не только своих советников, но заодно и всю нашу пеструю компанию. Полагаю, этим приглашением мы обязаны растущему влиянию Клодии.

Баронесса явилась последней, пошатываясь от усталости: между подавлением восстания рабов и началом пальбы прошло

меньше четырех часов — похоже, она не ложилась вовсе. Девушка, не отводя глаз, в гробовом молчании выслушала отповедь короля (кому другому уже не сносить бы головы). По словам государя, она-де проворонила корабли с боеприпасами, начало приступа и вообще допустила этот кавардак. В ответ Клодия, еле сдерживая ярость, заметила, что Главный Шериф не несет ответственности за военные действия, особенно когда его призывает собственный долг. Девушка подразумевала ночной бунт с последствиями. Кроме того, она уведомила монарха об отказе генералов помочь ей. Они, очевидно, решили посмотреть, как глупая баба разберется с настоящими проблемами. При этом ни один не забыл отозвать солдат со стен для охраны личного имущества от разъяренной толпы рабов. Герцог, непосредственно отвечавший в эту ночь за оборону столицы, тоже покинул пост вместе с остальными. Провинившийся дворянин попытался оправдаться, свалив все на некомпетентность «белобрысой шлюхи», но вынужден был откланяться... Арагон XIII собственноручно свершил акт правосудия, выкинув бедолагу в окно.

Одним словом, совет проходил довольно бурно, когда в него вмешалась еще одна сторона. Порыв ветра ворвался в зал, лежащие на громадном столе бумаги, карты, резные фигурки воинов и орудий — весь этот бессмысленный мусор — с шорохом разметало по полу, а на подоконнике неожиданно возникла Марджолина. В объятиях она держала мирно спящую Фессаху.

Эстарийка обвела общество пристальным взглядом, задержав его на мне и Тилберте.

— Ну и кто из вас, здоровяков, так измучил девочку? — она кивнула на кошку. Та и впрямь выглядела скверно. Она полиняла и отошала еще больше, чем в видении, показанном мне магами.

— Полагаю, речь идет обо мне, — отозвался я, — хотя я ее ни до чего не доводил. И вообще, верни мою кошку!

Последняя фраза вырвалась сама собой. Я помнил, что в случае силового противостояния не смогу причинить Марджолине вреда, но сдержаться не сумел. Но как, о боги, Фессаха попала к Царице Бурь?!

— Забирай, — неожиданно легко согласилась эстарийка.

Меня здорово смутила такая сговорчивость Марджолины, хоть я и не замедлил воспользоваться ее любезностью, так и простояв до конца совета со сладко посапывавшей кошкой на руках.

— А теперь займемся политикой, — усмехнувшись, произнесла Царица и вальяжно расселась на подоконнике. — Я хочу дать вам всем шанс. Шанс, какого, замечу, в свое время

не получили мои подданные, — эстарийка прищурилась, выдержала выразительную паузу и продолжила: — Если в течение трех месяцев люди покинут Благословенные Земли, по праву принадлежащие моему народу, то я обещаю не преследовать их. Хотя другой вариант, в котором наши армии бьются не на жизнь, а на смерть, реки крови омывают Леодар, грохочет гром, сверкают молнии и я сражаюсь с Арагоном (mmm, тринадцатым, если мне не изменяет память) на вершине какой-нибудь скалы, гораздо веселее!

Кто-то озвучил идею сейчас же принести волшебный меч и зарубить наглую тварь. Однако дальше слов дело не пошло. Судя по первому порыву, наш монарх готов был попробовать, но дорогу ему заступила Клодия, заранее почувствовав, какого уровня достигла смесь самоуверенности и гнева у венценосного забияки. Арагон наткнулся на девушку, хотел уже, видимо, прокомментировать ее вмешательство и предложение Царицы, но Марджолина заговорила раньше.

— Предупреждаю, при таком раскладе ваши шансы на победу стремятся к нулю: на этот раз свисток вам не поможет, а король, прямо скажем, меня не впечатлил, — эстарийка откровенно забавлялась нашей растерянностью и перекошенной от злости физиономией государя. — Да, три месяца на размышления и сборы вы получите, только если остановите психов с белыми щитами.

Признаться честно, я не предполагал, что удивлюсь еще больше. По словам Марджолины, отряды странствующих рыцарей вершат суд по всему Леодару, убивая тех, кто не принадлежит к человеческому роду, таким образом, исключая саму возможность объединения их в армию. По мрачной иронии судьбы страдают прежде всего нелюди, живущие в мире с соседями и не пожелавшие участвовать в войне. Клодия от нашего лица пообещала заняться этой проблемой, но в ответ поставила Царице условием ликвидацию магистра Сеймура, пока он не натворил бед со своим Луком Богов. Не знаю, сколько еще продолжались бы дипломатические прения, но мимо уха эстарийки просвистело пушечное ядро. Наверное, тут-то бы и завершилось собрание, но Марджолина поймала снаряд, небрежно крутанула его на пальце и объявила: мол, вы болтайте дальше, а ей еще надо выдвинуть тот же ультиматум прочим людским правителям. Она махнула рукой на прощание и прыгнула с подоконника вниз.

Когда Арагон, первым очнувшись от потрясения, подбежал к окну и выглянул наружу, злодейка уже бесследно исчезла. Пушечное ядро осталось лежать на ковре в качестве напоминания

о произошедшей беседе.

Совет продолжился, но не стоило забывать о ксандрийцах, штурмующих Аэнар. Засим, предоставив королю с Клодией дальше «заниматься политикой» среди бурления мнений и идей, вся остальная наша компания отправилась на стены. Фессаху я занес к себе в комнату, где аккуратно уложил на кровать.

Не без гордости хочу заметить — наше появление стало переломным моментом в сражении за город. В то время как полководцы склочничали в совете, гарнизон вместе с ополченцами кое-как держал оборону. К счастью, нашлись смельчаки, взявшие на себя командование разрозненными силами защитников. Но на них легла непосильная задача не только и не столько организовать людей, сколько объяснить им, почему не действуют магические заслоны, убедить их в том, что усилия не бесполезны. К сожалению, храбрецы складывают головы первыми. Мы застали на укреплениях лишь жалкие горстки измученных солдат и горожан. Многие в страхе бежали, уже не веря в победу. С нами пришла надежда. Арагон скрепил личной печатью приказ Главного Шерифа, по которому в наше распоряжение переходили королевская гвардия, городская стража, даже личные дружины дворян. Гильдия Магов также не осталась в стороне, наконец ощутив всю опасность положения. Правда, вот неудача — несмотря на утверждения магистров, будто в Ксандрии нет ни одного мало-мальски стоящего чародея, лагерь осаждающих оказался неплохо защищен от магических снарядов. И все-таки общими усилиями нам удалось отбросить врага от стен.

Решив упрочить победу, я предложил захватить ксандрийский флагман, подвезший ночью снаряды. Судя по всему, его как раз готовили к вступлению в бой, и Аэнар ждала бомбардировка с воздуха. Не дожидаясь этой безрадостной минуты, набрав с пару десятков ратников (естественно, сэр Джон, Тил, Гилберт и Джек составили мне компанию), я потребовал поддержки магов. В мгновение ока мы очутились на палубе под сенью узорчатых крыльев-парусов и, не дав очнуться никому из команды, почти бескровно захватили судно. Гордость ксандрийских верфей, галеон «Быстрее ветра», стремительно понесся к Аэнару уже под нашим флагом.

За время сражения Арагон XIII в присутствии Главного Шерифа связался с императрицей Ксандрии и условился о перемирии на полгода, а также совместном выступлении против армии Царицы Бурь. Вряд ли подобное соглашение, да еще без требования контрибуции со стороны империи, стало бы возможно в обычных условиях. Без сомнений, немалую роль сыграл

недавний визит, нанесенный Сандре Марджолиной. Впрочем, мне кажется, императрица не чужда женских слабостей, и этот мир был подписан фактически в обмен на освобождение главнокомандующего Данхила.

Имперские войска прекратили обстрел столицы спустя считанные минуты после того, как мы приземлили захваченный корабль на городскую площадь. С судна успели сообщить о случившемся, спровоцировав новый виток переговоров между Ксандрией и Арагоном. В итоге галеон с командой поступил в распоряжение баронессы фон Штейн. Итак, война между людскими государствами откладывается на полгода. Еще неизвестно, как отреагировали на ультиматум эстарийки правительства Диезских Штатов, чью сторону примут подгорный народ Эрбека и полурослики Селии, каким образом поступить с Белым Орденом, но зато появилось немного времени на решение этих вопросов.

Похоже, Клодия всерьез задумала стать королевой Арагонской и делает все для блага своих будущих владений. К сожалению, при этом девица никак не оставит в покое моего оруженосца и сэра Джона.

Вернувшись с поля боя, мы обнаружили у Сиилин двух новых питомцев — огромного человека-ящера Татхикуоацеатля (пожалуй, сокращу его имя до Татхи) и премоилы дварфийки Гвинет. Сама фея не распространяется по поводу того, откуда взялись ее новые друзья, но они весьма напоминают двух невольников, замеченных мною на рынке во время покупки злой эльфийки. В свете этого у меня закрадывается неприятное подозрение, кто мог спровоцировать вчерашний кровавый бунт. Правда, свои догадки я оставляю при себе — не решусь расстраивать ими Главного Шерифа сейчас.

Гвинет поделилась очень любопытной историей. Ее сородичи недавно проникли в хранилище древнего оружия, нарушив строжайшее табу. Часть дварфийского совета кланов выступила за то, чтобы немедленно запечатать тайники, но подавляющее большинство, напротив, ухватилось за новые «игрушки». Они, ни много ни мало, вознамерились оживить машины и завоевать с ними Леодар, заодно уменьшив число людей, которые-де слишком расплодились в последнее время. Противников проекта, в том числе родителей Гвинет, казнили или продали в рабство. Теперь для начала войны подгорному народу не хватает лишь источников энергии, способных заставить двигаться машины богов. Однако дварфам известно, где их можно достать. Как

пояснила Клодия, они даже официально ведут переговоры с Арагоном о выкупе этого участка земли. Больше того, в виду предстоящей войны королевские дипломаты почти продали луга Линдона. Теперь, бесспорно, коварные карлики получают отказ.

Да, после обмолвки Марджолины о некоем свистке, с помощью которого ее одолели Первые Короли, мы решили разведать побольше об этом артефакте. Здесь нам опятьгодились знания Эвистрайи. Согласно эльфийской легенде, Царицу Бурь повергли вовсе не в честном бою. Нет, Арагон I заколол Марджоли в спину, пока та, оглушенная, не могла сопротивляться. Звучание артинского свистка, родовой реликвии фон Штейнов, стало надгробной песней для эстарийки. История победителей не упоминает этих подробностей: куда потом делся свисток, и как он действовал, неизвестно. Правда, пока есть все основания полагать, что он может обнаружиться в сокровищнице нашего замка.

И, наконец, я доискался до причины побега Фессахи, побеседовав с ней перед сном. Замечу, не просто побега, а поисков Марджолины (Великого Духа, как зовет ее кошка)! Рабыне померещилось, будто я уделяю ей все меньше внимания, она заволновалась, стала искать совета. И ей посоветовали. Сиилин, недолго думая, отправила Фесс поболтать с Царицей Бурь! Стоило бы устроить пикси хорошую взбучку за эту омерзительную выходку!

Завтра отправляемся в полет. Сначала в Штейн, потом на окраины Черного Леса, где бесчинствует магистр Лиза со своим отрядом, затем в Линдон, ну а после... одним словом, предстоит долгий путь.

**

Эти два дня выдались тяжелыми для Главного Королевского Шерифа.

События неслись с бешеной скоростью, сменяя друг друга, как картинки в калейдоскопе. Бунт, обстрел Аэнара, ультиматум Царицы Бурь, переговоры с Сандрой, а потом очередная партия советов с военными, магами, дипломатами, финансистами. Нужно было вынудить их всех сотрудничать друг с другом — удивительно, но в государственном аппарате королевства правая рука не знала ничего о действиях левой!

Спокойнее всего прошла беседа с Данхилом, который остался в качестве ксандрийского посла при дворе. Генерал оказался практически лишен обычных мужских предрассудков насчет способностей женщин (еще бы, императрица правила мудро, являясь идолом для своих подданных любого пола).

Вымотанная баронесса вернулась в свою комнату — конечно, общий лазарет давно расселился по самым приличным покоям во дворце, — стремясь хоть чуточку передохнуть, но здесь ее ожидал гость.

В кресле сидел Арагон XIII. Когда девушка вошла, он резко выпрямился, хотя до того словно дремал или что-то обдумывал, сгорбившись и опершись локтями на колени.

— Ты решила лететь? — прямо спросил король, в голосе проскользнули капризные нотки, но общий тон оставался серьезным.

— Да. Вы здесь теперь справитесь сами, ваше величество. А моя миссия — изыскать средство победить Царицу Бурь. Ведь закрутилась эта история из-за той злосчастной карты, вытщенной мной, — Клодия нахмурилась: неприятно вспомнились прощальные слова Джона в Фальде, из-за которых она тогда рассердилась, а сейчас точь-в-точь повторила их.

— Кло, если б тебе нужно было лишь привезти этот мифический свисток, я бы слова не сказал. Но ты обязательно вяжешься и в усмирение Белого Ордена, и в розыски Лука Богов, и еще куда-нибудь! А это как раз работа для бугаев вроде барона Сореала, сэра Джона или того деревенского парня, — Арагон явно распалял себя, надеясь устроить баронессу монаршим гневом, хотя прекрасно знал, что упрямая несносная девчонка вряд ли послушается.

— Милорд, я подвергаю опасности всех окружающих, в том числе и вас, сидя на одном месте. Мне кажется, Царица следит за мной и может явиться, когда пожелает, — девушка поежилась. — Вдруг ей придет в голову не ждать до срока, а сразиться с вами, пока меч еще не готов, а свисток не найден? Мы отвлечем ее, выполняя условия договора или делая вид, будто выполняем.

— Да я смеюсь в лицо опасности! — венценосный гордец выпятил подбородок и вызвал у Клодии улыбку: мальчишеские замашки не могли долго прятаться за суровостью зрелого мужа. Потом он продолжил, сбавив тон: — Здесь тебя смогут защитить!

— Не уверена. И потом, у нас... у вас слишком много врагов, и пока дана передышка, нужно найти их, обезвредить. Помимо Марджолины есть Сеймур с приспешниками, вышедший из-под контроля Орден Странствий, дварфы... — слов баронессе уже катастрофически не хватало, ведь она и сама не хотела покидать Арагона. Но остальные-то летели!

Чувствуя слабость, король накинудся на задумавшуюся девушку, в очередной раз смешав ее чувства в один запутанный клубок.

На краю сознания Клодии мелькало посуровевшее лицо Гилберта, дожидавшегося ее с конвента Гильдии Магов на второй день пребывания в Азнаре. Когда он так повзрослел?! Юноше не требовалось больше разрешение: он просто мягко заявил свои права на ее внимание, бросив лишь вопрошающий взгляд. Эта новая черта не могла не нравиться.

А незадолго до восстания рабов баронесса, гуляя с Джоном по яблоневому саду в одном из уголков столицы, искренне полагала, что узел в ее сердце развязан. Опять на горизонте замаячила теперь вполне отчетливая и яркая мечта — стать супругой Белого рыцаря, жемчужиной его души.

Не тут-то было! Ни один из троих не хотел сдаваться. Правда, сию минуту Арагон уверенно теснил соперников.

**

— Ваше величество, мне пора, уже светает, — прошептала Клодия, выбираясь из объятий засыпающего короля.

Слова девушки резко выбросили его из сна, он широко распахнул глаза и уперся взглядом в ее обнаженную спину.

— Ты нужна мне, — тихо произнес Арагон.

Баронесса молча одевалась. Монарх протянул руку, желая дотронуться до плеча Клодии, но остановился, вскочил с постели, набросил халат и, чеканя шаг, вышел из комнаты.

*— День 7 мая года 1827 от основания великого
королевства Арагон.*

Я путешествовал по воздуху впервые и, честно говоря, был поражен.

Из поднебесья при той скорости, с которой летит галеон, все кажется незначительным. Представьте: три дня вы находитесь между голубой и зеленой равнинами. Да, сверху порой проходит рябь облаков, цвет меняется в течение дня на золото-алый в глубокую синеву, а внизу пестреют россыпи селений, лесов, бликуют зеркала водоемов и ленты рек, но, в общем... здесь царит умиротворение. Нам повезло, и погода не преподнесла неприятных сюрпризов в виде ливня или сильного ветра. Почти все время паруса были сложены, лишь плотные матерчатые крылья мелко дрожали.

Я в отличие от Клодии и Джека не стремился выведать, каким образом судно держится в воздухе. Волшебство — оно на то и волшебство. Пусть остается слегка загадочным.

Наконец мы достигли твердыни Штейн. К сожалению, бушующие в Арагоне грозы потрепали и наше баронство. На Риовейн напал отряд эйлеры, следовавший к Золотым Полям.

Набег произошел ночью, тем не менее городская стража проявила неожиданный героизм и отбила атаку, закрыв ворота. Похоже, темные эльфы рассчитывали на легкую добычу, поэтому осада стен была краткой. После отряд бесследно скрылся в лесу. Во всем остальном дела идут прекрасно. Мона навела в замке порядок, даже добилась его полной самокупаемости. Да, мы сделали правильный выбор, когда решили ей довериться.

С Кайтом все в порядке, как я и надеялся. Он таинственно молчит по поводу своего отсутствия, невозмутимо игнорируя расспросы, подчеркивая лишь, что сразу, как только позволили обстоятельства, вернулся к своим обязанностям.

По прибытии мы первым делом выяснили о волшебном свистке самое главное — артефакт столетиями бестревожно пылился в сокровищнице замка. Оказалось, Кайт знает закрома Штейна как свои пять пальцев, недаром он самый старый его обитатель из ныне живущих. Кстати, его предок Сида, с которым они похожи точно две капли воды, изображен на гобелене еще с первым из Штейнов. Возможно, должность и знания мажордома передавались по наследству? Слишком мало мы знакомы с Кайтом: он молчалив, да и времени не хватает. Вот и теперь на шуточный упрек Клодии об утаивании ценных сведений он серьезно возразил, что его никто не попросил о помощи раньше, а навязываться он не привык. Свисток нашелся, и баронесса немедленно убрала его к себе в сумку.

Ночь мы проведем в кроватях, стоящих на неподвижном полу, а не в раскачивающихся гамаках летучего корабля. Думаю, особенно этому порадует Фессаха, которая очень боится летать.

— День 10 мая года 1827 от основания великого королевства Арагон.

— На свете нет невиновных. Есть избежавшие правосудия.

Лиза, магистр Белого Ордена.

Сегодня мы нашли отряд Белого Ордена, очищавший северные окрестности Черного Леса под предводительством Лизы.

Как ни тоскливо это признавать, но Царица Бурь не лгала, когда рассказывала о жестокостях странствующих рыцарей. Я был бы счастлив написать здесь опровержение словам эстарийки, но... Еще в столице Клодия попыталась связаться при посредничестве магов с Гленном, желая получить от него лично отчет в их действиях, однако глава Ордена не ответил ей. Пришлось ориентироваться на сведения, полученные от Марджолины. И вот мы на месте.

Столб дыма от городка Лонгрейн юнга заметил издали. Здесь люди спокойно жили по соседству с эйлерийским кланом.

Я говорю «жили» не случайно, ибо воины Ордена вырезали в городе и окрестностях всех, не пожалев ни женщин, ни детей, а мэра, шерифа и эльфийского старейшину повесили на часовой башне. Видимо, Белые рыцари хотели оставить содеянное в наизидание (непонятно только — кому?), а пожар начался случайно — горел окраинный квартал.

С галеона дали залп из орудий зажигательными снарядами, благо от леса Лонгрейн отделяет речка. Пусть у казненных будет хотя бы погребальный костер.

Отряд карателей не успел уйти далеко, и мы легко настигли их. Магистр Лиза, приняв нас за имперское разведывательное судно, чуть не сожгла «Быстрее ветра» магическим лучом. Впрочем, знай она, кто на борту, вряд ли встретила бы нас иначе, а вероятнее всего, наоборот — прицелилась бы точнее. Мы высадились и попытались уладить дело миром. Само собой, под «уладить миром» я подразумеваю «попытались избежать ненужного кровопролития». Клодия именем короля потребовала сдачи оружия и суда за массовое убийство подданных. Конечно, никто из Белых рыцарей не признал своей вины. Честно говоря, я обрадовался их выбору и возможности убедиться, что никто из них не уйдет от возмездия. Это были хорошие воины, но никакого уважения к противнику, запятнавшему себя кровью невинных, я лично не испытываю. Они всецело заслужили смерть и забвение!

Если верить легендам, грязь не пятнает Белый щит, пока его хозяин чист помыслами и сердцем. Правда или нет, у Джона он всегда сверкал безупречной белизной. Но я ничуть не удивился, заметив кровавые потеки и грязь, почти скрывшие некогда белоснежный фон щитов павших адептов Ордена Странствий. Данное наблюдение еще больше уверило меня в правильности содеянного. Сэр Джон, однако, ходит мрачнее тучи.

После встречи с Белыми рыцарями Клодия настояла на немедленном полете в Линдон, благо мы очутились совсем неподалеку. По сведениям гномов, там скрыто древнее хранилище божественной мощи. Если же вспоминать наши мифы, выходит, именно здесь три Первых Короля делили Лук Богов и трофеи.

Через несколько часов полета над холмистой равниной Линдона Ферджин смог увидеть слабую магическую ауру над одним из курганов. Следуя указаниям чародея, мы бросили якорь рядом с массивной дверью, утопленной в склон.

Откладываю перо — пора высаживаться. Фессаха недавно

заснула, и мне не хочется тащить ее в подземные лабиринты. Справимся без кошки. Вряд ли там обнаружится нечто большее, чем просто еще один забытый склад древнего оружия. Лексиз тоже осталась на корабле, как уверила ее хитрюга Сиилин — для защиты. Вероятно, фея всерьез волнуется за девушку. По крайней мере, она не дала ей поучаствовать ни в одной схватке с того памятного боя в ксандрийском лагере.

Полагая, будто ничего особенного в катакомбах мы не встретим, я был неправ. Здорово неправ. И ведь после похода к оракулу в Штейне мог бы предположить.

Миновав несколько поворотов довольно широкого коридора, полого спускающегося в недра, мы наткнулись на груды дварфийских тел. Здесь вперемешку лежали трупы как безоружных инженеров, так и тяжеловооруженных воинов. Похоже, подгорные жители решили захватить «сокровища» Линдона без дозволения нашего государя. Однако кто-то жестоко пресек грабеж. В первый миг я подумал, что это сделали Белые рыцари (отряд Лизы вполне мог идти отсюда), но, присмотревшись, понял: похитителей встретил противник гораздо крупнее человека. Напал он, судя по всему, неожиданно, сокрушив пришельцев огромным молотом или чем-то подобным. Дварфийские доспехи были безжалостно измяты, некоторые — даже расплющены. Прикидывая направление ударов, Джон отметил: «хозяин» должен оказаться выше меня раза в полтора. Мы стали продвигаться осторожнее.

Через несколько сотен метров коридор закончился, выведя нас в зал колоссальных размеров — стены и потолок терялись во мраке. Зато в дальнем конце было светлее. Все пространство заполняли бесчисленные машины богов. Большие, маленькие, самых фантастических форм, из разных неведомых материалов. Вдоль прохода стояли ящики с золотыми слитками. Поистине несметные сокровища! Кое-где слитки валялись прямо на полу. Я поднял один: на нем имелось королевское клеймо. Любопытно, помнят ли короли об этом запасе? Если судить по ситуации в стране, наверное, нет. Сиилин, покружив над золотом, ухватила брусочек и, натужно пыхтя, полетела с ним восвояси. Пикси заявила нам, что для нее «интересности» здесь закончились, поэтому она возвращается на корабль. Неужели волшебный народец тоже ценит деньги?

Мы решили все-таки проверить, откуда исходит слабое голубоватое свечение, и направились дальше. Зал поворачивал налево. Там люди в балахонах посредством громадных металлических, несомненно, волшебных рук грузили на повозки массивные цилиндры, напоминающие колонны в проклятом

замке. Перед повозками, оплетенные упряжью, высились големы.

Только один известный нам маг учил своих последователей обращению с механизмами и обладал достаточными сведениями для использования древних артефактов. Выходило, мы снова вмешались в планы Сеймура! Не исключено, что именно здесь находится логово предателей. Ферджин ничего не знал об этом месте или не хотел говорить.

Скрываясь за шеренгами пыльных машин, мы двинулись к работающим колдунам. Поначалу все шло удачно: Ферджин, заранее предупредив нас, сотворил ярчайшую вспышку, прошедшую волной до дальней стены, затем Джек блокировал группу адептов, возившихся с запряженными автоматами, я кинулся к одной механической клешне, Тил с ящером к другой.

Наша неожиданная атака ошеломила врага. Несколько аколитов погибло, даже не успев понять, в чем дело. Но потом фортуна предала нас. Навстречу выступил солдат богов с молотами вместо рук (очевидно, именно он «сердечно» встретил дварфийский отряд). Техномаги нашли способ подчинить автоматон своей воле. Правда, на мощном теле отсутствовало множество доспешных плит, обнажены были уязвимые внутренности, но это отнюдь не делало его легким противником. Уверенные в себе, мы набросились на голема — Тил, я и Татхи. Гигант вряд ли сам бы справился с нами троими одновременно, но вслед за ним в зале объявился Сеймур собственной персоной. Чародей с напускной радостью поприветствовал «своих старых знакомых, которые хуже болотной мошкары». Он еще раз поинтересовался, не желаем ли мы присоединиться к нему, а услышав мой отрицательный ответ, осклабился и взметнул руку вверх. В тот же миг меня с Татхи оторвало от пола и завертело. Теперь мы стали превосходными мишенями для голема. Тил попытался прикрыть наши беспомощные тела, однако сокрушительный удар молотом раздробил его щит и забросил парня куда-то в груды металлолома.

Тогда я совершенно не понял, почему бездействуют остальные, и не на шутку разозлился. Зато чуть позднее, наблюдая за стремительным продвижением рыцаря Джона к Сеймуру, возвышавшемуся на ближней повозке, сообразил — Клодия все это время колдовала. Мою догадку подтвердил и Гилберт, внезапно оказавшийся передо мной, похожий на стальной высверк, настолько быстро он перемещался. К сожалению, юноша мог лишь отвлекать монстра, маневрируя вокруг него, не способный ему повредить. Мда, баронессе не мешало бы освоить еще и заклинание, прибавляющее силы рукам. Подвластный воле Годханда автоматон вскоре снова

двинулся ко мне и Татхи.

Клодия появилась сразу вслед за Гилбертом. Она призвала Сеймура прекратить бойню, объявив старику, что приходится ему дочерью и хочет, наконец, поговорить с ним. И всегда-то у девицы в запасе есть ошеломляющие новости! Но маг либо не поверил, либо был в курсе и воспринял свое предполагаемое отцовство равнодушно.

— Ты больше не сорвешь мои замыслы! — гневно прошипел Сеймур и приказал солдату богов: — Убить!

— Выслушай! — вскричала Клодия, взвизывая над схваткой на метле.

— Довольно, — ответил ей маг. — Впрочем, с тобой я поболтаю, но позже. Кажется, твои псы однажды уже поприжали хвосты? Ха, вот этому... — Годханд ткнул посохом в сторону сэра Джона, вспрыгнувшего на повозку напротив него, — я подпалил шкуру! Сейчас добавлю!

Старик раскрыл ладонь, и на ней расцвел, начав расти, огненный шар. В то же время одному из аколитов удалось, в конце концов, подцепить клешней Джека, походя сбив с ног Ферджина. Вторая, клацая и скрипя, ринулась к Белому рыцарю. Однако Джон казался неуязвимым, избежав и магических ударов Годханда, и механических рук. Между ним и Сеймуром завязался бой. Тем не менее маг успевал не только парировать выпады противника, но и удерживать под контролем голема-молотобойца, а также меня с ящером. Автоматон едва не превратил Татхи в отбивную, мой волшебный доспех пока держал удары.

Вдруг, почти одновременно, произошло несколько событий, решивших исход сражения. Клодия решила применить силу. Она сумела проломить защиту отца заклинанием, Сеймур, недоуменно глядя на девушку, схватился за горло, похоже, начав задыхаться. Концентрация мага ослабла — автоматон чуть замедлил движения. Тогда Гилберт проскользнул под молотами и вонзил меч в мешанину огоньков, цветных ниточек, цилиндров с какой-то жидкостью, не прикрытых броневой пластиной. К счастью, юноша успел отстраниться, брызги с паром и осколками не коснулись его.

Сэр Джон, воспользовавшись моментом, отрубил противнику руку. Годханд с недоумением обвел взглядом поле битвы, захрипел, пытаясь отдышаться, начал заваливаться на бок. Тут подмастерья, запаниковав, потеряли контроль над грузовой машиной, та с лязгом накренилась, и искусственные десницы раздавили Сеймура.

Так бесславно завершилась очередная попытка

государственного переворота в Арагоне. Хотя еще никто не подступал к цели так близко, как бывший глава Колледжа Прикладной Технической магии.

После боя мы допросили уцелевших адептов. Никто из них не ведал, где находится Лук Богов, для которого предназначались цилиндры на повозках (по их словам, стрелы). Повода усомниться в их правдивости у нас не было. Бедолаги слишком хотели жить, а Клодия недвусмысленно пообещала страшные муки солгавшим. Демонстрации ее способностей в бою с Годхандом хватило.

Пока баронесса беседовала с пленниками, выясняя ценность прочего скрытого в подземелье хлама, я организовал подъем на поверхность раненых Тила и Татхи вместе с погрузкой добычи. От команды ксандрийского галеона удалось скрыть трофеи, пронеся их в двух колдовских сумках, моей и Клодии, — нечего им знать о богатствах королевства. Впоследствии Джон сочинил байку про гномов-захватчиков, возглавленных магом-ренегатом, с которыми мы сразились.

С подсказками адептов мы активировали пятерых големов для защиты хранилища от желающих раскрыть его тайны. Баронесса придумала хитрый пароль, чтобы Арагон все-таки не лишился диковинных сокровищ насовсем. Надеюсь, девушка не станет делиться нашим открытием с государем, у него-то хватит глупости поднять армию големов и растратить все золото на какую-нибудь ерунду.

Техномагам Клодия сохранила жизнь. Поверив в потенциал их школы, ценность их знаний, она обещала им неприкосновенность и возможность спокойно работать в нашем замке. Таким образом, наш путь вновь лежит в Штейн.

Интерлюдия 9. На крыльях бури

— Раньше мир был огромен, но даже тогда многим не хватало в нем места. Чему же удивляться теперь?

Царица Бурь.

Шелест листьев и мелодичное чириканье птиц умиротворяли. Клодия вздохнула, гоня от себя сон, и оперлась на ограждающие палубу воздушного корабля деревянные перила. Лесные твари радовались весне, плодились и размножались — им не было дела до войн, политики и оружия богов. Они вили свои гнезда, рыли норы, готовились выводить свое птичье и зверячье потомство так же, как две, три, десять тысяч лет назад. Клодия сжала кулаки, ногти вонзились в ладони. Машинально девушка отметила — на ладошках, когда-то нежных и гладких, появились мозоли, видимо, от посоха и метлы, которые постоянно приходится таскать с собой.

Жирный сурок важно прошествовал мимо корабля и залез в свое подземелье, уверенный, что там он будет в полной безопасности. Но никакая нора не спасет его от разрушительной силы Лука Богов, теперь баронесса знала это точно. У тех людей в пустоши были — как это сказала Марджолина? — бункеры, они тоже пытались спрятаться от смерти под землю, но древнее оружие превратило и убежища, и людей в серый песок.

Летучий корабль, жемчужина судостроения, носил гордое название «Быстрее ветра». Это, само собой, было преувеличением, но галеон смог проделать за три дня путь, занимающий у всадника, почитай, месяц.

Не верилось: всего неделю назад, после круговерти битв, интриг, компромиссов, переговоров она попрощалась с Арагоном XIII. Восстание рабов, погромы в торговом квартале, яростный штурм столицы ксандрийскими войсками, дерзкий захват «Быстрее ветра» бароном Сореалом, шаткое перемирие с империей — и две бессонных ночи для Главного Королевского Шерифа. Государь не хотел отпускать баронессу, прямо-таки превзойдя себя в попытках удержать девушку в столице. Это было очень приятно: слышать от избалованного, высокомерного Арагона слова нежности. Возможно, он даже на свой лад признался Клодии в любви и только еще больше все усложнил, став третьим претендентом на руку и сердце баронессы. Девушка улыбнулась и прикрыла глаза, вспоминая завершение того бесконечного дня в страстных объятиях короля.

**

Уже через трое суток она была в баронстве Штейн, долетев туда, если верить ксандрийским конструкторам, быстрее ветра. Здесь, на первый взгляд, ничего не изменилось, даже Кайт Сид снова встречал гостей на своем месте привратника, мажордома и повара. Некоторые гости из королевской свиты до сих пор пользовались радушием отсутствующих баронов. Позже выяснилось — Риовейн пережил осаду эйлеры, шериф с десятком ратников убиты, сожжены несколько ферм. Впрочем, Мона со своим неизменным ироничным спокойствием заметила, что могло быть хуже. Клодии оставалось только с ней согласиться.

Артинский свисток, который, по одной из версий событий, принес Арагону I победу в Золотых Полях, действительно обнаружился в сокровищнице замка Штейн. У Кайта ушло два с лишним часа на поиски серебряной, стилизованной под витую морскую раковину реликвии среди залежей всякого хлама. Клодию поразило, насколько скромно выглядел определивший исход легендарной битвы артефакт. Однако испытать его она почему-то не решилась.

**

Ночь, проведенная в замке, принесла очередную порцию сюрпризов. Девушка густо покраснела, вспоминая неожиданный визит Марджолины в свои покои. Царица Бурь давно обнаруживала к персоне Клодии весьма специфический интерес и, наконец, явилась воплотить свои обещания в жизнь. Соппротивление не принесло результатов: баронесса покорила силу и нездоровому любопытству. Произошедшее далее оказалось не лишено приятности, необычно, но куда как необычнее оказался последовавший за этим разговор.

От слов Марджолины веяло холодом далеких звезд и черной пустоты между ними. Древние легенды не лгали — чудовищная война опустошила небеса на многие световые годы вокруг, что бы это ни значило. Ужасный, невиданный доселе враг был силен, бесчислен, безжалостен. Божествам людей, эстари и других народов пришлось отложить старые распри, сражаясь плечом к плечу за свои жизни. Пылали империи и царства, истреблялись народы, рушились цивилизации, и слезы богов лились с небес горячим бесконечным дождем.

А потом война угасла, как огонь в очаге, потому что больше некому и не с кем было сражаться. Небеса очистились от туч, явив покрытому серым песком миру безжизненные, опустевшие, залитые льдыстым звездным светом божественные чертоги,

лежащие в руинах. Лишь благословенные земли Леодара уцелели в катастрофе.

Марджолина говорила о богах, роскошные храмы которых Клодия видела в столице, как о своих старых приятелях. В ее загадочном, полном недомолвок и странных слов рассказе они вели себя по-человечески понятно, стряхивая с себя мраморную скорлупу — оживая.

Могучий Александр, почитаемый воинами, без памяти влюбленный в добродетельную Мистралину, покровительницу мира. Он чуть не сгубил вселенную, когда его подругу поглотила ненасытная тьма...

Неунывающий хитрец Зенан, бог плутов, почему-то часто изображаемый в облике стоящей на задних копытцах свиньи. Таура, у которой просят решимости и удачи в рискованных делах. Эти двое терпеть друг друга не могли: Зен постоянно подшучивал над строгой Таурой, а та обижалась. За несколько дней до решающего столкновения с врагом они сыграли свадьбу. Их страсть сгорела вместе с финдианским царем. Богиня гнева Аресса, заключенная в небесной лодке Тауры, — душа, навечно лишенная плоти, злобная, ревнивая. И нежно оберегающая свою госпожу. Плач Арессы по Тауре сотряс саму пустоту меж звезд...

Восстающая из пепла, меняющая обличия, непобедимая Яэль, которая всегда пренебрежительно относилась к более хрупким существам, сгинула ради них, унеся с собой последних драугларских ратников...

Мудрая Вероника, божество врачей, растратившая всю себя на исцеление раненых. Она прошла свой путь в одиночестве и страшно завидовала счастливым Александру с Мистралиной, даже пыталась приворожить бога войны, едва не отравила его нареченную...

Высокомерная Милуокайя, повелительница небесного королевства Этельред, взшла на трон еще ребенком, была по-детски беспечна, наивна и жестока. Она покинула решающий бой, испугавшись смерти, — бежала...

И многие-многие другие. Они пожертвовали всем ради спасения Леодара, который в те незапамятные времена назывался иначе. Марджолина полагала, что ее не вписали в пантеон из-за сущей безделицы — она выжила. Впрочем, Царицу Бурь, похоже, вполне устраивало такое положение вещей.

Те, кого пощадила война, бесцельно бродили по серо-желтым барханам в поисках оазисов, убивая друг друга за горстку пшена и глоток грязной воды. Древние знания превращались в легенды, а потом забывались. Однажды три брата, великие вожди людей, привели свои племена к горной гряде... Эту историю Клодия

слышала не раз, но без таких неллицеприятных подробностей.

— Нельзя же было просто взять и отправить их обратно в пустыню, — сказала в ту ночь Марджолина. — После всего, через что наши народы прошли рука об руку, мне даже не пришло в голову их прогнать. Могло ли все сложиться по-другому? Я не знаю. Но зато я знаю, кто первый выкрикнул слова ненависти, кто надоумил Арагона I занести меч. Сегодня эти люди носят белые щиты и гордятся своей непогрешимостью, тогда они выглядели иначе, но вели себя так же. Всегда находились противники союза. Даже перед лицом величайшей угрозы! Когда все рухнуло, они обвинили в этом нас. Но и в тот день ваши цари не справились бы со мной, несмотря на страшную бойню, которую они учинили прямо за накрытыми столами. Если б не мальчишка Штейн со своим свистком. В ваших летописях упоминается, что Арагон I заколол меня в спину? — Марджоли невесело усмехнулась.

Клодия старательно притворилась, будто не придавала услышанному значения. Впрочем, это далось ей несложно: богиня, сидя верхом на ее бедрах, поглаживала груди и живот баронессы, изрядно отвлекая этим от беседы.

— Ты ведь наполовину одна из нас, девочка, — выдохнула Царица Бурь, прижав длинные эстарийские уши и нависнув над Клодией. — Именно поэтому я сейчас здесь, разговариваю с тобой в надежде, что кровь возьмет свое. Зачем воевать, когда можно...

— Прочь от леди Клодии, мерзкая тварь! — раздался со стороны двери знакомый голос. Баронесса повернула голову в ту сторону и увидела Гилберта с мечом в руке.

— Если у моего короля и у моего сюзерена не хватило духу пронзить твое черное сердце, демон, — продолжал оруженосец, сверкая глазами, — то будь уверена, моя рука не дрогнет!

Он и впрямь ринулся к Марджолине, воздев клинок, и обрушил на нее град ударов. Клодия подивилась тому, насколько лучше он стал владеть мечом с их первой встречи (да и не только мечом — уж об этом баронесса позаботилась лично). Но эстарийка легко увернулась, игриво запустила в юношу подушкой, затем с напускным ужасом на лице выскочила в окно. Клодия, желая избежать лишних вопросов, разыграла испуганную жертву, судорожно вытирая слезы со щек и прикрываясь простыней. Гилберт, отбросив оружие, кинулся ее утешать. Они повалились на ложе, которое девушка недавно, хоть и не по своей воле, разделила с сестрой божества. Догадался ли оруженосец о произошедшем здесь ранее, так и осталось тайной.

— Ну и что ты обо всем этом думаешь?

Голос Джона вырвал Клодию из раздумий, она резко повернулась к рыцарю, прижав руки к груди, словно пытаясь скрыть от него свои не совсем пристойные воспоминания.

— Я еще никогда не был в таком смятении, — негромко продолжил Джон. — Неужели я могу положиться в принятии решений на кусок железа, к которому по непонятным причинам не липнет грязь? Мы прикончили Лизу и остальных, но можем ли быть уверенными в правильности содеянного? Мы убили твоего отца. Думаю, Сеймур не поверил в ваше родство, но это ведь и не важно. Мы считаем, будто сражаемся за правое дело, но оставляем за собой мертвые тела тех, кто думал точно так же!

Клодия с испугом смотрела на рыцаря. За время их знакомства он ни разу не позволил себе унывать. Внезапно Джон сорвал со спины белый щит, размахнулся и бросил его в озеро, на берегу которого остановился корабль.

— Что ж, — сказал он, — Гленн, несомненно, уже лишил меня звания, да и негоже человеку оправдывать свои злодеяния этой нелепой штукой.

Клодия завороченно наблюдала, как щит, словно нехотя, погружается в растревоженную черную воду. Вслед за ним отправился небольшой прямоугольный предмет с гладкой, поблескивающей на солнце поверхностью — то самое переговорное устройство.

— Связь с Белым Орденом мне тоже теперь не понадобится, — Джон сжал кулаки. — Оправдать нас сможет лишь победа и сохранение Леодара для наших детей, в том числе — наших с тобой ребятишек.

Наступила тягостная пауза. Клодия легко коснулась пальцами руки Джона и робко улыбнулась. Развенчанный магистр расправил плечи, потянулся, в его глазах мелькнула шаловливая искорка.

— Слушай, Кло, я тут подумал, щит мне, вообще-то, может еще понадобится... Кажется, он упал вон под ту иву. Ты сможешь мне его отыскать?

— Знаешь, Джон, стоило бы и ту блестящую штучку поискать, мало ли — пригодится? Она, верно, где-то среди травы, — баронесса хитро прищурилась, тряхнув золотистыми волосами.

— Может быть, девочка, может быть, — лицо Джона растянулось в широкой добродушной улыбке.

— День 13 мая года 1827 от основания великого королевства Арагон.

Ночью Клодию и Сиилин неведомым образом забросило

в столицу. Благодаря этому мы уже целый день в родном Штейне. Ничего нового за время нашего отсутствия здесь не произошло. Это, пожалуй, к лучшему. Просто день отдыха перед новыми боями и свершениями. Я побродил по городским лавкам, заглянул к Джессике, погулял с Фессахой по кромке леса. Единственное, мне очень не нравится беспокойство, которое ощущает кошка: она будто чувствует некую бурю, медленно наползающую на Арагон. Впрочем, над нами нависло уже так много угроз; одной больше, одной меньше — невелика разница.

Вот дождемся возвращения наших путешественниц и вылетаем в Эрбек.

Интерлюдия 10.

Сиилин развлекается

— То, что проигравший называет подлостью, победитель именует хитростью. Такова жизнь.

Мона де Лонзо, трактирица с темным прошлым.

Сегодня Сиилин опять подглядывала за Клодией. В последнее время это стало очень увлекательным занятием. Точно-точно! Баронесса то весело уединялась поочередно с Арагоном, Гилбертом, Джоном, то вела какие-то важные разговоры (иногда прямо в постели), то попадала в интересные ситуации. Вот прямо сейчас, например, она невозмутимо болтала у себя в комнате с Царицей Бурь. Хотя буквально неделю назад обсуждала с королем, как прикончить Марджолину.

— Наверное, дурит обоих, — решила пикси, — очень правильный подход. Так-так, а чего это они там делают?

Сиилин от любопытства даже свесилась с потолочной балки, рискуя шлепнуться вниз. Тела женщин на кровати уже тесно переплелись. Да они сейчас и слона бы не заметили, не то что пикси! Ну ничего себе! Хм, а змей у них в роду не водилось? Молодец Клодия — трех мужиков ей уже мало, но надо держать Лексиз подальше от развратницы.

Когда парочка внизу, наконец, утомилась от взаимных ласк, Сиилин собралась уже было улетать, но тут Клодия задала достойный внимания вопрос:

— Марго, а ты можешь отнести меня в столицу? Я соскучилась по Арагону, и мне нужно в столичный банк.

— Кло, а как же я? — Марджоли демонстративно помяла свою большую грудь. — Малыш, я же лучше короля.

Тут эстарийка сама не выдержала и, подмигнув баронессе, прыснула от смеха.

— Ну, я... — Клодия явно смутилась.

— Ладно, отнесу! — пикси показала, будто Царице Бурь пришла в голову какая-то идея: чересчур уж торопливо та согласилась. А Марго, широко улыбнувшись, продолжала: — У меня тоже есть дела в столице. Я, знаешь ли, проспала две тысячи лет! Пора бы развеяться. Собирай вещи и одевайся, если, конечно, ты не хочешь явиться в банк голышом.

Обрадованная девушка кивнула. Она заметалась по комнате,

подбирая разбросанные повсюду предметы своего туалета. Томно развалившаяся на кровати эстарийка с нескрываемой иронией наблюдала за суетой Клодии, иногда довольно-таки ехидно комментируя положение той или иной вещи.

— Стоп. Это как же: они сейчас вдвоем полетят в столицу, будут там веселиться, а я просто останусь тут?! Ну уж нет! — Сиилин дождалась момента, когда баронесса повернулась к стене, пытаюсь снять с канделябра свой чулок, и радужным метеором нырнула в волшебную сумку Кло.

Через несколько минут девушка застегнула последний ремешок на сапоге и подхватила со столика свой багаж.

— Марго, я готова.

— Ну, значит — вперед!

Эстарийка сладко потянулась, взлетая с кровати. Одно стремительное движение, и она оказалась возле Клодии. Та лишь слабо вскрикнула, когда Марджолина, крепко обняв ее, прыгнула в окно. Скоро Царица Бурь уже неслась между пушистыми облаками над землями Штейн.

Сиилин не успела даже утомиться от сидения в сумке, а Марго уже с грохотом распахнула балконную дверь в одном из верхних этажей дворца и, плавно опустившись, поставила Клодию на пол.

— Авиакомпания Серебряной Звезды благодарит вас за то, что воспользовались нашими услугами, — загадочно пошутила Царица Бурь. — А теперь иди, сделай своему Арагончику сюрприз, пока сюда не примчалась вся королевская рать.

Клодия радостно побежала в монаршие покои, где застала Арагона с одной из наложниц. Баронесса прямо-таки вскипела от негодования, но, сдержавшись, с напускным холодом бросила: — Когда закончите, ваше величество, я бы хотела поговорить, — и вышла за дверь.

Король, ошалевший от неожиданности, не сразу смог выгнать не менее удивленную одалиску, после чего, даже не накинув халата, выскочил за Клодией.

— Как ты здесь очутилась?

— Арагон, это как раз не важно. Зато, я вижу, вас нельзя оставить ни на минуту! Пока мы кладем жизни на алтарь отечества, вы, извините, трахаетесь с кем попало. Хотя мне следовало бы предвидеть... — баронесса не могла отказать себе в удовольствии немного пожуричь короля.

— Клодия, тебя никто не просил покидать столицу! — обиженно вскричал Арагон и втащил девушку обратно в комнату. — Без тебя здесь все пошло кувырком: чародеи брюзжат, генералы ссорятся, мне даже пришлось казнить того

герцога, который... в общем, полное безобразие, но в этом виновата ты!

Сиилин зевнула: перебранки любовников бывают довольно скучны. Она так и видела, как Клодия поджала губы, готовые на самом деле расплыться в счастливой улыбке и расцеловать государя! Фея устроилась поудобнее, прикидывая, как скрасить время вынужденного заточения в сумке. Кто поручится, не примутся ли эти двое сейчас... ну, всем известно, чем занимаются глупые люди в такие моменты!

— Арагон, я здесь строго по делу, — Клодия часто пользовалась этим аргументом, чтобы король не набросился на нее сразу, а забыл о первоначальных планах за возмущениями по поводу ее прагматичности. — Во-первых, мне нужен кристалл из вашего меча, — продолжила баронесса, а дальше шепнула: — Ферджин нашел-таки камень! Теперь нужно огранить его по образцу, — и вновь в полный голос: — Во-вторых, мне срочно нужны деньги, но я не беру займы у вас, я меняюсь — монеты на слитки.

— Клодия, да как ты вообще смеешь сейчас думать о чем-то, кроме... — Арагон, в конце концов, смог вклиниться в речь бессовестной девицы, притянув ее к себе.

— Государь, пожалуйста, сначала дайте мне кристалл и деньги, — по голосу баронессы было понятно, что дела потихоньку принимают второстепенное значение.

Но она все же сумела настоять на своем. Некоторое время Сиилин сотрясалась в своем убежище от беготни по лестницам и коридорам до сокровищницы, потом ее чуть не обнаружили, когда вытаскивали слитки и засыпали обратно монеты. Наконец все успокоилось, слышались только сладостные вздохи.

Сумка, в которой находилась пикси, осталась во внешних комнатах королевских покоев. Аккуратно выбравшись наружу, Сиилин нежданно для себя увидела Марджолину. Царица Бурь бесстыдно подглядывала за Арагоном и Клодией в приоткрытую дверь ванной. На лице эстарийки блуждала странная улыбка, и фее почудилось, будто Марго собирается присоединиться к забавам парочки.

Еще Сиилин почему-то подумалось, что такое вот развлечение на троих может иметь очень серьезные последствия. Интересно, какие именно? Точно! Фея выгребла из поистине бездонной сумки Кло свой мешочек, который отдала ей на хранение сразу, как только Айдена забрала к себе дурацкая тетушка. Порывшись в ворохе самых нужных для любой пикси вещей (блохи в склянке, сушеные лягушки, волшебные артефакты, драгоценные камни, отборная грязь, пара шишек и все

такое прочее), она выудила оттуда карту с изображением неприятного смуглого мужчины с куцей бородкой и головой, обмотанной полотенцем.

В процессе поисков фея произвела немало шума, но доносящиеся из ванной стоны заглушили бы и куда более громкие звуки.

— Клодия, я люблю тебя! — послышалось приглушенное плеском воды пылкое признание короля среди внезапно наступившей тишины.

Кажется, девушка ответила ему, но среди разразившейся вновь какофонии страсти было уже не разобрать слов. Однако не ослепла же Сиилин и не оглохла, в отличие от самой баронессы, якобы все еще не способной разобраться в собственных эмоциях. Ох, ну раз тут вступили в игру высокие чувства, придется помочь! Ну что бы эти верзилы делали без феи?

— Эй, ты, — обратилась Сиилин к карте, — ответь: почему мне не по себе от мысли, что Марго вольется в любовный дуэт Клодии и Арагона?

— Ха, ясно даже полному кретину! — лицо на карте шевельнулось. — Но коль ты задаешь мне этот вопрос, так и быть, отвечу. Если сейчас король переспит с Царицей Бурь (а это непременно случится, к гадалке не ходи!), то, скорее всего, подпадет под ее власть. Это не мысленный контроль, как у Лексиз, — она зачарует его, а эстарийские чары невероятно сильны и коварны. Сама Марджоли не прочь воспользоваться случаем для повышения своих шансов на победу в войне. Если ее план сработает, она останется в выигрыше, объединив Леодар. Если нет — обезумевший от похоти король своими действиями спровоцирует гражданскую войну в Арагоне, которой тут же воспользуется Ксандрия. Ну а собранная к тому моменту армия нелюдей под предводительством Царицы Бурь ударит всем в спину. Надо упомянуть, — с гадкой улыбкой добавил человек с карты, — Клодия тоже не до конца честна со своей подружкой.

Козлобородый дядька на картинке повернулся к фее спиной, после чего кусок картона медленно рассыпался хлопьями пепла. Ничего себе! Сиилин, прямо скажем, не имела ничего против победы нелюдей, но что-то в ней воспротивилось такому повороту истории. Почему все эти дрянные, по их собственным словам, полноразмерные народы не могут жить в мире друг с другом? Вот пикси всех любят одинаково, со всеми дружат!

Впрочем, у Сиилин уже появилась идея. Она еще покопалась в сумке баронессы и извлекла оттуда витой серебряный свисток, который относительно размеров феи сошел бы за хорошую духовую трубу. Сначала Сиилин хотела

подсунуть Арагону в руки статуэтку козлика, которая обратила бы монарха на несколько часов в соответствующее животное. Но, чего доброго, эстарийка не станет пренебрегать оскотинившимся королем? Посему — свисточек! Подняв волшебный артефакт двумя руками, пикси изо всех сил дунула в него.

Ну вот, сплошной обман — ничего не произошло! Марджолина все также стояла перед дверью, готовясь открыть ее. Но вдруг она застыла, на лице ее проступило выражение, словно она заглотила осиное гнездо (Сиилин про себя отметила эту идею), а в следующий миг рухнула на пол, зажимая руками уши и пронзительно крича. От этого воя полопались стекла, по стенам поползли трещины, мраморная ванна, в которой веселились Клодия и Арагон, раскололась пополам, выплеснув потоки воды. Пикси же звуковой волной попросту снесло к стене и придавило взлетевшим с пола ковром.

Последнее, что успела заметить фея прежде, чем ее облепил ворс, — это как продолжавшая вопить Марджолина поднялась и, снося попавшуюся по пути мебель, мечется по комнате. Тут раздался чудовищный скрежет — семь верхних этажей дворца, распутившись обломками, обрушились вниз. Разъяренная Царица Бурь взлетела в усыпанное звездами небо, и уже через несколько мгновений ее завывания затихли вдали. Шутка пикси опять удалась на славу.

— День 15 мая года 1827 от основания великого королевства Арагон.

— Ничто так не ожесточает сердца судей, как вера в собственную непогрешимость.

Рафаэль Ламб, жрец Мистралины.

Вот и поставлена точка в истории Ордена Странствий. В ней есть героические страницы, но нынешние деяния перечеркнули все прежние заслуги. Даже древнее преступление Ордена на Золотых Полях, когда мечи были обнажены против тех, кто гостеприимно принял людские кланы на своих землях, меркнет перед их последним жестоким замыслом.

Клодия передала нам разговор с Царицей Бурь. Странно, но, мне показалось, девушка перестала воспринимать ее как врага, несмотря на нападение эстарийки на государя в столице. Их связывает что-то, это заметно, но пока баронесса не вдается в подробности. Конечно, новую версию легенды все восприняли по-разному: Эвистрайя — как должное, я и Джон — как

ожидаемое и вполне вероятное, Арагон остался уверен в непогрешимости своего предка, а скорее — равнодушен. Гилберт явно слушал подобную ересь с неприязнью, остальные просто познакомились с очередной сказочкой. Сама Клодия будто узрела блистательную истину, и теперь у нее болят глаза, но не смотреть она больше не может. Надеюсь, леди выдержит новое испытание, она удивительно стойко переносила их до сих пор.

А теперь по порядку. Из Аэнара наши две путешественницы вернулись к вечеру в сопровождении государя, не пожелавшего пропускать потеху. На самом деле его величество, по-моему, не захотел расставаться с Клодией и неслабо поднапряг придворных чародеев — перемещение на такое расстояние наверняка задача не из легких. С ними прибыл адепт Колледжа Путешествий, который поможет монарху следить за делами в столице, за сборами войск, за маневрами ксандрийцев. Армии людей соединятся на границе Золотых Полей, чтобы предотвратить внезапное нападение, — естественно, никто никому не доверяет до конца, да и население не поняло бы отсутствия военных приготовлений.

Баронство Штейн должно выставить сотню воинов. Учения идут полным ходом, а Леонард без передышки работает, обеспечивая наших новобранцев доспехами и оружием (само собой, на баронские средства — мы не хотим отправлять своих подданных в неглиже).

Вновь оставив манор в надежных руках Моны, мы отправились в горы Эрбека. Баронесса предположила, что там находится тайник с Луком Богов. Эту область продолжает скрывать от взоров королевских чародеев некая завеса, наводя на мысль о существовании других участников заговора, продолжающих дело Сеймура. Клодия хотела удостовериться лично. Ну а меня интересовало, куда же обращен взор статуи Арессы, находящейся, по словам Эви, как раз в центре «слепого пятна». Вряд ли это простое совпадение.

Природа разбушевалась не на шутку. Едва галеон поднялся над замком, зарядил мелкий надоедливый дождь, усиливающийся по мере нашего приближения к горам. В итоге разразился настоящий шторм. Капитан все-таки провел судно над Безымянной седловиной и сел в долине Венца богов на самой границе непроницаемой таинственной пелены. Попытка приземлиться ближе к громадине статуи, видимой уже отсюда, стала бы самоубийством. Сиилин предпочла остаться на борту, чтобы ее ненароком не унесло. Более того, фея не позволила Татхи и Лексиз идти с нами, утверждая, будто мы обязательно их

угробим. Жаль, она не имеет подобного влияния в глазах Эви, — та снова не устрашилась ни безумия стихии, ни предполагаемой встречи с опасным противником. А мне за нее волноваться! Гвинет тоже не отважилась ступить на проклятую, по дварфийским поверьям, землю. Остальные идут. Единственное, прежде чем покинуть судно, я попросил навигатора отметить направление «взгляда Арессы» на карте.

Удача улыбнулась нам: почти сразу же отряд наткнулся на растянувшийся длинной цепью обоз. Люди и гномы избегают этих мест, однако дорога была достаточно широкой и ухоженной, чтобы вереница перегруженных телег, запряженных волами, свободно прошла здесь. Да и вообще странно: караван там, где, судя по картам, нет ни селения, ни постоянного двора — ничего. Повозки сопровождали фигуры в белых одеждах. Согласитесь, не самый подходящий наряд для караванщика, если, конечно, он не путешествует по пустыням Солярии?

Неизвестные довели свои телеги до утеса, лежащего прямо под ногами Арессы, и скрылись, точно по волшебству. Последовав за ними, мы обнаружили в скале хитро замаскированный проход в сеть разветвленных туннелей, образующих целый подземный город. Город, принадлежащий Белым рыцарям!

Джек захватил в плен одного из караванщиков — неофита Ордена — в зале, служащей, судя по всему, «прихожей». Юнец не хотел разговаривать с «уродами», и Клодии пришлось его заставить, наслав чары боли: паренек забился с диким криком в руках обескураженного человека-кота. Эхо его воплей несколько долгих мгновений отдавалось под сводами пещеры. Мне стало жаль упрянца. Еще большее сочувствие вызывал сэр Джон, которому очередные свидетельства погранных заветов его Ордена доставляли истинную муку, а обманутый подросток — ужасал. А таких здесь, похоже, много...

По словам мальчишки, Белые магистры собирали в этом комплексе «истинно чистых», желая спасти их, когда гнев богов обрушится на Леодар. И ведь неофит свято верил в свою избранность и виновность других живых существ!

Едва мы закончили допрос молодого фанатика, как напротив, за штабелями ящиков, раскрылась дверь, вернее даже, кусок скалы почти бесшумно подался в сторону. На фоне ярко освещенного проема появились фигуры — отряд рыцарей, предводительствуемый Майком. Великан потребовал у нас сдать оружие и следовать за ними. Он заметил, что на нашем месте предпочел бы умереть прямо здесь, сложив головы в битве, а не позорно продлевать свое существование. Иначе, по его словам, нас ждала в лучшем случае судьба висельников.

Короткая свирепая схватка завершилась нашей победой. Главным образом за счет находчивости Джека: пока прочие сражались, кот взобрался на груды ящиков и обрушил верхний ярус на спины наших врагов. Двое оставшихся на ногах рыцарей пали от клевца Тилберта и моего меча. Сэр Джон сдерживал натиск магистра. Воистину, я лицезрел битву мастеров: оружие Майка высекало снопы искр из стен и потолка, крушило подвернувшиеся под лезвие короба, с лязгом встречалось со щитом и клинком противника. Тем не менее Джон не дрогнул. Ловко уворачиваясь, он уводил Майка в глубину пещеры. Тут я увидел Эвистрайю, ощупывающую рукой стену около двери, не обращая внимания на окружающий бедлам. Внезапно эльфийка обернулась и вскрикнула: кусок скалы пришел в движение, закрывая проход. Все бросились внутрь, а Джон, наконец, словно этого и ждал, скользнул под громадным волнистым лезвием и вонзил свой меч под забрало Майка, после чего устремился за нами. Замыкая исход, я оглянулся: великан с грохотом рухнул на колени, истекая кровью.

**

Нас не преследовали и не встречали, поэтому мы беспрепятственно прошествовали по широким коридорам сначала мимо складов, потом сквозь жилые помещения и в самое сердце убежища. Эвистрайя с благоговением сообщила, что нам посчастливилось попасть на корабль богов. И не на какой-нибудь! На судно самой Тауры! Поверить, будто покровительница отважных сама ступала здесь вместе со своими воинами, невозможно, но... Пока мне спокойнее думать об увиденном нами, как о подземном городе Белого Ордена или очередном творении рук древних, все-таки очень напоминающем изнутри твердыню Штейн, королевский дворец, жилище голема. Хотя статуя Арессы, венчающая утес над нами, подтверждала заявление элион-эйя. Все одно — отступать некуда.

Поднявшись в полупрозрачной сфере на несколько этажей, мы очутились в просторном зале, полном неведомых машин и волшебных окон. Как я осознал чуть позже, отсюда Таура командовала своей небесной ладьей. Здесь отряд встретился с двумя оставшимися главами Ордена Странствий. Они совсем не удивились нашему появлению и отсутствию Майка с рыцарями. Оказалось, за нами наблюдали с момента посадки галеона.

И вот нам открылся ужасный план Ордена во всем великолепии. Белые щиты завладели Луком Богов, замыслив теперь уничтожить с его помощью все живое в Леодаре. Убить

всех нелюдей и тех, кто запятнал себя, связавшись с ними, а после заселить «очищенные от скверны земли истинными людьми». Техномагов, которые подготовили оружие к использованию и провели первый выстрел, выследили — часть перебили, часть пытали.

Выехав из замка Фальд за магистрами, мы неверно истолковали их намерения. Возможно, сначала их путь лежал в Аэнар, где Сеймур явил миру Лук Богов, но потом они повернули, как-то узнав об исчезновении оружия из столицы. По всей вероятности, Годханд хотел сотрудничать с Орденом на первых порах, удерживая, впрочем, неистовствующих карателей на расстоянии, но его гибель развязала рыцарям руки.

Все это нам с нескрываемым удовольствием поведал седовласый Гленн, пригласив быть почетными зрителями. По окончании зрелища, очевидно, нам полагалось уснуть вечным сном.

Отсчет времени до выстрела уже начался. Мы ринулись в бой в надежде хотя бы отдалить катастрофу. Противостояли нам Великий Магистр и полтора десятка посвященных рыцарей, а Ленс не отходил от кафедры, с которой производилось управление Луком и ладьей.

Я бы с удовольствием поменялся местами с Тилом, которому явно рановато было сталкиваться с таким врагом, как Гленн, но Фессаха опять глупо полезла на рожон. Пришлось выручать ее. Заодно мне удалось заблокировать одну из довольно узких лестниц, не позволяя тяжеловооруженным воинам зайти в тыл моим друзьям, которым и без того приходилось несладко.

**

Едва глава Ордена замолчал, наступил момент, когда все затаили дыхание — неужели сдаемся? Повисла гнетущая пауза.

Белые рыцари возвышались подобно мраморным изваяниям между колонн готовые, тем не менее, к любому приказу. Эти суровые воины с большим удовольствием перебили бы группу пришельцев, без спроса вторгнувшихся в ряды «чистых», но Гленн четко распорядился: «Они должны узреть священное пламя». Особенно бесило присутствие отлученного магистра Джона, но всему свой срок — наглецы получают сполна!

— Гленн, в своей гордыне вы зашли слишком далеко! — грустный голос отступника нарушил безмолвие. — Да, каждый из нас во время странствий вынужден судить, делать выбор, решать, где правда, но не больше чем любое живое существо. Вы же возомнили себя верховными властителями судеб...

— А кто, если не мы? — язвительно спросил старик. —

Хочешь дожидаться, пока уроды соберутся под знамена Марджолины и станут высшей расой? Все эти людишки, которые позволяли столько веков нечестивым тварям жить и процветать рядом с собой (даже зачинали с ними потомство!), достойны быть истребленными своими же соседями. Но эта участь не должна постигнуть Человека! Освобожденный от скверны, он ступит в новый мир.

— В кодексе Белого Ордена нет ни слова о необходимости истреблять нелюдей. Рыцарь обязан защищать невинных, бескорыстно помогать всякому живому существу. Порой это требует крови и убийств, хотя не уверен, что данные методы не являются плодом нашего собственного жестокого разума, — Джон на секунду смолк, будто вспоминая свои нелицеприятные деяния.

В этот момент Гленн перебил его:

— Лиза была права — эстарийская полукровка извратила твои мысли. Я дарую тебе смерть. Она избавит твою душу от влияния чар, а тело очистит от мерзости.

Как сорвавшиеся с цепи псы, вслед за главой Ордена покинули свои посты белые воины, лишь Ленс остался на месте — чародею, как известно, не обязательно ввязываться в ближний бой. Он поглядел на цифры в углу экрана, отсчитывающие последние минуты этого мира, и усмехнулся.

Сэр Джон двинулся навстречу бывшему другу и учителю. Краем уха он услышал сдавленный возглас Клодии, попытавшейся остеречь его, но не придавал этому значения. Поворачивать было уже слишком поздно и не к лицу.

Реакция баронессы объяснялась очень просто: она раньше остальных заметила и узнала в руке Гленна копию королевского меча, «Убийцы Богов». Единственным, кто мог противостоять магистру при таком раскладе, был сам государь. Джон, Тил, Гилберт, Сореал, Джек могли отвлекать старика, могли уповать на его ошибки и свою ловкость, но не отражать удары светящегося клинка.

Арагон, выругавшись, отбросил привычное, но бесполезное теперь стальное оружие и снял с перевязи рукоять древнего меча. В эту секунду он мысленно поблагодарил назойливую баронессу за то, что она в Аэнаре буквально заставляла его часами тренироваться с этой штуковиной. Руки сами проделали все необходимые манипуляции, хотя на всякий случай король глянул, куда жать, боясь уподобиться незадачливому деду. Монарх присоединился к Джону, вклинившись в смертоносный дуэт магистров.

— Фесс! — хрипло крикнул Сореал, но опоздал: рабыня уже

прыгнула на ближайшего воина, а его догоняли другие. Барон еле успел отбить удар, предназначенный дикой воительнице.

Тил был гораздо медлительнее легких (смотря с кем сравнивать, конечно) мечников, да и опыта не хватало. Зато здоровяк успел оценить ситуацию, решив, несмотря на многочисленность рядовых рыцарей, что оружия барона де Монте при поддержке Фессахи вполне хватит против них. А вот глава Ордена вызывал у Тилберта серьезные опасения. Во-первых, его страшное оружие, во-вторых, несвойственные для человека его возраста скорость реакции и сила удара, в-третьих, уже не относящееся непосредственно к Гленну, — настроение сэра Джона, будто смирившегося со своей участью, и опрометчивый задор Арагона XIII. Да, в этом бою его клевец нужнее. Парень шагнул вперед.

Клодия огляделась: де Монте вместе с Фессахой надежно заняли делом весь левый фланг, Джек пока наблюдал, в любой момент готовый ввязаться в драку. Ферджин, бледный как полотно, прижался спиной к входной двери рядом с Эви, невнятно бормоча. Джон и Арагон уже встретились с Гленном, к ним спешил Тилберт.

Мужчины снова сломя голову ринулись навстречу смерти, а ведь ничего не стоило заменить лобовую атаку рядом маневров, за время которых она бы сумела пробить старика заклинанием, не подставляясь Ленсу. Хотя она понимала Джона, испытывающего, похоже, чувство вины за преступления Белого Ордена. Хорошо же, придется рискнуть. Девушка села на метлу и взвилась над схваткой вне досягаемости мечей, повернувшись боком к чародею и нацелив посох на Великого Магистра.

Гилберт покачал головой: она опять полезла не в свое дело. Лучшим способом спасти самонадеянную дурочку было бы оставить ее на борту галеона, но... есть еще вариант — верно воспользоваться защитным амулетом, который она заставила его надеть. Юноша осторожно двинулся вдоль колонн. Сейчас ему требовалась предельная осторожность, впервые в жизни Гилберт намеренно избегал честного открытого боя. Однако теперь это его нимало не волновало.

— Ленс, спусти девку, пускай мальчишки позабавятся! — весело гаркнул Гленн, продолжая наносить еле заметные узоры на доспехи противников, которые пока успевали уворачиваться.

Ну разве мальчишки смогут справиться с опытным мастером битвы? Нет. И даже смазливая эстарийская ведьмочка их не спасет. Наоборот, сейчас юнцам придется выбирать — выручать красотку, подставляя собственные спины, или слушать, как она вопит под ударами латных рыцарских перчаток. Старик

ухмыльнулся и несколько раз крутанул меч, выписав две разноуровневые восьмерки, чтобы нахалам труднее было прочесть движение.

Человек-кот ослабился: «Зря поторопились. Впрочем, напаялив на себя столько железа, мужчина забывает про осторожность — это нормально», — подумал Джек, мягко скользнув на правый фланг.

Клодия не успела как следует подготовиться, когда метла вырвалась из-под нее и со стуком упала под ноги Белому чародею. Но приземлилась баронесса удачно (лишь припала на одно колено), зато к ней уже бежали, гремя латами, рыцари. Как и следовало предполагать, суровые опытные воины не ожидали от нее серьезного сопротивления, поплатившись за свою наивность. Клодия взмахнула посохом — мигнули крохотные кристаллы наверху — и один из них свалился, вопя от боли в сведенной судорогой ноге. На другого накинута человек-кот.

— Забудь о них! — Джек позволил себе довольное урчание, ведь он явился без опоздания, как и рассчитывал. Теперь эти двое (ага, а там еще на подходе!) — его забота.

Джон полностью сконцентрировался на поисках слабого места у бывшего наставника. Вымотать магистра слишком сложно, да и долго: он разумно расходовал силы, не делая лишних движений. Оставалось верить в случай или рискнуть. Рыцарь уловил жест Клодии и досадливое разочарование в ее лице — конечно, глава Ордена оказался крепким орешком, который не расколешь с первого раза даже очень мощным заклинанием.

— Кло, останови отсчет! — повелительно окрикнул Джон баронессу. — Ну же, девочка, мы здесь и сами справимся.

Клодия хотела возразить, но кивнула и развернулась к возвышению с кафедрой, где стоял Ленс. На конце его посоха разгорался шар пламени, но этот огненный подарок не представлял сиюминутной угрозы, да и не ей, вероятно, предназначался. Чародей слегка поклонился баронессе, сделав свободной рукой приглашающий жест. За спиной Клодии раздавался страшный аккомпанемент танца смерти — звон клинков о доспехи и шипение волшебных мечей.

Неожиданно баронесса услышала насмешливое мурлыканье Джека:

— Всем известно: нечто большое и сильное может не выдержать напора маленьких и слабых, одно против многих, — от слов кота веяло непоколебимым спокойствием и уверенностью, столь необходимыми сейчас.

Клевец Тилберта отлетел в сторону — в кулаке остался бесполезный кусок рукояти. Тил приготовился принять смерть, заставив Гленна обороняться от безоружного неопасного врага, подставляясь остальным, или отступить. Нужно только правильно подгадать момент. Умирать не хотелось, но ведь пожертвовать собой ради друзей, ради правого дела — это достойно!

Но мгновением раньше дерзнул сэр Джон. Заметив плачевное положение Тила, воин понял — откладывать больше нельзя. Он выполнил хитрый обманный маневр, заставляющий противника развернуться боком и увести оружие вниз. Надеяться оставалось на нечеловеческую скорость реакций Арагона, распившего после встречи с Майком пузырек какого-то зелья, и Гилберта, зашедшего к Гленну со спины. Король провел великолепный двойной выпад, а оруженосец в последний миг отступил. В полной мере удивиться внезапной нерешительности Гилберта никто не успел.

Глава Ордена припас для сосунков сюрприз! Неужели они думали, будто Великий магистр бился в полную силу? Старик ловко отпрыгнул от угрожающих ему клинков, а затем виртуозно контратаковал, скрыв истинное направление удара в вязи ложных движений, — пускай ребята хоть чему-нибудь научатся перед смертью. Световое оружие не сдержат обычной сталью — лезвие меча Джона со звоном упало под ноги воинам, а кроваво-алый горящий луч с шипением врезался в плоть.

— Червяк, этот финт состарился еще во времена моей молодости! — Гленн хищно оскалится и еще раз хлестнул рыцаря по груди наискось. — Рука тебе не понадобится, чтобы видеть смерть твоих приспешников и потонувшего в грязи Леодара.

Джон начал медленно оседать, преодолевая лютую боль, — на большее он был не способен — наблюдая, как взметнулся меч Арагона, отбрасывая атаку магистра, как почему-то отступает Гилберт, а Тил продолжает бестолково топтаться на месте, ошеломленный поражением друга. Позже. Позже он сумеет еще удивить старика и помочь друзьям. Или отомстить. Когда в глаза заглядывает смерть, уже не страшно, что их застигает ненависть.

Клодия не услышала и, на свое счастье, не увидела трагедии. Девушка лишь прочитала во взгляде Ленса приговор друзьям и готовность привести его в исполнение. Чародей уже замахнулся посохом, дабы запустить огненный шар в гущу схватки, набрал в легкие воздуха, желая предупредить Гленна, когда баронесса преодолела прыжком последние ступени, отделявшие ее от мага, и ударом собственного посоха зашвырнула сферу в противоположный угол. Замешательством магистра воспользовался Джек, в свою очередь сформировав в ладонях два

небольших пылающих мячика и метнув их в живот Ленсу. Колдун истошно заорал — одежда под доспехом загорелась, огонь пробивался сквозь плащ. Он упал и начал кататься по полу, тщаь потушить пламя.

Главе Белого Ордена наскучило играть с детьми. Он вознамерился убить наглых молокососов точно надоедливых мух — всех одним ударом. Колесо Смерти, Мельница или, в простонародье, Добрая Давалка — так называется прием, которым редко пользуются из-за сложности и опасности исполнения, а еще из-за неприятной особенности — оружие зачастую застревает в плоти первой же цели. Мастера посоха применяют его чаще, но лишь иногда со смертельным исходом. Световой же меч не остановит ничье тело. Воин должен сделать полный оборот, единожды переставив ноги и ведя за собой оружие (это может быть как цельное движение, так и набор коротких резких ударов по противникам). Завершалось действие в исходной позиции, лицом к первой жертве.

Гленн решил заполучить все четыре головы — он раздумал оставлять Джона в живых. И вот Колесо раскрутилось. Но отступник за миг до смерти рухнул на колени, продлив свое ничемное существование. Король ловко парировал, немного сбив первоначальную траекторию удара, поэтому и белокрысому здоровяку также удалось вовремя отпрянуть. А хитрый юный красавчик (чей маневр Великий Магистр, впрочем, оценил), вряд ли ожидающий встретиться с противником лицом к лицу, даже не двинулся. Но луч, дойдя до шеи мальчишки, вдруг исчез, снова появившись с другой стороны, во лбу паренька полыхнуло красным, а дальше старик по инерции продолжил поворот, встав лицом к Джону.

Глава Ордена ошибся! Об этом же ему ясно говорила бледная улыбка бывшего ученика.

Арагон рубанул с плеча, оставив глубокий оплавленный разрез, рассекший доспех и торс Гленна от основания шеи вниз, почти отделив руку. Король досадливо поморщился: «Криво!» — и хотел уже всадить «Убийцу Богов» противнику в живот, когда седовласую голову старика отбросило в сторону. За спиной главы Белого Ордена стоял Гилберт. Он заворуженно следил, как тело магистра заваливается на бок, машинально стряхнул кровь с клинка и вскинул взор на государя.

— Ха, отличный удар! Я бы лучше не сделал! — задорно воскликнул Арагон, салютовав мечом оруженосцу и не придав ни малейшего значения его странной ухмылке.

А Тил уже склонился над Джоном, со скорбью констатируя тот факт, что даже умений леди Клодии не хватит. Руку могли

вернуть лишь в столице, хотя обожженную рану на груди баронессе, возможно, удастся залечить.

Девушка в эту минуту задумчиво склонилась над кафедрой. Ленс, обожженный, лишившийся чувств от боли, не приходил в себя, цифры обещали скорую катастрофу, а идей, как ее предотвратить, не появлялось. Машинально Клодия крутила на пальце перстень, ощупывая королевский герб. Ну конечно же! Она решительно сняла кольцо и вставила его в паз на поверхности стола.

Оставшиеся в живых застыли от неожиданности: на экране появилось огромное женское лицо, сотканное из мириад искорок, и под сводами зазвучал пронзительный высокий голос.

— Аресса! — сдавленно прошептала Эвистрайя, все это время простоявшая незамеченной в дверях.

Клодия судорожно копалась в пиксячем отделе своей сумки, пытаясь подцепить нелепый, но такой полезный попугайский шлем. Эта забавная штучковина позволяла общаться на любом наречии, существующем в мире. Сиилин откопала его в закромах Штейна, с тех пор о нем и не вспоминали. А тут... Женщина обратилась к ней на неизвестном, но до странности знакомом языке, почему-то злить ее непониманием не хотелось. Наконец дурацкий артефакт был водружен на голову, Клодия с облегчением вздохнула, улыбнулась, и под сводами раздались ее ответы.

Прочие собрались вокруг поверженного магистра Гленна и раненого Джона. Джек аккуратно крутил в руках цилиндр трофейного меча, предупрежденный Арагоном о риске остаться без ног, хвоста, яичек или еще чего-нибудь нужного. Фессаха невозмутимо вылизывалась, в пол-уха слушая брюзжание недовольного ее поведением Сореала. Эвистрайя тихо играла на элионе, словно нащупывая новую мелодию или ублажая слух явившейся грозной богини. Тил бережно освобождал торс рыцаря Джона от доспеха —годились инструменты, полученные в кузнице у отца, с которыми он не расставался. Гилберт вызвался помогать ему, но здоровяку показалось, что у оруженосца имелись другие, более важные для него причины опуститься на колени рядом с телом Гленна. Откладывая очередной покореженный кусок нагрудника в сторону, юноша, как бы нечаянно, останавливался взглядом на труп старика, а в какой-то момент что-то ловко схватил с пояса Гленна. Тил нахмурился, но ничего не сказал, хоть ему и претила сама мысль обыскивать труп. Впрочем, он ведь смолчал, когда кот выуживал из кулака магистра рукоять меча, значит, и сейчас не вмешается. Тем не менее настораживало, что в отличие от Джека оруженосец

скрыл находку.

Арагон стремительно приблизился к Клодии и уже готовился задать закономерный вопрос «а кто эта баба?», но баронесса успела зажать ему рот ладонью. Потом девушка отступила от кафедры и низко поклонилась. Аресса громко рассмеялась, свернувшись в крохотную горящую точку, вслед за тем тоже исчезнувшую. Сняв шлем, Клодия вынула перстень из паза, надела его и недовольно взглянула на государя.

— Нельзя же лезть в разговор с богиней!

— Я и слова не вставил! — надулся король.

— Ладно, неважно. Аресса уведет ладью в небо меньше чем через четверть часа, нам... — девушка развернулась, запнувшись на мгновение, не завершив фразу, изумленно вскрикнула и стремглав побежала к распростертому телу Джона.

Арагон приподнял бровь то ли в недоумении, то ли догадываясь о причине такого поведения, уголок его царственных губ чуть дрогнул. Однако потом он как ни в чем не бывало прыгнул со ступеней, подхватил метлу баронессы и присоединился к остальным.

Снова воспользовавшись перстнем с символом королевского рода, Клодия вызвала дух Арессы и отменила выстрел Лука. А затем приказала ладье вернуться обратно в чертоги демиургов.

Мы едва успели покинуть божественный корабль на шлюпке, именуемой «спасательной капсулой». Аресса подарила нам жизнь, но на этом ее благодеяния не закончились: раны у всех затянулись, а у Джона буквально за доли мгновения соткалась из воздуха новая рука, и на его груди остался лишь еле заметный шрам.

Ладья поднялась в воздух на хвосте из пламени и с громоподобным звуком устремила в небеса. Часть горной гряды теперь разрушена, однако это небольшая цена за то, что Лук Богов навсегда покинул наш мир. Не знаю, выживут ли адепты Ордена там, в холодной вышине, но, полагаю, свершившееся — достойная кара за их преступление. Да простит их святая Мистралина!

Помимо прочего, исчез Ферджин. Его удалось затащить в «капсулу», хотя он брыкался и нечленораздельно бормотал. Время полета до галеона маг просидел тихо, невидящими глазами вперяь в стену, а как только мы приземлились — умчался прочь. Скажу прямо, лично я не потратил бы на его поиски и поимку ни одной лишней минуты, но баронесса не согласилась с моим мнением, которое, кстати, всецело

поддерживал король. Она едва не угробила себя — ее сбросило порывом ветра с метлы. Только после этого Клодия признала изложенные мною доводы.

Вновь отправляемся в путь. Теперь цель нашего путешествия — город гномов Меригард. По счастью, до своего помешательства Ферджин принес-таки пользу. Он был убежден: камень, который Сиилин некогда извлекла из глазницы солдата богов, — именно тот, что может изгнать дух Царицы Бурь из этого мира навсегда. Я не особенно доверяю магу, но это наша единственная надежда. Так или иначе, прежде чем использовать кристалл, его нужно огранить. А кто справится с ювелирной работой лучше дварфа?

Интерлюдия 11.

Почти у цели

Женщины попирают добродетели, пожирают богатство и насмеваются над умом. Если хочешь получить их любовь — говори на языке силы.

Солярийская мудрость.

Дверь в каюту Гилберта не была заперта, но Клодия продолжала стоять у порога, не решаясь войти. Ее пугала предстоящая беседа. Впрочем, за последнюю пару недель девушка привыкла к постоянному страху — все это время ее судьба, судьбы друзей, судьба всего мира, наконец, висели на неожиданно прочном, но все же волоске.

Еще несколько часов назад Клодия, в который раз удивляясь тому, что до сих пор жива, наблюдала за величественным, небывалым, немыслимым зрелищем — ладья Тауры, влекомая богиней Арессой, возносилась к звездам. А вместе с ней — обезглавленный Белый Орден, Лук Богов и смерть, которую они несли беспокойной земле. Ладья, в сущности, не походила ни на рыбацью лодку, ни даже на ксандрийский летучий галеон, чуждая этому миру, как и все прочие осколки Золотого Века. Когда сияющая песчинка стала неразличима на вечернем небосводе, для девушки снова наступила полоса тяжелых разговоров и непростых решений.

Армия Марджолины расположилась на огромном горном плато между снежными отрогами Эрбека. Именно там, по преданиям, когда-то сошлись в решающей битве за обладание Благословенными Землями лучшие воины нелюдей и цвет человеческих племен. «И их ужасные машины», — добавила про себя Клодия, оглядывая чернеющую массу лагеря, словно расшитую точками костров. Даже отсюда виднелись артефакты, неизвестно как уцелевшие в глухих лесах, сырых подземельях и прочих местах, где остатки побежденных народов прозябали две тысячи лет. Прозябали, но сделали то, чего не смогли совершить люди, новые хозяева Леодара, — поддержали реликвии предков в рабочем состоянии. Судя по тому, что механизмы как-то сюда попали, инструкцию по их применению нелюди тоже сохранили.

**

Прежде всего Клодия собиралась поговорить с рыцарем

Джоном, который с гибелью Белого Ордена вернул себе настоящее имя и титул, а также возможность жениться. Но баронесса с отчаянием понимала — произошло это слишком поздно, она уже не была уверена, что ответит «да» на предложение руки и сердца графа Габриэля Олгуда. Благо речь пока шла не о том, хоть и напоминала прощание навсегда.

В коридоре, разделявшем два ряда кают, ее задержал Гилберт. Именно из-за той встречи Клодия сейчас боялась входить в комнату своего бывшего — как она теперь для себя решила — любовника.

Гилберт был прекрасен. Он словно стал выше ростом, шире в плечах, в нем появились неуловимая суровая властность и сила, благодаря которой мужчину сразу можно отличить от мальчишки. Но сейчас внезапный проблеск этих качеств скорее тревожил и отталкивал девушку. Юноша поведал, как одолел Великого Магистра Белого Ордена, исполнив то, чего не смогли сделать рыцарь Джон и Арагон XIII вместе взятые. Тила, похоже, он даже не брал в расчет. Рассказал, как непременно покроет себя славой в грядущей битве и, сразив Царицу Бурь, посвятит свою победу ей, Клодии. Речи Гилберта не звучали хвастливо — в них сквозила незыблемая уверенность. Он надвигался на нее, отрезая отходные пути, и в итоге зажал в углу, буравя испытующим взглядом лицо баронессы.

— Я знаю, у меня есть соперники, — жаркий шепот Гилберта заставил Клодию содрогнуться, но не от возбуждения, как бывало раньше, а от панического ужаса. Сразу после этих слов он схватил девушку за волосы и, откинув ее голову назад, запечатлел на шее жадный поцелуй. — Но ты станешь моей, Клодия, запомни! Я возьму твою любовь силой, если нежность тебе не по нраву!

Гилберт оттолкнул ее, больно ударив о перегородку плечом. «Будет синяк», — машинально подумала баронесса, выкрикивая в ответ Гилберту убедительные, как она надеялась, упреки. Услышав «ни подвигами, ни убийствами нельзя завоевать чужое сердце», оруженосец улыбнулся, не презрительно или угрожающе, а с каким-то незнакомым чувством на лице. Ну а после фразы «я скорее умру, чем покорюсь насилию», юноша повернулся к раскрасневшейся встрепанной девушке спиной и удалился к себе в каюту. Только тогда она осознала, что Гилберт впервые обратился к ней на «ты».

**

Завершился нелегкий разговор с Джоном, которого баронесса упростила в случае катастрофы на Золотых Полях увести «Быстрее ветра» в столицу и возглавить армии сопротивления. Поставлена

точка в еще более сложном споре с королем, которого Клодия (теперь она отчетливо это понимала) любила и чьей женой хотела бы стать, несмотря на возмутительные привычки, коими Арагон не желал поступиться. Но, опять-таки, в этот раз с государем решались куда более важные проблемы. Попробуйте убедить самовлюбленного подростка, уверившегося чуть ли не в своем бессмертии после победы над Орденом Странствий, что конфликт все еще можно решить мирно, даже имея в руках артинский свисток и меч Арагона I.

И вот девушка прижалась лбом к прохладному дереву стены перед незапертой дверью в каюту оруженосца, боясь войти и опять посмотреть в его изменившееся лицо.

Она несмело постучала.

— Гилберт, это Клодия, могу я войти?

— Да, конечно, леди Клодия.

Она шагнула в комнату, как всегда безупречно убранную: лежащие на походном сундуке начищенные доспехи, меч — подарок барона, установленный под окном переносной жертвенник бога войны Александра, аккуратно скатанное белье в гамаке — ничто не выдавало страстей, бушующих в душе владельца. В воздухе разливался аромат благовоний. Гилберт поднялся с колен, прикрыв плащом какой-то небольшой предмет, находившийся у источника терпкий дым алтарного треножника. Взгляд мужчины, в которого превратился недавний юноша, был спокоен.

— Гилберт, — неуверенно начала баронесса, — я хотела с тобой объясниться...

Клодия не ошиблась — последовавший разговор оказался самым трудным за вечер. Слова ее разбивались о невидимую броню Гилберта так же, как дождевые капли о стальную щит. Даже когда девушка назвала имена двух других своих любовников, лицо ее собеседника не дрогнуло. Тем не менее ей удалось вытянуть из оруженосца клятву не вредить соперникам, хоть она не особенно теперь верила его обещаниям. Ведь по всему выходило, что Великого Магистра Гленна оруженосец, прежде с крайней серьезностью относившийся к делам чести, зарубил в спину.

«Он не сумел бы измениться так за один день, — Клодия горько вздохнула, — просто раньше я не принимала этого во внимание».

Молодой человек уверил баронессу в своей готовности служить ей в любое время дня и ночи, а затем деликатно выпроводил из комнаты.

Будущая королева Арагонская (или, возможно, будущая

жертва собственной веры в честь, отвагу и любовь) постояла немного у захлопнувшейся двери, растерянно глядя перед собой, а затем направилась в кают-компанию, где попросила всех собраться для обсуждения деталей своего самоубийственного предприятия. Внезапно Клодия замерла и, словно прислушиваясь, погладила свой пока еще совершенно плоский живот. Потом, окончательно решившись, толкнула створчатые двери и вошла.

— Я созвала вас, чтобы поставить в известность о моих дальнейших планах, — девушка стояла спиной к столу, за которым сидели ее друзья, все, кроме Гилберта и Арагона... — Почему о моих? Я не могу требовать от кого-то из вас следовать за мной и королем. Некоторые из нашего отряда вообще могли бы находиться по ту сторону... — ее никто не перебивал, и Клодия продолжала: — Я предлагаю вклиниться между наступающими нелюдями и нашими войсками. Все равно государь должен попытаться избавить мир от Царицы Бурь, а значит, не миновать пребывания в первых рядах. Эвистрайя согласилась поддержать меня музыкой и напомнить воинам обеих сторон историю наших предков. Я полагаю, у магов найдется способ усилить мой голос, и все услышат мои слова. Я хочу мира.

— Клодия, на что ты, собственно, надеешься? — задал главный вопрос барон де Монте.

— На чудо, на череду случайностей или на пробуждение здравого смысла — как угодно.

Девушка невесело усмехнулась, вспоминая сходное начало спора с королем и ожидая примерно того же. Клодии был виден лишь Джон, сидевший в кресле отдельно, ближе к ней, — вероятно, единственный союзник ее безумия. Нынешний Главный Королевский Шериф (с согласия Арагона баронесса сложила с себя полномочия на могучие плечи графа Олгуда) задумчиво оглядывал собравшихся, слегка приподняв бровь и перекатывая в ладони два перстня — с гербами монарха и Штейна. Похоже, он был чем-то удивлен.

Баронесса обернулась: ее соратники и не думали отказываться, каждый по собственным причинам готовился присоединиться к авантюре.

— Я внес бы только одну поправку, — сладко потянулся Джек, заложив руки за голову, — неблагоприятно лезть между молотом и наковальней, предварительно не подпилив немного ручку инструмента или не заручившись поддержкой кузнеца. Помоему, никому не помешает разлад в армии нелюдей: недовольство военачальниками, качеством пищи, погодой, наконец.

— В тебе говорит прямо-таки нечеловеческая мудрость! —

усмехнулся Джон, разведя руками и ободряюще подмигнув баронессе. Кот шутливо поклонился.

— Было бы не лишним побеседовать с Царицей Бурь лично, — наметнул барон.

— Я пыталась связаться с ней, но ответа не последовало... — сокрушенно произнесла Клодия.

— Ты действительно веришь в хороший исход? — еще раз уточнил Сореал.

— Да, верю, что меня услышат и поймут. Хотя... если мы падем в битве на глазах у стольких людей, то станем мучениками и знаменами для них в грядущей войне. А может, сами войдем в пантеон? Как Боги Мира, например, — Клодия устала, не ощущая уже на самом деле той всепоглощающей уверенности в своей правоте и счастливом конце истории.

— Это по мне! — Сиилин, молчавшая до сих пор, вышла на середину стола, приняла патетическую позу и заявила: — Думается, мне пойдет мрамор, но лучше — статуя из золота. Правда, я не намерена сдохнуть с вами, но в пантеон согласна вступить. А потом — возглавить. Мне будут поклоняться...

Все расхохотались.

«Как легко они вступили на этот путь!» — потрясенно подумала баронесса, тяжело опускаясь в освободившееся кресло, когда ее друзья разошлись.

— Клодия, иди отдохни, вам завтра предстоит долгий путь по дварфийским катакомбам, — Джон оперся рядом на стол.

— Да, конечно, — девушка взглянула в лицо рыцаря и прошептала: — Дождись фею с артинским свистком.

— Нет, лучше я дождусь вас.

Вдалеке, в лагере нелюдей, музыка десятков элионов сплеталась в печальный звенящий звук, возносившийся к холодным равнодушным звездам. Хотя, возможно, это звенел от натуги тот самый волосок, на котором висела судьба Леодара. Белобрысый женский волосок...

— *День 20 мая года 1827 от основания великого королевства Арагон.*

Сегодня Джек отделился от нашего отряда. Кот рассчитывает устроить ряд диверсий в стане армии Царицы Бурь, на случай если договориться с Марджолиной и ее бойцами все же не выйдет. Понятия не имею, получится ли у него, но мы заранее условились, где всех нас будет ждать галеон. Помимо команды на борту остались Джон и Татхи. Ящер резонно предположил, что чересчур необычен и привлечет нежелательное внимание на улицах Меригарда. А бывший магистр Ордена Странствий

окончательно сменил род деятельности, приняв груз ответственности за государство в отсутствие Арагона XIII. Ему выпало проследить за соединением людских войск у Золотых Полей, сдержать особо ретивых полководцев от необдуманных действий и направить их же, если Марджолина решит нарушить договор.

**

Наконец мы на месте. Гвинет показала один из тайных проходов в столицу подгорного царства, благодаря чему стало возможным проникнуть внутрь, минуя замкнутые парадные ворота. В Эрбеке всегда с недоверием относились к людям, платя им, впрочем, их же собственной монетой, а уж после недавних инцидентов — нападения на посольство в Аэнаре, отмены сделки, гибели отряда в Линдоне — и вовсе закрыли границы. Как заметила Клодия, здесь еще ничего толком не знают о трагедии в долине Арессы, лишь угадывая причины позавчерашнего землетрясения. Мда, я только сейчас понял: ведь дварфийские владения могли пострадать и пострадали, скорее всего, когда взлетала ладья богов! Ближайшие поселения, наверное, затопило...

Мы заняли третий этаж в рекомендованной Гвинет гостинице и отправились искать лавку знаменитого ювелира Горна Скалброда. Ничего особенного — сделать заказ на огранку колдовского камня и ждать, — за исключением цены, которую мастер заломил за свои услуги. Кроме того, карлик еще имел неосторожность ляпнуть, что не примет плату в арагонских стандартах, поскольку в них скудное содержание золота. Присутствующий здесь же правитель упомянутого нищевродского, как выразился гном, королевства, чей монетный двор скверно управляется со своей работой, немедленно вспылал. Только вмешательство Клодии помогло предотвратить скандал: Горн уже подозрительно сличал портрет на монете с профилем дебошира, а плечистые охранники приблизились на угрожающее расстояние. В итоге разобиженный государь опрометью выбежал из лавки, баронесса, конечно, последовала за ним, небезосновательно волнуясь за здоровье и жизнь его величества.

Дальнейшие переговоры со Скалбродом пришлось вести мне. Я заплатил дварфу линдонскими слитками, ювелир пообещал закончить обработку за неделю. Теперь мы можем лишь уповать, что на поверхности за время нашего отсутствия не случится ничего непоправимого.

— День 22 мая года 1827 от основания великого

Монарх прямо из мастерской Горна, попетляв в лабиринте улиц и потолкавшись в толпе, устремился в кабак.

Вскоре хмельной Арагон XIII уже громогласно (в весьма неуважительной для окружающих форме) рассказывал о подвигах своих великих предков. Среди завсегдатаев нарастало недовольство, зрела драка: крепкие dwarфийские мужики взвешивали в кулаках бутылки, кружки, подхватывали тяжелые табуреты, кто-то снял со стены над камином увесистое чучело подгорного змея. Они согласились терпеть тех людей, которые уже обжились в Эрбеке, чьи имена старейшины внесли в списки горожан, прочих же с радостью изгнали, едва был принят тайный план поднять войско големов. Но ни один человек не имел права в сердце подгорного царства очернять dwarфийский народ и восхвалять захватчиков Леодара!

Вокруг Арагона постепенно сжималось кольцо недовольных, разговоры стихли, обстановка накалилась. Венценосный задира только этого и ждал, ухмыляясь в стакан с самогоном «Синяя борода». Он, к сожалению, запомнил, что заведение находится не в Аэнаре, а за входными створками нет дюжины амбалов-гвардейцев, готовых вытащить повелителя из гущи потасовки в нужный момент. Под столом Арагон припас подарочек для гнусных карликов — помойное ведро, куда плевали, бросали кости и сливали остатки пойла. «Подходите! Ближе, ближе! Вам урок преподнесу!» — хихикал про себя король.

Неожиданно у стола возник незванный вроде бы «амбал». Ух! Хватка у него была просто-таки железной!

— Вот ты где, пьяница?! Опять нарезался! Где деньги, мерзавец? Как я буду кормить детей, да и тебя, прорву? — баронесса мгновенно оценила масштаб трагедии, то есть количество бородатых рыл с импровизированным оружием в ручищах, и безупречно подобрала роль. Сейчас положение могла спасти только комедия.

— Кло, как ты смеешь?..

— Молчи, паразит! Я весь день работаю не разгибаясь, а ты? Еще и семью срамишь, вспоминая побасенки твоего алкаша-отца. Ох, глаза б мои на тебя не смотрели! Идем!

Вокруг все содрогалось от громогласного хохота, слышались даже сочувственные возгласы, подбадривающие несчастного «супруга».

Клодия за шкуру вытащила государя из кабака на улицу и вела его так еще с полквартила для верности, а потом взвалила на метлу и доставила в номер.

На рассвете Клодия привела упирающегося пьяного вдрызг короля в гостиницу. Похоже, с этого момента Арагон будет исключительно есть, спать и тренироваться...

Гилберт куда-то исчез с самого утра, поэтому пришлось воспользоваться услугами местной челяди. В общем-то, я и сам могу одеться, согреть воды, умыться, пристегнуть меч к поясу, но халатность, с которой оруженосец стал относиться к своим обязанностям, начинает раздражать. Вдобавок он порой очень дерзко разговаривает со мной и моими друзьями! Пожалуй, стоит сделать ему замечание.

Мне совсем не нравится Меригард и тонны камня, довлеющие над головой, поэтому я не часто выхожу из номера, предпочитаю общество Фессахи всем этим угрюмым карликам. А вот мои спутники явно решили восполнить пробелы в своих знаниях о жизни подгорного народа.

*— День 23 мая года 1827 от основания великого
королевства Арагон.*

Еще один день в дварфийской столице. Он бы ничем не отличался от прочих, но мы с Тилом отправились посмотреть на творения местных оружейников, а заодно проводили баронессу по делам в чародейскую лавку. Я хотел взять с собой Гилберта, но его решительно невозможно заставить в комнате. Видимо, серьезную беседу придется отложить до возвращения на галеон.

Право, тут есть чем восхищаться — мастерство гномов в работе с металлом давно стало легендарным. К сожалению, ничего на мой теперешний размер в магазинах не нашлось, а ждать, пока выполнят заказ, слишком долго. Я ограничился легкими улучшениями своего нынешнего меча. А вот Тил приобрел достойную замену оружию, утраченному в сражении с главой Белого Ордена. Новый клевец как минимум не уступает старому. Покупки обошлись довольно дорого, но Клодия продала один из своих амулетов и с лихвой вернула мне потраченное на работу Горна золото, так что на мель в этот раз я не сел.

Кроме того, на одной из центральных улиц у нас произошла радостная встреча.

Мы втроем как раз возвращались к обеду в гостиницу, когда вокруг закрутился огненно-рыжий мерцающий вихрь, а в следующий миг перед нашими изумленными взорами очутились Айдэн и его тетушка Лайла. Молодой чародей выглядел измотанным, но в его глазах вновь появился интерес к происходящему вокруг.

— Вот видишь, дорогой, твои друзья в полном порядке, — наставительно произнесла волшебница, складывая кружевной зонтик. — Зря ты волновался, — Лайла, улынувшись, обратилась к нам: — Здравствуйте, дети!.

Мы поприветствовали их, очнувшись от первого шока, и быстренько завели в ближайший кабак. Сами понимаете, возникновение из ниоткуда двух людей посреди запертой столицы могло принести немало проблем со стражей. Впрочем, обошлось.

Айден рассказал нам, как все это время под чутким руководством тети отстраивал поместье Фин-Сеалов, укреплял здоровье посредством холодного душа, полезной пищи и пребывания на свежем воздухе. Чародейка кивала в такт его словам, попивая чай. Затем Клодия отвлекла ее каким-то вопросом, а Айден шепотом признался:

— У меня уже три раза выходило нечто вроде сортирной будки на задворках захудалой гостиницы. Тетя не позволяет мне прибегать к магии — только реальные руки и инструменты. Сегодня она разметала очередную халупу, за полминуты возвела дом в первозданном виде и решила навестить вас. Правда, скоро мы улетим готовить бульон для восстановления отца из праха.

Да-а-а, маги... конечно, не такие они люди, чтобы объяснять свои действия, но их логика лично для меня покрыта мраком. Айден с теткой пообедали с нами и исчезли столь же внезапно, как и появились.

Клодия наклонилась к Лайле и прошептала ей на ухо:

— Тетушка, дорогая, мне очень нужна ваша помощь в одном вопросе...

— Да, деточка?

— Я беременна, но не знаю, кто отец ребенка, — еле слышно пролепетала баронесса, покраснев как помидор.

— Вот всегда говорю Айдену: молодежь вечно наворотит дел! Зато под присмотром можно заниматься чем угодно, не подвергая себя и окружающих опасности, — продекламировала Лайла громко и четко, невозмутимо предложив Клодии: — Милочка, тогда тебе необходимо срочно покинуть гнетущее гномье царство. Эта их бородатая стилистика в быту и архитектуре может оказать дурное влияние...

— Пожалуйста, тише! — просипела девушка. — Я не знаю, обрадуется ли ребенку предполагаемый отец...

— Если нет, не стоит на него и время тратить! — понизов голос, прокомментировала волшебница.

Она взглянула на живот баронессы, внимательно обвела присутствующих осуждающим взором, затем досадливо возвела очи к закопченным балкам, покачав головой, и положила ладонь на лоб Клодии, после чего с укоризненной улыбкой шепотом уточнила: «Это король, милая». Девушка побледнела настолько, что мужчины, до сего болтавшие о своем, заметили ее болезненный вид, однако Лайла уверенно объяснила все вредоносной атмосферой подземелья. На прощание тетушка обняла баронессу и напутствовала: «Главное, береги дитя, девочка!»

— *День 28 мая года 1827 от основания великого королевства Арагон.*

Ожидание завершено. Горн Скалброд блестяще справился с заказом — камень идеально входит в паз, — и меч короля окончательно готов к битве с Марджолиной. По крайней мере, в теории. Мы прощаемся с Меригардом. Грустно, но Гвинет даже не проводила нас, ограничившись всего-навсего письмом, переданным через Гилберта. Впрочем, как утверждает юноша, она встретила своего ненаглядного, и они вдвоем бежали из города, опасаясь врагов семьи девицы. Пусть Мистралина улыбнется влюбленным.

Джек уже встречал нас на борту «Быстрее ветра». Из его рассказа стало ясно: диверсия не удалась. Лишь чудом человек-кот не погиб, а смог выбраться из плена и воссоединиться с нашим отрядом.

**

Джек полз уже около часа по ноздри в снегу, иногда отдыхая за редко попадающимися валунами. Он на удивление легко преодолел внешнее патрульное кольцо и сейчас пытался понять, где начинается следующий охранный периметр, когда ему в крестец ткнулось что-то острое. В следующий миг на загривок опустился тяжелый сапог.

— Так-так, я и не знал о существовании подобной разновидности змей, — издевательски произнес чей-то высокий голос, рядом хохотнули еще несколько. — Поднимайся, неудачник! Давай познакомимся!

Человек-кот не заставил себя упрашивать и вскочил, лишь только убрались оружие и нога. Перед ним стояли эйлерийские стражники. Слишком много и чересчур близко от лагеря, чтобы начинать бой.

— Эй, погляди-ка, на человека этот тип не похож. Но и не один из нас, — Джека внимательно рассматривали при

свете небольшого фонаря.

— Если я не похож на вас, это не гарантирует моей принадлежности к людскому племени, — уточнил кот, почесав когтем подбородок.

— Он прав! С такой рожей среди человечков сейчас не покажешься! — встал кто-то на сторону Джека, тот оттянул уголок рта, обнажив клык в ухмылке.

— У костра я бы порассказал всякие истории о своей морде и отношении к гололицым короткоухим выродам, — легко вошел в роль кот, но на его беду в отряде случился очень мнительный командир.

— Конечно, жди! Так мы и приветили тебя у котелка, ну-ка, пошел! — рывкнул темный эльф и огрел Джека древком копья по спине. Не сильно — так, для разгону.

Какой-то доброхот пытался бубнить возражения, мол, «не человек же!», «харю-то его видали?», но заткнулся сразу же после яростного «молчать!». Да, дисциплина в армии нелюдей соблюдалась. Джек, впрочем, не унывал. Зачем? Пока смерть не таращится прямо в глаза, все хорошо.

Его провели между плотными рядами палаток, шатров, древних машин к ставке главнокомандующего, то есть прямо к Царице Бурь. Там как раз проходил военный совет, вернее, военный разброд и шатание, которые Марджолина, откровенно скучая (гнев сменился усталостью — все это уже было), направляла, не допуская драки. Старейшины не желали действовать сообща, даже под давлением авторитета своей Царицы. Однако если пустить все на самотек, нелюди снова проиграют, но теперь к их уничтожению наверняка подойдут не столь халатно. Правда, есть неплохая вероятность — гнев и ненависть приведут ее армию к победе, но ценой полного опустошения Леодара, ценой многих тысяч жизней с обеих сторон. Ох, невыносимо столько знать! Тут приятная неожиданность прервала бестолковые споры: патруль изловил подозрительно знакомую персону. Эстарийка легко вскочила с трона — изначально кресла, выданного из неисправной машины, — и обошла вокруг человека-кота.

— Ты мне напоминаешь ту очаровательную кошечку, которая искала встречи со мной. Только окраска другая, да и одеждой ты не гнушаешься, — Марджоли встала напротив него, сложила руки под обнаженной грудью, выпятив ее почти в лицо Джеку, и прищурилась. — Приятель, да у тебя страсть к военным советам! Точно, я же видела тебя в Аэнаре вместе с Клодией и Арагоном!

В шатре наступила напряженная тишина, которую взорвали

крики, требующие незамедлительной и лютой смерти для лазутчика. Царица подняла ладонь, возмущения стихли до недовольного перешептывания и бульканья.

— Зачем ты сюда пришел? Может, люди опомнились и хотят мира, готовые выполнить наши требования? — сарказм сочился прямо-таки из каждого произнесенного эстарийкой звука.

— Отнюдь, они еще не наигрались в войну, — спокойно заявил Джек. — Ну а мое появление в вашем стане объясняется заурядным любопытством. Мне, как иноземцу, глубоко наплевать на ваши разногласия, но наблюдать их истинное удовольствие. Не буду отрицать, когда я гостил в Аэнаре, я позволил себе дать пару дельных советов государю, впрочем, вам, похоже, нужны те же рекомендации, — кот осмотрел собравшихся, прижмурившись, махнул хвостом и завершил: — Если в уши льется слишком много мнений, вы рискуете не обрести собственного. Если очень часто прислушиваться к желанию толпы, можно забыть свои помыслы.

— И как отреагировал мальчишка? — со смехом уточнила Марджоли.

— Чтобы Арагон XIII внимал, нужно говорить с Клодией. Пока.

— Хитрая bestия! А ты не боишься кары за двойную игру?

— Нет. С моей стороны было бы неприличным так торопиться на свидание со смертью, я жаждал встретиться с вами. Но если Царице, — тут Джек поклонился, — надоело скромное общество человека-кота, я откланяюсь.

Ему позволили дойти аж до входного порога, настолько старейшины были ошеломлены услышанным разговором и наглостью пришельца, а Марджолина задумчиво следила за ним, но ничего не предпринимала, пока рука Джека не откинула полотно.

— Неприлично уходить слишком быстро. В гостях так не принято! — фраза прозвучала как приказ, Джека схватили и вернули в шатер, эстарийка прошептала ему в лицо: — Такого умника лучше держать при себе! Крогг, ты все равно безвылазно сидишь у меня, этот чудик составит тебе компанию, — весело крикнула Царица в сторону каменистого холма, обосновавшегося в дальнем углу.

Джек и охнуть бы не успел, если б даже захотел. На его ногу замкнулось металлическое кольцо, от которого шла длинная цепь, другой конец ее Марджолина бросила в бугор. Тут шерсть на загривке кота встала дыбом — от нагромождения камней отделилась лапища и схватила цепочку, потом в холме зажглись два красных огонька, разверзлась громадная щель, и раздался

довольный рокот.

— Рекомендую тебе не злить царя троллей, котик. Засим оставляю вас наедине, — эстарийка вылетела из шатра, за ней последовали старейшины, а Джек устался на своего тюремщика.

— Итак, царь? — иронично спросил кот, усаживаясь поудобнее напротив холма на максимальном расстоянии, которое позволяла цепь. — А заправляет делами особа женского пола не каменнокожего происхождения? Печально, но предсказуемо.

Крогг ухнул. Джек не был уверен в его разумности и способности вести диалог, но, получив хотя бы подобную реакцию, решил продолжить. У него в запасе имелась вся мудрость кошачьих шаманов, его Учителя и еще много других ее разновидностей, а до встречи с друзьями оставалось четыре дня. Единственное, что удручало, — вполне реальная возможность быть съеденным во сне.

— Главное, не задремать от собственной болтовни, — дал себе установку человек-кот, потом коротко зыркнул на тролля и ободряюще добавил: — Зато не придется заботиться о приличном погребении! Могильный холм уже есть, о надежности закапывания в него и беспокоиться не стоит.

— Любезный Крогг, а знакомы ли вы с замечательным высказыванием Учителя по поводу неподвижности скал?.. — в таком духе начался этот долгий монолог.

Джек повествовал о центре покорности, существующем у слабых рас в области основания черепа («надеюсь, тролли не относятся к такому виду, иначе получается — Царица и ее раб»), о точке равновесия Вселенной, о методах обучения молодых послушников приему «Холодная голова», о преимуществах гибкой костно-мышечной основы тела против каменно-почвенной... Бугор изредка рокотал, алые искры вспыхивали, но не больше. Джек уже исследовал шатер вдоль и поперек, теперь он сидел боком к Кроггу за опорным столбом, вокруг которого цепь делала полный оборот, — кот очень устал, глаза слипались, а вкопанное бревно выглядело прочным гарантом его безопасности.

— Пожалуй, мне стоит подробнее остановиться на обычаях того удивительного народа. Обряд инициации у них крайне интересный: мальчик, претендующий на звание мужчины, должен успешно совокупиться с матерью землей. Успешно — значит...

Кот не успел договорить, холм с диким ревом начал расти (царь троллей возлежал в шатре, на треть провалившись в грунт), прорвал потолочный занавес. Столб не защитил Джека, напротив — едва не прибил, когда цепь перерезала его

у подножия.

— Никто не смеет сношать мою мать, паскудыш! Arrrgx!

Около получаса тролль гонял кота по всему шатру (естественно, никто не пожелал вмешаться, резонно опасаясь за собственную шкуру). Джек стал явственно ощущать в себе задатки человека-паука и человека-змеи, когда гранитный кулак монстра начал вращаться, наматывая цепь. Кота неотвратимо потянуло к распахнувшейся пасти, но у самых зубов чудовища движение прекратилось. Крогг сел, лениво покручивая кусок цепи с Джеком. «От круговорота меня в природе голова идет кругом», — мелькнула у того расплывчатая мысль.

— Я вот думаю, мелюзга, — пророкотал исполин и надолго замолчал. Кот продолжал вертеться в воздухе. Наконец фраза получила завершение, — как бы тебя прикончить. И способ, который я выбрал, безусловно, развлечет тебя. Это будет достойной платой за твои жалкие насмешки.

Царь троллей поднялся и направился прочь из лагеря. Джек висел, мерно покачиваясь, головой вниз, соображая, от чего он быстрее сдохнет — от своего нынешнего положения (Учитель упоминал о таком виде казни — подвешивании ногами вверх) или от неведомой выдумки Крогга. Но когда великан остановился на краю пропасти, принявшись опять раскручивать цепь, вытравив ее из кулака на полную длину, кот готов был расплакаться и рассмеяться одновременно: теперь у него появился отличный шанс выжить.

Тролль отпустил свой конец привязи, упер лапы в колени и захохотал:

— Расскажи мне теперь о своем учителе и центре покорности!

Полет был долгим, чудище внимательно следило за пущенным снарядам, безмерно довольное собой, но вдруг...

Джек устремился головой вперед через ущелье: камни, камни, острые скалы, сугроб!

Снег залепил глаза, набился в уши, за пазуху и в штаны, но в эту минуту кот обожал снег. Он вылез из спасительной холодной мягкой подушки, нашел взором Крогга, залихватски свистнул и заорал:

— Я зайду еще в гости! Беседовать с тобой одно удовольствие!

Можно не торопиться: вряд ли отряд уже вернулся на «Быстрее ветра». Джек довольно почесал за ухом — он опять успел вовремя.

**

Лететь до Золотых Полей меньше суток. Вероятно, это наши

последние часы жизни. Завтра мы сделаем все от нас зависящее, чтобы предотвратить новую войну. А коли не выйдет — умрем сражаясь. И только сэр Джон лишен такой возможности. Доставив нас на место, галеон не вступит в битву. В случае провала мирной миссии должен остаться жив хоть один человек, знающий, как победить Царицу Бурь, и способный организовать оборону. Или убедить людей подчиниться требованию Марджолины... Тяжелая ноша досталась бывшему магистру Белого Ордена, но, пожалуй, он единственный сумеет ее вынести. Помимо того, пикси запретила Лексиз и Татхи («своим питомчикам», как называет их фея) сопровождать нас, обоснованно полагая, что на борту корабля безопаснее, чем внизу, между войсками. Ящер не спорил с Сиилин, заметив лишь — это не его война. А вот драконица устроила грандиозный скандал, не желая отсиживаться в тылу. В итоге пикси пригрозила девушке вернуть ее обратно в лес, и Лекси отступила, оскорбленно ворча. Оно и понятно — сама-то фея ничего пропускать не собиралась, почитая свою роль в завтрашней авантюре едва ли не важнейшей. К сожалению, в ее уверенности есть львиная доля правоты.

Утром нам предстоит встреча с командным составом объединенной армии людей. Клодия полагает, вояки как минимум не воспротивятся, если какая-то сумасшедшая немного поболтает с Царицей Бурь. Арагон же уверяет: без применения силы в совете не обойдется и заранее сжимает кулаки, предвкушая, с каким удовольствием поставит на место всех этих напыщенных дворян. Посмотрим.

— День 30 мая года 1827 от основания великого королевства Арагон.

— Пока одни ждут чудес, другие их совершают.

Ингрид Фин-Сеал, ведьма.

Великий день. День войны, день мира, день грусти, день чуда, день надежды. День, когда баронесса Клодия фон Штейн положила конец вражде, длившейся две тысячи лет, а последняя из рода демиургов покинула этот мир. Моему перу не под силу в должной мере описать то, свидетелем чего мне довелось стать. Слава богам, Эвистрайя и еще несколько элион-эя были здесь, они смогут пронести песнь о случившемся через века.

Интерлюдия 12.

Новая надежда

Свинцовые тучи нависли над головой, обещая непогоду или даже бурю. Здесь, в высокогорье, лето еще не вступило в свои права. Клодия видела узенькую зеленеющую полосу Кадэна, начинающиеся за ней Серые Земли, пустынные и жаркие, но тут, в Золотых Полях, все еще лежал льдистый, напоминающий крупу снег. Ноги девушки утопали в нем, перемешанном с мелким пепельно-желтым песком. Если всего, что сделала и намеревалась сделать Клодия, окажется недостаточно, ее тело, тела всех ее друзей и еще многих, многих людей и нелюдей найдут в этом мерзком холодном месиве свое последнее упокоение. Баронесса крепче сжала в кулаке древко арагонского вымпела, еще раз обернувшись на доверившихся ей сотатников.

Вот они все. Барон де Монте, закованный в волшебный доспех, неоднократно спасавший ему жизнь, но — Клодия точно знала — бессильный против ужасного оружия древних. Тил Пам, скользящий наивно-восторженным взглядом по рядам нелюдей, строящихся в боевые порядки. Скучающий Джек, хитро прищуривший свои кошачьи глазки. Нервно помахивающая хвостом Фессаха. Эвистрайя, как изваяние застывшая по левую руку от баронессы. На плече эльфийки устроилась Сиилин, с любопытством ковыряющая одну из труб элиона, пока не заметила хозяйка. Арагон XIII, расслабленно поигрывающий рукоятью «Убийцы Богов», пытающийся скрыть свое волнение за напускной бравадой... и Гилберт. Лицо его не выражало никаких эмоций: он точно надел маску прежнего кроткого, почтительного и прямодушного Гилберта поверх чего-то ужасного. Правая рука молодого человека скрывалась в складках плаща, левая же покоилась на ремне пустой перевязи, лишь иногда еле заметно вздрагивая, точно он смирал в себе какой-то порыв. Несмотря на высказанные им ранее многочисленные призывы не тратить времени на глупые переговоры с врагами, сразу вступить с ними в бой, сюда Гилберт явился безоружным — ни меча, ни доспехов.

Клодия еще мгновение рассматривала ставшего абсолютно чужим любимого когда-то мужчину, затем перевела взгляд на процессию, выдвинувшуюся навстречу отряду.

К ним приближалась одна из машин нелюдей. Гладкий корпус, изогнутые, лишённые углов обводы — механизм напоминал металлическое веретено. Артефакт бесшумно плыл

над землей под действием неведомых сил. Впрочем, когда штукавина приблизилась, Клодия услышала негромкий дребезжащий звук и увидела, что «веретено» висит в воздухе не совсем ровно. Неисправность, хоть и небольшая, успокаивала.

На матово поблескивающем корпусе, вобравшем в себя хмурые оттенки неба, стояла Царица Бурь. Ее высокомерный взор обжигал холодом, но в нем читалась и вполне человеческая грусть. Рядом с «колесницей» Марджолины двигалось еще десятка два фигур. Старейшины эйрайских и эйлерийских кланов вместе со своими элион-эйя, сухонький древний гоблин-шаман, старик-огр, увешанный амулетами, тяжело опирающийся на посох толщиной с фонарный столб, и... Клодия затруднялась сказать, что это такое. Существо — наверное, все же существо — походило на громадный каменистый холм. Кое-где на нем курчавился мох, в шкуру вросли острые камни, или, наоборот, именно они и были шкурой. На уровне шести-семи метров над землей в холме пульсировали красным две искры — очевидно, глаза твари. Впрочем, Джек, задиристо помахав своему незадачливому тюремщику рукой, прояснил ситуацию: то был легендарный Крогг, царь троллей.

Клодия приветствовала Марджолину, выступив вперед. Та ответила. Ее слова тяжелыми мертвенно-холодными льдинками упали в тишину. Повисло тягостное молчание. Взгляды стоящих друг напротив друга существ скрестились, точно клинки. Медлить было нельзя.

— Мы не враги друг другу! — страх и неуверенность как рукой сняло, едва Клодия произнесла первое слово. — Наши боги, наши предки принесли себя в жертву не для того, чтобы их потомки убивали друг друга. Вспомните все, сделанное ими для нас!

И Эвистрайя начала играть, наполняя сознание слушателей видениями удивительного прошлого. Золотой Век разворачивался перед мысленными взорами в своем легендарном великолепии. Внезапно один из эйрайских элион-эйя из свиты Царицы Бурь вплел в мелодию Эвистрайи собственный мотив, спустя мгновение уже не осталось других звуков, кроме музыки десятков элионов и голоса Клодии.

Угрюмое небо над горным плато исчезло, наполнившись сиянием прекрасных городов, в которых жили древние боги. Сверкающие ладьи бесшумно проносились в звездном океане. Мир был безграничен и молод.

Но вот окуталась кровавым пламенем одна твердыня, другая, третья... Из тьмы за гранью покрытой звездами сферы показались чудовища. Огромные, могучие, лишённые всякого сходства

с любым известным существом, Фин-Да-Йа бросали в свои разъявленные ненасытные пасти тела богов, их ажурные башни и лодки, пожирая целые созвездия. Вышедшие с другого края неба гиганты Дра-Уг-Ла напоминали людей. Их удлинённые, неправдоподобно тонкие конечности были заключены в могучие доспехи. И если с одной стороны приходилось противостоять дикой, неукротимой, пылающей ярости черных демонов, то с другой богов разил холодный расчетливый ум звездных великанов.

Небосклон полыхал, города рушились, в огне метались вопящие от ужаса тени, светила гасли одно за другим. Казалось, мироздание обречено.

Вдруг небесная сфера очистилась. Аспидная пустота заполнилась яркими разгорающимися точками. Боги собрали целый флот, чтобы раз и навсегда одолеть зло. Расшитые гербами паруса величественно раздувались под напором звездного ветра, льдистый свет мерцал на остриях копий ратников. Демоны и великаны спешно строились в боевые порядки. Внизу, в еще не тронутом тогда цепкой дланью войны мире, миллионы людей и нелюдей с надеждой подняли взоры.

И грянула великая битва. С отчаянием обреченных демиурги громили врагов, присоединившиеся к сражению смертные бились наравне с ними. Дрогнув, обратились в бегство драугларские исполины, а визжащие полчища финдианцев были истреблены.

Из пламени, дыма, обломков кораблей восставали лики божеств, знакомые всякому, кем бы он ни был. В печальных взорах теплилась вера в то, что их жертвы оказались не напрасны.

— Они отдали все ради нас! — взывала Клодия. — А мы разрушаем Леодар, ослепленные ненавистью! Хотим втоптать своих детей в пыль, не дав им даже родиться!

Девушка закрыла глаза, позволив себе сделать крохотную паузу, и грустно договорила:

— Неужели мы вновь поднимем друг на друга клинки?!

Ее вдохновенная речь, сопровождаемая игрой элион-эйя, завершилась этим вопросом, который впился в сердца, сбил со слушателей наваждение музыки.

По щеке Марджолины скатилась слеза. Старейшины застыли в раздумьях, поникнув головами. Только алеющие глаза царя троллей все также злобно сверкали во мраке каменных глазниц.

— Я верю тебе, дитя, — мягко проронила Марджоли. — Теперь докажи, что ты веришь мне.

Взор Царицы Бурь остановился на артинском свистке, висящем на шее Клодии. Та, поколебавшись несколько минут, сняла цепочку и протянула артефакт эстарийке.

Сиилин напряженно вытянулась в струнку, ее крылышки чуть дрожали, готовясь потянуться в резвости с солнечным лучом, мыслью или падающей звездой.

Гилберт закрыл за Клодией дверь каюты и вновь опустился на колени перед алтарем. Маленький лучемер, напоминающий формой кастет, достался Гилберту в качестве трофея после победы над магистром Гленном. Вещица совсем не выглядела опасной. Но юноша доподлинно знал: эта блестящая игрушка таит в себе разрушительную мощь, способную сокрушить гору. Значит, Царице Бурь тоже должно хватить... если удастся заполучить огненный камень.

Устройство механизма поражало простотой — даже ребенок разобрался бы в нем. А Гилберт и без того хорошо представлял, как пользоваться лучемером: в родовом замке Эйнхандеров хранился точно такой же. Тот, конечно, не работал, будучи в гораздо худшем состоянии, но отец не раз объяснял любопытному мальчугану принцип действия реликвии, согласно семейной легенде, принесенной первым из Эйнхандеров с небес.

— Александр, направь мою руку, — бормотал Гилберт, склонившись у алтаря, — помоги мне сразить чудовище, защити меня от недругов...

Никто, кроме безвестного оруженосца, не мог теперь спасти Леодар. Король с бароном боялись Царицы Бурь. Гилберт явственно чувствовал их страх, который один прятал за напускной бравадой, а другой — за постыдными речами о союзе с нелюдьми. На Сореала юноша еще пару месяцев назад смотрел как на полубога, однако тот до сих пор ни разу не сразился с достойным противником, испытывая позорное наслаждение от легких побед. При этом барон, несомненно, считал себя великим воином. Арагон же оказался избалованным напыщенным юнцом, лишенным понятий чести и долга, допускающим такое унижение, как переговоры с нелюдьми. Мужчины должны сражаться и побеждать, о мире пусть помышляют женщины. Впрочем, ни одна женщина, будь она в своем уме, не пожелала бы мира с тварями, поедающими человечью плоть и растягивающими людскую кожу на кольях.

Гилберт исчерпал разумные доводы в спорах со своими бывшими друзьями; все, что у него теперь оставалось, — надежда на твердость руки и остроту глаза.

— Он работает подмастерьем у Гортонна Донгвера,

знаменитого на весь Эрбек ювелира, — Гвинет робко обратилась к молодому человеку. — Если бы вы передали Дольфу весточку от меня... Мне кажется, вам известно, что такое настоящая любовь, поэтому я и прошу вас об одолжении... — дварфийка умильно мигнула большими фиалковыми глазами.

Такого шанса юноша упустить не мог. Обаятельно, как он умел, улыбнувшись, Гилберт уверил девуцу в своей согласии.

Искомый подмастерье оказался некрасивым типом с жидкой бородой, свернутым на сторону носом-картошкой и обширными, несмотря на молодость, залысинами. При одном только взгляде на него Гилберт понял — с этой стороны проблем не возникнет. Не смущаясь, юноша соврал, будто это он, тронутый печальной историей Гвинет, выкупил ее у аэнарских работаровцев и сопровождал в Меригард. Записка дварфийки, заблаговременно умело дополненная Гилбертом, увлекавшимся каллиграфией, во всем подкрепляла его слова. И, наблюдая за тем, как расцветает на лице Дольфа робкая улыбка, услышав поток сбивчивых благодарностей, оруженосец рассказал ошастливленному простачку, что вынужден, в свою очередь, испрашивать у него помощи. Гилберт, несмотря на стесненность в средствах, предложил даже заплатить за услугу, понимая, как эти деньги пригодились бы влюбленной парочке и, следовательно, увеличили бы усердие Дольфа. Гном, признательный самоотверженному юноше, не раздумывая согласился добыть огненный камень (вернее всего, украсть у мастера) и завершить работу за пять дней. Оруженосец заранее позаботился о том, чтобы позаимствовать у Арагона, не особенно-то следившего за «Убийцей Богов», образец — благо гнезда для камней во всем древнем оружии были единообразны, — и вручил кристалл Дольфу. Теперь следовало решить проблему пресловутых средств.

С нагрудником и щитом отца Гилберт расстался с затаенной душевной болью, а вот меч, подаренный бароном, продал даже не торгуясь. Вырученная солидная сумма в платине предназначалась для оплаты работы Дольфа и покупки набора зелий, повышающих скорость и точность движений.

Как и во всем Эрбеке, меригардские магазины предлагали волшебные предметы и снадобья по бессовестно завышенным ценам, но Гилберт не скупился. После уничтожения Царицы Бурь деньги ему не понадобятся. О том, как он примет смерть на горе из трупов поверженных врагов, сложат песни по всему Леодару, Клодия горько пожалеет, что отвергла его... но будет слишком поздно. Впрочем, Гилберт практически рассчитывал на исход, в котором он выживает, покрыв себя славой, спасает Клодию

и доходчиво втолковывает ей, насколько нелепа идея дружбы с нелюдями. В этом случае деньги тоже не понадобятся — трофеи, полученные в бою, позволят Гилберту выкупить родовые земли и безбедно жить до преклонных лет.

Правда, некоторое беспокойство у молодого человека вызывал Тил. Тот слишком уж подозрительно, словно о чем-то догадываясь, поглядывал на Гилберта за общим столом, сталкиваясь случайно в гостиничном коридоре или во дворе у импровизированного тренировочного манекена. Да, Тил всего лишь туповатый деревенский увалень, но и он мог создать проблемы. Возможно, стоило бы его прикончить, однако подобное происшествие могло наделать много шума, да и боец, надо признать, Тил отменный. Это все усложняло. К счастью, в толпе гномов здоровяка было очень легко заметить, и Гилберт без труда избегал ненужных встреч на улицах города.

**

В самый последний момент план чуть не рухнул.

Гилберт поместил огненный камень в гнездо на рукоятке лучемета (гном прекрасно справился с работой) и вдруг заметил приближающихся барона, Клодию и Тила. Судя по всему, он тревожился не зря, и «друзья» следили за ним. Наверное, здоровяк поделился своими подозрениями с остальными.

Встречу с Дольфом назначили в конце безлюдной кривой улочки, уходившей в лабиринт каменного леса к тайному выходу из дварфийской столицы. Прямо скажем, до следующего утра, когда отряд готовился покинуть Меригард, этой троице здесь нечего было делать. Гилберт зло сощурился, прикидывая варианты отступления. О его сделке с Дольфом никому не следовало знать. Гвинет, тоже заметив знакомые лица, сбивчиво забормотала какую-то ерунду, желая попрощаться и поблагодарить своих спасителей и отдать записку для феи. Гилберт призвал все свое самообладание и, вместо того чтобы врезать пустоголовой нелюди, шепнул Дольфу: «Бегите! Работоторговцы выследили нас! Не волнуйся, я их задержу!» Гном без лишних слов коротко кивнул, схватил оторопело хлопающую ресницами подругу за руку и затерялся среди камней. Даже Клодии на ее метле не удалось настигнуть парочку среди подгорных «зарослей».

Но придрататься к Гилберту даже после этой встречи никто не мог. «Друзьям» пришлось поверить байке про Гвинет, которая приняла их издалека за дварфийскую стражу, испугалась и бежала со своим ненаглядным.

**

В данный момент Клодия совершала очередную женскую глупость — отдавала артинский свисток залятому врагу. Гилберт аккуратно переместил скрытую плащом руку с лучеметом. Волшебное зелье разлилось по его телу, обострив чувства до предела. Он был уверен — выстрел достигнет цели, не задев белобрысую дурочку. Палец мягко надавил на кнопку, активирующую оружие, и пульсирующий фиолетово-красным голодный луч рванулся к своей жертве.

**

Тил не сомневался — оруженосец что-то прячет под плащом. Но что? Клодия просила присматривать за ним, опасаясь каких-то неожиданных выходов, однако ничего определенного не сказала. Честному и открытому деревенскому парню претили тайные игры леди Клодии с мужчинами, свидетелем которых он порой становился, заметив то ласковую улыбку девицы, адресованную Гилберту, то пылкий мимолетный поцелуй, подаренный королю, то нежное рукопожатие с Джоном. Но раскрывать ее секреты Тилберт не спешил, быстро сообразив, что баронесса все запутала не из коварного умысла. Ох, эти глупые девчонки, везде одинаковые — и в избе, и во дворце!

С детских лет Тил был наблюдателен и рассудителен не по годам. Это заменяло ему десятки прочитанных книг вкупе с практическим опытом. Не отрывая взгляда от медленно поднимающейся руки Гилберта, Тил размышлял. Плащ скрывал, скорее всего, оружие. Не меч — предмет был явно маленький, к тому же остальные держали клинки на виду. Арбалет вряд ли повредил бы могучему божеству, ведь из него иной раз не убьешь и волка.

Внезапно все встало на свои места. Конечно же! Оруженосец прятал ксандрийский громобой! Тил хорошо запомнил те вылазки во время осады Аэнара, в которых успел поучаствовать. Эта небольшая, но чрезвычайно смертоносная штука легко пробивала доспех, нанося страшные раны.

Если Гилберт сейчас выстрелит, то Царица Бурь, может, и не погибнет, но переговоры тут же превратятся в резню. Тил с отчаянием озирался, ища поддержки у своих более ловких, опытных и умных товарищей, но кто-то еще находился под влиянием эльфийской чарующей музыки, а кто-то напряженно следил за Клодией, протягивая артинский свисток Марджолине. Времени не оставалось. Надеяться приходилось только на собственные силы. Тил стремительно бросился к Гилберту и вздернул его правую руку к небесам. Судя по хрусту,

он немного не соразмерил силы, как минимум вывихнув оруженосцу плечо. Вспыхнул плащ, запахло паленым, волшебный луч ушел в мрачное серое небо. Озадаченно хмыкнув, Тил крепче сжал юношу в своих медвежьих объятиях.

**

Вопль ярости и неподдельной ненависти прорезал торжественную тишину. Все взоры устремились на Гилберта, извивающегося в руках Тила. Клодия переглянулась с Царицей Бурь. Марджолина едва заметно кивнула, и свисток с жалобным скрежетом смялся в ее кулаке, превратившись в бесполезную железку. Эстарийка расправила плечи и обозрела пепельные просторы. Глаза ее хитро сощурились.

— Ты даже не представляешь, какое это искушение, — прочла Клодия по ее губам, — но нет.

— Не после того, как мальчишка чуть не прикончил меня... всех нас, — произнесла Царица Бурь уже громче. — Эра богов подошла к концу, — могучий, мелодичный голос набирал силу, — настало ваше время бороться, страдать, ненавидеть, любить. И принимать решения, верные или нет. Эта девочка, — она указала на Клодию, — права. Мне здесь больше не место. Но прежде чем уйти, я принесу вам дар, достойный сестры богини жизни!

Эстарийка заливисто расхохоталась, закружилась, словно маленький ребенок, обрадовавшийся летнему дождю, и соскочила со своей «колесницы».

А потом Царица Бурь начала расти. Она тянулась к облакам, постепенно теряя антропоморфные очертания, сквозь ее фигуру просвечивали горные вершины. Эльфийские старейшины и элион-эя пали ниц. Эвистрайя, благоговейно воскликнув малопонятные слова «мана-аватар», последовала их примеру. Гоблин и огр почтительно склонились.

Наконец, коснувшись облаков лучистой сферой, заменявшей теперь ей голову, Марджолина гулко вздохнула. Поднявшийся ветер закружил вихри снежной крупы, с шорохом бросив ее в щиты первых рядов войск, взметнул одеяния и стяги, запутался в волосах... Полупрозрачный великан распался на мириады ярких голубоватых нитей, каскадом рассыпавшихся вокруг. Часть из них устремилась к Клодии, пронизав ее, заключив в сияющий кокон.

— Теперь у тебя есть сила! — прошептала Марджолина в сознании девушки. — Сила оправдывать или судить — как тебе будет угодно. Леодар остается в надежных руках. Я могу уйти с легким сердцем.

— Смотрите! Пустыня! Она... — остроглазый Тил увидел

чудо первым.

Тучи, нависавшие над полем битвы, разошлись. Чистое, залитое солнечным светом небо заботливо обняло плато. Внизу, за границей кадэнских рощ и лугов, Серые Земли исторгали из себя ростки молодых деревьев, стремительно рвущиеся ввысь. Теперь горизонт терялся не в болезненном перламутровом мареве, дрожащем над древней пустыней, а в нежно-зеленой дымке будущих лесов.

Клодия почувствовала, как что-то щекочет ее голень. Из безжизненной почвы Золотых Полей, так же покрывшейся нежным изумрудным пушком травы, выстреливали навстречу солнцу клейкие бутоны, с тихим хлопаньем распускаясь в золотистые шары из лепестков. Это действительно был дар, достойный богини.

Последние отблески чуда, рожденные волей ушедшего божества, погасли. Казалось, на землю снизошел долгожданный покой. Армия нелюдей, точно подчиняясь неслышному зову, разбрелась, стремясь к новой расцветающей стране. Однако не всех устраивал подобный исход.

Гилберт рыдал, оставленный Тилом там же, царапая ожившую почву здоровой рукой. У него украли подвиг, украли женщину, украли честь и цель жизни. Сквозь застилавшие глаза слезы он не заметил подошедшую к нему Клодию.

— Гилберт, твоя боль порастет травой, душа возродится, только позволь ей это сделать, — тихо промолвила баронесса, пытаясь помочь юноше встать. Тот отшатнулся, с ненавистью взглянув ей в лицо. — Прошу...

Клодия хотела еще что-то добавить, но в этот момент раздался оглушительный рев и лязг металла прямо над ее головой. Девушку обдало мелкой каменной крошкой и кусочками мха. Барон Сореал с трудом отразил удар каменной лапы царя троллей. Монстр явно не проникся всеобщим настроением. Разметав остальных старейшин, как кегли, он рванулся в атаку, избрав своей целью ту, кому, по прихоти Царицы Бурь, перешли власть и сила. Впрочем, эти жалкие огрызки эстарийского могущества не спасут малявку от крогговой ярости!

В хаосе начавшегося боя Гилберт отполз в сторону, прижимая к себе вывихнутую руку, поднялся на ноги и побежал, не разбирая дороги, прочь от позора.

Откуда в моем оруженосце накопилось столько злости? Он

обозвал нас всех трусами, которые лишили его славы и предали человечество. Печально, но в его заблуждении есть и моя вина. Я не донес до юноши, что долг рыцаря не отнимать жизнь, а защищать ее. Подвиг не всегда связан с битвой, и порой свершается не оружием.

Про любовь я вообще мало мог поведать Гилберту. Сказать, я ожидал подобного? Но здесь мальчик поразил меня, сжигаемый изнутри страстью такой силы, которую, боюсь, не удалось бы укротить никому. И, видно, не удастся. Лишь ответное чувство баронессы, ее согласие на брак стали бы достойной оправой для любви Гилберта. Хотя я даже не хочу представлять себе ситуацию, в которой Клодия совершила бы над собой насилие ради успокоения вулкана в душе юного оруженосца. Скорее всего, их жизнь закончилась бы трагично и нелепо.

Впрочем, теперь уже поздно обдумывать ошибки. Окончательно лишившись надежды стать героем и завоевать тем самым сердце белокурой красавицы, Гилберт убрел с поля несостоявшегося сражения. Любовь — вполне подходящий повод потерять голову и пустить свою жизнь с молотка.

Кто знает, встретимся ли мы еще?

Крогг, царь троллей, был ровесником этого мира. Он видел многое, помнил многое, а еще больше забыл.

Крогг признавал лишь силу. Удивительные, сотворенные из иных материй, нежели камень и лава, эстари пугали его — их мощь вызвала боязливое уважение. Но теперь, когда последняя из Старших, Царица Бурь, исчезла, растворившись в воздухе, Крогг снова стал сам себе хозяином. И хотел он одного — убивать.

Попади удар в цель, от девушки не осталось бы и следа. В последний миг путь ему преградило лезвие меча. Встретившись с камнем, сталь зазвенела, но клинок выдержал. Рассвирепевший монстр ударил второй лапой, на сей раз выбрав мишенью закованную в металл фигуру. Барон де Монте отпрянул, пропуская гранитный кулак мимо себя. Глыба с грохотом врезалась в землю, взметнув вверх комья земли в венчиках изумрудных травинок.

Клодия в изумлении застыла на месте, похоже, не осознавая, что произошло, все еще протягивая руку рыдающему Гилберту. В следующий миг Арагон уже подхватил ее за талию, унося подальше от взбесившейся твари. Джек с Тилбертом прикрыли стремительное отступление, одновременно набросившись на противника. Клевец Тила вышиб из бока гиганта сноп ярких

искр, а луч-клинок в руках кота мелькал сияющим колесом перед мордой тролля, отвлекая того.

Сейчас башка исполина, смахивающая на замшелый валун, нависала над бароном. Сореал попытался достать до красного глаза острием меча, но Кругг, страшно лязгнув зубами, рванул оружие, откинув и его, и самого рыцаря в сторону. Правда, глаз ему спасти все равно не удалось. Фессаха, защищая своего хозяина, вспрыгнула монстру на плечо, с воинственным мяуканьем полоснула когтями, затем в ход пошли зубы. Око лопнуло, и из опустевшей глазницы хлынула маслянистая черная жидкость. Хищница взвизгнула, видимо, обжегшись, попятилась, споткнулась и заскользила по каменной шкуре Кругга. Огромная ручища подхватила кошку за ногу. Тролль оглушительно ревел, в этом вое боль мешалась с ненавистью. Фессаха извивалась, стараясь выбраться из гранитного кулака, царапалась, кусалась, но, конечно, безрезультатно. Пальцы чудища сжались еще сильнее.

— Помогите Фессахе! — крикнул Сореал.

Тилберт кинулся на зов, но отлетел назад от удара троллиной ладони, по счастью, лишь слегка задевшей его.

Барон поднялся и вытянул из ножен за спиной запасное оружие. Оно не имело волшебной силы, в отличие от клинка, лежавшего сейчас в нескольких десятках метров в траве. Не стоило и надеяться перерубить им длань, удерживающую кошку. Тем не менее Сореал рванулся в бой. Вокруг тролля продолжал скакать Джек. Колдовской меч превосходно справлялся с камнем, но монстр даже не замечал, что его пилоноподобные ножищи обтесывают. А врубиться глубже в «плоть» Кругга мешал не прекращающийся град осколков, льющаяся из глазницы жижа и, разумеется, яростные атаки твари. О какой победе может идти речь, если постоянно нужно уворачиваться от лап, грозящих наступить, смять, ударить? Джек раздраженно фыркнул и уцепился за пролетающий над головой корень какого-то растения, застрявшего в локте тролля. Наверху уж точно представится шанс либо окончательно ослепить царя, либо освободить глупую женщину.

Горящие лучи пронзили лапу тролля одновременно в двух местах: человек-кот, забравшись на холку Круггу, рубанул в плечо, а подоспевший король, дождавшись, когда кулак с Фессахой врежется в землю рядом с ним, рассек «запястье» тролля. Рука, отделившись от тела, тут же превратилась в груды ничем не скрепленных булыжников, и Фессаху погребло под завалом. Арагон, отправив в адрес Джека пару крепких словечек, успел отскочить.

Де Монте, наконец, присоединился к друзьям. Крогг тут же предпринял попытку откусить ему голову, но промахнулся, и клинок барона проткнул второй глаз чудища, вырвав его на выходном движении. Пузырящаяся жидкость потекла вниз — доспехи Сореала покрылись глянцевыми исчерна-бурыми пятнами. Джек воткнул меч в основание крогговой шеи, норовя лишить тварь головы, однако потерял равновесие и скатился на землю. Прямо под яростно топочущие ноги тролля...

Арагон тотчас ринулся спасать невезучего кота. Сореал, невзирая на опасность, принялся вызволять Фессаху.

Царь троллей чувствовал, как возвращается зрение, — булькающий сгусток земляного масла в голове стремительно формировал новые глаза. Обрубок руки чесался — уже через несколько мгновений конечность окажется на месте. Столь жалким оружием Крогга можно было, при известной удаче, вывести из строя на пару минут, но не убить.

Скоро мелюзга поймет, кого стоило бы страшиться в этом мире по-настоящему, кто будет править ими всеми.

Хотя к знакомым понятным ощущениям, сопровождавшим обновление тела, примешивалось что-то еще. Но Крогг стряхнул с себя нерешительность, на миг овладевшую им, и занес ножищу над крошечными фигурками Джека и Арагона.

Рев троллиного царя, многожды повторенный раскатами эха, оглушал. Но вот он стал походить на стон, потом — на вздох. Страшилище застыло, из трещин в его каменной коже выбились ростки неведомого растения. Исполин превращался в обычный холм.

— Усни! — разнесся над Золотыми Полями повелительный шепот.

— Клодия, мне срочно нужна твоя помощь! — закричал барон, осторожно высвободив израненную кошку из заваливших ее камней.

— Вас вообще нельзя ни на секундочку оставить? — раздался ехидный вопрос Сиилин. — Только я решила глянуть хоть одним глазком на все эти штуковины, которые понатащили сюда для завоевания Леодара, а вы уже лужок испохабили!

— День 1 июня года 1827 от основания великого королевства Арагон.

Мир и покой воцарились в Леодаре, а мы отправляемся в Аэнар для участия в торжествах в честь окончания войны. Лишь бы празднество не затянулось надолго, как-никак, теперь я могу, наконец, отправиться в пустыню, разыскать «упавшую звезду» и вернуть прежнего себя.

Радость от победы омрачает глупая выходка Гилберта, но, как бы то ни было, тропы, сплетающие наш Путь, выбираем мы.

Надеюсь, он все же отыщет свое счастье. А если верить Эвистрайе, оно найдет его само.

— *Конец одной истории — начало для другой.*

Розалина фон Штейн, бардесса.

«Быстрее ветра» нес победителей в столицу. На борту царила радостная атмосфера, а Клодия не находила себе места.

Ее угнетало чувство вины за произошедшее с Гилбертом, страшило предстоящее признание Арагону, что она носит его дитя, а ведь потом еще последует отказ Джону. Кроме того, уже вставали перед глазами грядущие масштабные проблемы, вызванные неожиданным успехом переговоров с нелюдями, шатким перемирием с Ксандрией, халатным правлением последних арагонских государей. Да, баронесса уже не могла отрешиться от королевских дел. Хотя, возможно, Арагон XIII предпочтет предложить ей лишь роль очередной фаворитки?

Некоторое время Клодия стояла перед зеркалом, изучая себя. Она изменилась: меж бровей залегла легкая складка, совершенно исчезла детская мягкость в чертах лица, изгибы тела стали чуть резче из-за проступивших мышц, кожа непривычно загорела (Фредерику нравилась жемчужная бледность его одалисок). Живот? Нет, он еще был идеален. Но сейчас все это ни к чему! Девушка надела единственный уцелевший во всех перипетиях наряд (помимо походного) — строгое официальное черное платье, расшитое серебром, — и забрала волосы в тугую косу.

И все-таки, в первую очередь — к графу Оллгуду. Она не могла себе позволить даже мысли о постыдной лазейке. Пойди она сначала к Арагону, получилось бы, что Джон всегда был для нее запасным вариантом. Клодия раздраженно мотнула головой, отгоняя непрощенные идеи. Рыцарь узнает о ее выборе первым, и это решение останется неизменным в любом случае. Баронесса фон Штейн не станет наложницей короля, но и женой графа ей тоже не бывать. Главное — не допустить фальши!

Девушка постучалась в каюту к Джону, дождавшись разрешения, вошла и осторожно, словно хрустальную, прикрыла дверь. До ее прихода тот, видимо, читал, лежа в гамаке. Граф поднялся и отложил книгу на столик, где сиротливо лежали ненужные теперь перстни, медаль Шерифа и попугайский шлем.

— Никак не верну имущество законным владелицам, — усмехнулся Джон, потрепав перья на шлеме, потом удивленно

обернулся к госте снова. Все повторялось: предчувствие, которое он усердно гнал прочь, внезапный визит Клодии, бледной и решительной, теперь, кажется, решившейся окончательно, и больно бьющие слова. Но вдруг он ошибся?!

— Габриэль, я сделала свой выбор... сердцем, — тихо вымолвила баронесса. — Не хочу не успеть еще раз. И так слишком поздно, слишком нечестно. Умоляю, прости меня!

Девушка слегка приподняла тяжелую юбку и опустилась перед онемевшим рыцарем в глубоком реверансе.

— Клодия, зачем?

Нет, не ошибся, но разве это поменяет его собственное решение? Опомнившись, Джон кинулся к ней, но, наткнувшись, как на острие копья, на взгляд девушки, замер, нависнув над ней.

Баронесса поднялась, разрешив себе опереться о поданную руку, встряхнула платье, возвращая первозданную негнущуюся правильность складок, и робко улыбнулась.

— Ты станешь великой королевой, девочка, — рыцарь взял ее ладони в свои и, легко пожав их, досказал: — По-другому поступить ты не имела права.

Заметив в глазах девушки наворачивающиеся слезы, он мягко прибавил:

— Мы подарили друг другу столько любви, сколько в нас было. Я рад, что встретил тебя. Не протестуй и не оправдывайся — виноватых нет. А теперь...

Джон выпустил руки баронессы, она благодарно кивнула ему и вышла.

Честно говоря, Клодия еле сдерживалась, стараясь не разрыдаться и не засмеяться одновременно от облегчения. Она выбежала на внешнюю корабельную галерею. Пусть ветер остудит горящие щеки, высушит вспотевший лоб, пусть у нее будет еще пара минут перед встречей с Арагоном!

Граф закрыл дверь за Клодией, сжал кулаки и прикрыл глаза.

— Вальдо, черномазый говнюк, почему ты опять оказался прав?! — пробормотал Джон. — Эх, Кло, за тобой должна бы тянуться череда разрушенных городов в сердцах мужчин, а твои бесчинства скромны. Впрочем, в отличие от мальчишки я умею проигрывать. Моя твердыня будет отстроена заново.

Баронесса неторопливо подходила к королевским апартаментам, там царила подозрительная тишина. Девушка подняла руку, чтобы постучаться, но дверь рывком распахнулась, и перед ошарашенной Клодией появился государь.

— Я уже сам хотел идти за тобой, как видишь! — с упреком воскликнул Арагон и отодвинулся, пропуская ее в комнату.

Вдруг он, театрально закрыв рукой лицо, попятился

и плюхнулся на диван, оставив растерявшуюся баронессу стоять посреди комнаты.

— По какому поводу ты так вырядилась? Сейчас что, намечается очередной сеанс дипломатической нудятины? — простонал король.

— Нет, ваше величество, в данный момент я пришла по личному вопросу, — несколько смутившись, ответила Клодия.

— О, для таких дел у меня всегда полно времени! — Арагон внезапно приподнялся, схватил девушку за талию и уронил в свои объятия. — Уже готов! — торжествующе воскликнул он.

— Мне придется вас огорчить, — после такого вступления баронесса не сумела подавить улыбку, — но все гораздо серьезнее и важнее.

— Да что может быть важнее?! — король вскочил от негодования, столкнув Клодию на диван рядом с собой, затем, как-то сразу успокоившись, сел и прошептал: — Глупости, самое главное — это...

Пылкий сластолюбец придвинулся к девушке вплотную, провел пальцами по ее щеке, поймал руку, пытавшуюся отстранить его, и поцеловал, лукаво глядя исподлобья. Боясь не успеть договорить, пока Арагон готов ждать (а это время исчислялось секундами), Клодия выпалила:

— У вас будет наследник... — и замолчала, не зная, как продолжить, и нужно ли вообще говорить что-то еще.

Юный монарх слегка отпрянул, смерил Клодию долгим взглядом, а потом откинулся на спинку дивана и какое-то время, уставясь в потолок, молчал. Девушка, грустно усмехнувшись, начала вставать. Тогда он снова усадил ее и, оказавшись с ней лицом к лицу, почти соприкасаясь лбами, медленно произнес:

— Моя. Всецело, безраздельно! Королева. И зачем было столько ломаться?

*— День 2 июня года 1827 от основания великого
королевства Арагон.*

И был праздник, и был пир. Государь щедро наградил героев сражения при Золотых Полях — нас. Пускай само сражение, по сути, не состоялось — это неважно. Арагон же бесшабашно заметил: «Кто я такой, чтобы мешать своим подданным поздравить меня и повеселиться?!» Как бы то ни было, мы все приняли участие в этом спектакле в угоду народной молве, ведь надо же позволить людям сложить новую легенду, дать им возможность потрепаться о тех чудесных временах, когда...

Торжество проходило на главной площади столицы, перед королевским дворцом. Лестница к парадным дверям послужила

помостом, где восседал блистательный (во всех смыслах) Арагон XIII. В нескольких шагах от нижней ступени выстроилась шеренга гвардейцев, а за ней — колыхалось пестрое людское море. Все ближайшие здания, как водится в таких случаях, облепили разномастные зеваки. Сейчас лорды смирились с вынужденным соседством черни, хотя, конечно, окружили себя личной стражей. Впрочем, молодые дворяне в компании обычных горожан штурмовали балконы и лепнину, не брезгуя подставить обтянутое шелком плечо под грубый башмак простолюдина.

А поглазеть было на что! Фасад дворца убрали цветами и флагами, аристократы разоделись в пух и прах, но наиболее любопытной деталью, похоже, стала наша скромная на общем фоне компания. Король приказал нам явиться как есть — в походной одежде, боевых иссеченных доспехах. Особую пикантность ситуации придавало отсутствие среди награждаемых знаменитых арагонских военачальников, привычных глазу прихлебателей и прочих персон, которым традиционно достаются медали.

**

Герольды громко оглашали происходящее на помосте.

— Барон Сореал попросил у государя меч себе под стать, ибо, по словам рыцаря, ни золото, ни новые земли не напомнят ему об этой славной победе!

— Граф Габриэль Оллгуд, оставивший путь Странствующего воина и вернувший себе титул, получил в свое владение земли Арго!

— Тилберт Пам производится в рыцари!

Тут оглашение королевской грамоты прервалось надолго. Торжественный ритуал посвящения проводил лично Арагон XIII. Сын кузнеца принял из рук монарха свой клевец, поклявшись служить истине, где бы ни оказался. Это обещание стало первым сюрпризом для зрителей. Чаще всего присягали на верность короне, а не расплывчатому понятию. По слухам, молодой рыцарь таким образом воздал должное своему наставнику, бывшему Белому магистру Джону. Возможно, Орден Странствий возродится, но уже с иными целями. Так или иначе, государь благосклонно принял слова Тилберта. Сверх того, он поощрил пылкого идеалиста увесистым кошельком с золотом.

— Джек, иноземный путешественник из далекой Солярии, согласился принять пост Главнокомандующего Арагонскими войсками!

Второй сюрприз возмутил собравшихся на площади дворян донельзя. Однако большинство сошлось во мнении, что

должность имеет условную значимость, а монарх в силу молодости просто падок на экзотику.

— Род Эйнхандеров освобождается от всех долгов казне!

— За родом Фин-Сеалов закрепляется звание государевых виночерпиев. Отныне налоги они имеют право выплачивать «Росой Черного Леса»!

Девушка Лексиз с детской непосредственностью потребовала восстановить замок своих предков и обеспечить ее сонмом «красивых слуг». Так как содержание многочисленных любовниц не шло вразрез с королевской честью, в толпе раздалась смешки, умиленные вздохи и комментарии по поводу внешности новой фаворитки его величества.

Эвистрайя, Певница богов, отказалась от какого-либо подарка. Зато сама она пообещала сложить достойную песню о событиях, которым была свидетельницей, и разнести ее по миру.

Сиилин, сидя на макушке своего питомчика Татхи, заявила свои права на один из дворцовых садов, якобы намереваясь взрастить там цветочный круг, самый-самый красивый, естественно.

— Также, — фея принялась загибать пальчики, — я хочу собственную статую из золота и личные апартаменты... нет, лучше личный дворец в моем саду! Еще...

Пикси не договорила. Король расхохотался, что-то шепнул подбежавшему слуге, и через некоторое время на помост внесли огромную канареечную клетку со множеством насестов, качелей, поилок, кормушек и прочих птичьих удобств. Зато жилище было позолоченное, а до сего момента в нем обитали исключительно благородные пернатые. Сиилин гневно пискнула, но ее, уже бросившуюся на венценосного обидчика с кулачками, поймал Татхи. Ящер поклонился Арагону и, подхватив свободной лапой, забрал клетку, которую с трудом поднимали четыре лакея.

Монарх не забыл ни про Вальдо, чернокожего спутника рыцаря Джона, ни про мага Ферджина, ни про Кайта Сиду. Собственно, свиток с перечислением людей и наград достигал пары метров в длину, но дальнейшие благодарности носили скорее шуточный характер, порой на грани унижения. Среди присутствовавших возникло ощущение, будто король освобождает закрома дворца от хлама. Ну а особо утонченной издевкой стало упоминание двух последних имен.

Ксандрийский генерал Данхил принял от государя великолепные латы и меч, принадлежавшие Арагону X. Вроде бы истинно королевский жест, но в то же время эта дань уважения врагу заслужила среди родовитых дворян весьма неоднозначную характеристику.

Ну а баронесса Клодия фон Штейн получила в награду титул королевы! Или таким образом царственный хитрец наградил самого себя?

Арагон XIII поднялся с трона, передав монаршие регалии в руки хранителей, стоявших неподалеку наготове, и торжественно направился к подданным. Он спускался по ступеням, а гул голосов постепенно стихал. Сегодня многожды подтвердилось, что юный правитель любит эпатировать публику, и все ждали, затаив дыхание.

Государь остановился напротив Клодии, а потом медленно опустился перед ней на колени и, обняв ее ноги, ткнулся лицом девушке в живот. Баронесса зарделась, поднесла ладони к губам и склонила голову, растерянно глядя на коронованный затылок Арагона. Кажется, по пальцам ее потекли слезы, и две-три капельки, все-таки предательски сорвавшись, исчезли в волосах монарха. Эта немая картина вызвала перешептывания в толпе.

— Она спасла нас всех! — голос короля звонко прокатился над площадью, он уже вновь поднялся и взял Клодию за руки, а в его глазах заплясали шkodливые огоньки. Тем не менее следующую фразу он произнес мягко и серьезно: — Баронесса фон Штейн, вы согласны стать моей супругой и королевой Арагонской?

Что тут началось! Чаша терпения переполнилась. Ведь государь позволил себе презреть вековые обычаи, поставил себя в неловкое, прямо-таки опасное положение, сделав предложение прилюдно. В свете возможности отказа, хоть и маловероятной, его «шутка» угрожала чести королевской фамилии. Браки заключались при согласии семей (или между официальными представителями сторон), часто еще в младенчестве, дабы несогласие невесты не нанесло официального оскорбления жениху — либо наоборот — и во избежание прочих неприятностей. Не говоря уже об отсутствии приличной родословной у наглой белокрысой выскочки!

Поэтому сейчас в рядах лордов и леди случилось несколько легких обмороков, парочку пожилых графинь хватил удар, и произошла одна скоропостижная кончина — герцог Голфаг не перенес выходки внука. Кроме того, девица позволила себе еще минуту подумать — хотя, может, у нее просто перехватило дыхание, — доведя тем самым высшее общество до неистовства. Надо отметить, Арагон ждал ответа как ни в чем не бывало, спокойно любуясь своей избранницей.

— Я согласна, — тихо ответила баронесса фон Штейн.

Облегченный вздох разнесся над толпой, раздались аплодисменты, смех и ликующие возгласы, сейчас все

действительно радовались. Аристократы, скорее всего, затаили обиду, чернь, похоже, пребывала в эйфории от того факта, что женой короля станет не знатная девица. Такие истории всегда пользуются успехом в кабаках: они любили друг друга, преодолевая тернии, презрев общественное мнение, жили долго и счастливо.

Арагон XIII под локоть возвел Клодию к трону, где слуги уже завершили приготовления, установив кресло королевы. Осанка юной баронессы всегда отличалась безупречностью, но теперь приобрела царственную величественность, — она прекрасно повела свою роль.

**

Праздник победы плавно перетек в грандиозную свадьбу — еще два дня вся столица буквально ходила ходуном. Было весело и легко.

Однако вновь наступают будни, пора собираться в путь — обратно, в земли Штейн.

— День 12 июня года 1827 от основания великого королевства Арагон.

Вот мы и дома. Забавно, но за последнее время я и впрямь привык считать замок Штейн вторым домом.

Слово «мы», правда, теперь куда менее весомое. Королевская чета осталась править в Аэнаре. Джек осваивается в новой должности, жутко выбешивая, на радость Арагону XIII, стариков-генералов. Джон и Вальдо пока гостят здесь, но оба основательно запили, отмечая, по-видимому, завершение ратных трудов, а через пару дней уедут осматривать новые земли Оллгуд. Айден продолжает собственноручно восстанавливать имение Фин-Сеалов, кажется, на повестке дня у молодого чародея мебель. Гилберт и Ферджин так и не объявились. Я, Фессаха, Эвистрайя, неугомонная Сиилин вместе с Татхи и Лексиз, да Тил — вот и все «мы». Кроме того, завершается паломничество Эви: началось лето, Вторая Луна вскоре скроется с небосклона, и эльфийка вернется в Черный Лес. Впрочем, некогда грустить по этому поводу — мне то не сегодня-завтра опять в дорогу.

Кстати, Клодия отказалась от титула в пользу Моны. Помоему, это вполне достойная награда за то, что Мона де Лонзо взяла под свою опеку баронство. Вот так. Трактирщицу эта новость не удивила и не особенно взволновала. Она лишь кивнула, прочитав гербовую бумагу, и направилась на восточную стену, где высятся строительные леса. Замок ее усилиями быстро реставрируется.

Уже глубокой ночью дополняю дневник. Из своего окна я наблюдал, как с небес опустился пламенеющий шар, ненадолго завис над Риовейном и медленно полетел над лесными просторами. Некоторое время над вершинами деревьев вдали сияло зарево, будто от пожара, а потом сфера пронеслась обратно в сторону Серых Земель.

По словам Эвистрайи, это мог быть только корабль богов, но вместо радости его появление посеяло в ее сердце тревогу. Сполохи мерцали как раз в тех краях, где обитает Дом Эвин. Эльфийка попросила меня с Тилом проводить ее к родичам. Это отодвигает мой поход, но нет важнее дела, чем помощь другу. Выступаем завтра на рассвете.

— *Писано в замке фон Штейн*

*17 июня года 1827 от основания великого
королевства Арагон.*

Через два дня езды сквозь чашу мы прибыли на место, где находилось эйрайское поселение. Используя прошедшее время, я, к сожалению, не оговорился.

Теперь в изящных древесных жилищах царит безмолвие, на «улицах» лежит с десяток тел эльфийских воинов, и повсюду — следы тщетного сопротивления. Даже зверье не осмелилось до сих пор сюда сунуться.

Каким-то чудом до нашего приезда сумел продержаться наставник элион-эйя, он-то и поведал нам, что случилось: «С небес спустились боги. Они были точно ожившие легенды, только вели себя иначе. Высшие забрали Дом Эвин с собой...» Старик умер, не успев объяснить, зачем местные воины сражались со своими богами.

После увиденного Эвистрайя твердо решила найти свой народ. Она пожелала сопровождать меня в пустыню. Не утаю — мне будет приятна ее компания. Ну и я сделаю все, чтобы облегчить ее миссию.

Мы вернулись в замок. Следует тщательно подготовиться к путешествию. Тем не менее главное — одиночество в странствиях мне не грозит.

И еще: необходимо отправить гонцов в Аэнар — если «боги» решат вернуться, король и королева должны устроить им достойную встречу!

— *День 23 июня года 1827 от основания великого
королевства Арагон.*

Слабые отсветы пламени, отбрасываемые догорающим костерком, плясали на бледном осунувшемся лице. Глубоко запавшие глаза безразлично уставились в огонь. Да и вообще, человек, укрывшийся от непогоды в пещере на восточном склоне Эрбекской горной гряды, представлял собою жалкое зрелище: непомерно отросшие черные волосы спутались и жирно блестели в неверном свете, подбородок зарос колючей щетиной, одежда превратилась в лохмотья. Чуть поодаль лежала убогая кучка дров — все, что удалось нарубить левой рукой. Правую бродяга баюкал, словно дитя, прижимая к тощему животу.

Гилберт Эйнхандер тяжело вздохнул и бросил в костер еще ветку. Он стал никем, лишившись любимой женщины, легендарного подвига, отвергнутый своими друзьями, искалеченный и обесчещенный. Здесь, в мрачных предгорьях Кадэна, он мог вволю подумать о своей разрушенной судьбе и о том, что было сделано не так. Он вспомнил вопрос, заданный им вечность назад перед оракулом: «Станет ли леди Клодия моей женой?» Озерный дух солгал ему, ответив: «Любовь леди фон Штейн и великие дела ждут тебя». Теперь Гилберта Эйнхандера ожидают лишь позор и забвение.

Да, Марджолина оказалась вовсе не таким чудовищем, как изображали ее догматы, да, с нелюдями удалось добиться шаткого мира, но это ничего не меняло. Действия барона, короля, рыцаря Джона и прочих не основывались на доводах разума, они, не мудрствуя особо, доверились восторженным фантазиям глупой девчонки, которая, в свою очередь, поверила в собственную избранность, в древние легенды, извращенные эстарийской ведьмой, в... какая теперь разница? Они принесли мечты и чаяния Гилберта в жертву. Юноша еще раз тяжело вздохнул. Большую часть своих жалоб он высказал пляшущим на стенах теням вслух, но вряд ли это осознавал.

Костер догорел, даже угли остыли, но Гилберт боялся заснуть, хотя он ни за что не признался бы себе в этом. Предгорья изобиловали пещерами — согласно преданиям, их оставили падающие обломки небесных кораблей. Теперь в них поселилось множество разнообразных тварей... и сам Гилберт. Поворошив грязными ножами кинжала теплый пепел, он заметил в выкопанной им ямке пульсирующий огонек. Широко распахнув воспаленные глаза, юноша еще с удивлением всматривался в искорку, когда под сводами пещеры раздался голос.

Если бы Гилберт услышал его под открытым небом, то

наверняка определил бы источник, — слова звучали из-под земли, но эхо, ожившее под сводами, превратило их в громогласную, словно исходящую отовсюду речь божества. Как, собственно, говорящий и рассчитывал.

— Ты жаждешь подвигов, червяк? — Гилберт вскочил, озираясь вокруг, неуклюже пытаясь выхватить несуществующий меч левой рукой. — Я дам их тебе больше, чем сможешь унести!

— К...к-кто ты?! — юноша пытался изгнать из голоса дрожь, но получалось неубедительно.

— Я... Зенан! — прогремел голос. — И я избрал тебя для великих дел! Но для начала... — демиург (если это действительно был он) выдержал паузу и вкрадчиво добавил: — ... для начала тебе придется пройти испытание.

— Как я могу быть уверен, что ты не коварный горный демон? — потенциальный герой величаво выпрямился, не желая пасовать ни перед кадэнской нечистью, ни перед божеством.

Зенан расхохотался.

— Боги на то и боги — мы требуем от последователей веры. Но, я вижу, ты не глупец, просто тебе слегка не повезло. Я поправлю это. Полоса твоих неудач подошла к концу. Тебе нужно лишь выкопать из земли вместилище могучего артефакта, находящееся прямо под твоими ногами. Справишься? Ну или, если я недостаточно убедителен, убирайся прочь из моей пещеры и продолжай ныть в соседней — твой скулеж порядком меня утомил.

Гилберт задумался, взвешивая возможные риски. Еще пять минут назад он полагал себя человеком конченым, думал, будто ему нечего терять, но таинственный голос вмиг рассеял подобные мысли. Приходилось признать — гибель среди диких кадэнских зарослей была куда менее привлекательна, нежели нарисованные «демиургом» картины. К тому же далеко ходить не нужно — доказательства здесь, «прямо под его ногами».

Юноша усмехнулся впервые за долгие дни и принялся ковырять землю кинжалом.

— Я в тебе не сомневался, — самодовольно заявил бог плутов через некоторое время. — Когда Зенан предлагает приключения, подвиги и любовь полногрудых дев, никто из смертных не в силах отказаться. Когда закончишь копать — сбей своим ножичком кольцо под красным огоньком...

Гилберт не ответил: он изумленно смотрел на постепенно открывающийся его взору древний артефакт.

Когда, спустя несколько часов, гладкая, не тронутая ржой и тленом цилиндрическая емкость с шипением раскрылась, явив все еще не верящим глазам легендарный костюм Человека-

Свиньи, юноша в благоговейном восторге рухнул на колени.

«Мда, не такой тупой, как с виду, но и не так умен, как хотелось бы, — подумал Зенан, глядя на распростертую перед ним фигуру. — Все же лучше, чем ничего. У парня есть задатки, ну а женщины... С кем не бывает?!» Демиург вновь заговорил вслух:

— Залезай внутрь доспеха, приятель, посмотрим, что там у тебя с рукой. Да поторапливайся! Подвиги и сисястые девочки ждать не будут!

Гилберт с благодарностью воззрился на небо, подмигивающее бледнеющими звездами сквозь проем входа в пещеру, поспешно кивнул и решительно шагнул навстречу своей новой жизни и предназначению.

— День на исходе июня

года 1827 от основания великого

королевства Арагон.